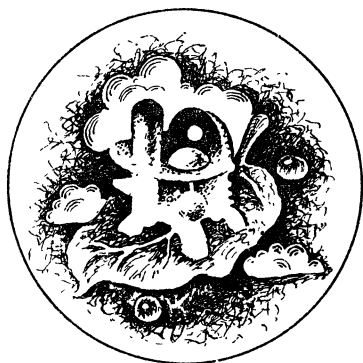

БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

ГЕОРГИЙ ГУРЕВИЧ

ТЕМПОГРАД

БИБЛИОТЕКА
СОВЕТСКОЙ
ФАНТАСТИКИ

БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

ГЕОРГИЙ ГУРЕВИЧ

ТЕМПОГРАД

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1980

Гуревич Г. И.
Г95 Темпоград: (Роман). — М.: Мол. гвардия, 1980 — 288 с., ил. (Б-ка сов. фантаст.).

90 к. 100 000 экз.

Роман о городе физиков будущего, об ученых и исследователях, решающих проблемы завтрашнего дня, прокладывающих новые пути к знанию.

Г 70302—231 241—80. 4700000000
078(02)—80

ББК 84Р7
Р2

ИБ № 1730

Георгий Иосифович Гуревич
ТЕМПОГРАД

Редактор **Т. Журавлева**
Художник **В. Бай**

Художественный редактор **Б. Федотов**
Технический редактор **Е. Брауде**
Корректоры **А. Долидзе, В. Назарова**

Сдано в набор 28.02.80. Подписано в печать 28.08.80 А13807.
Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 12,6. Учетно-изд. л. 12,6. Тираж 100 000 экз. Цена 90 коп. Заказ 206.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Суцневская, 21.

*Хуже нет — ждать и догонять.
Обещанное три года ждут.*

Поговорки

ГЛАВА 1.

НЕПРОСТИТЕЛЬНАЯ ОПЛОШНОСТЬ

2099 год. Вторая неделя мая

Астронавтов закатывали в золото.

Оба — старый и молодой — лежали на тугих струях воздушной перины, в то время как миниатюрные, не больше жука, ползуны, монотонно гудя, обматывали почти прозрачной, красноватой на свету ленточкой пальцы ног, плюсну, пятки, щиколотку. Людей закатывали в последнюю очередь. Весь багаж — аппаратуру, контейнеры, мебель уже озолотили. Глазам больно было от сверкания.

— Золото! — задумчиво сказал старший из путешественников. — Универсальное мерило стоимости у предков! Интересно, сколько мы стоили бы в прошлом веке? Наверное, нас запрятали бы в подвалы банков, заперли в сейф с секретным замком. А предки предков лет тысячу назад в храме бы выставили для поклонения.

— Конструкторы признали золото наилучшим материалом, Юстус, — отозвался астродиспетчер, внимательно провожавший взглядом каждый оборот фольги. — Золото — превосходный проводник, хорошо прокатывается в тончайшие ленты, химически инертно, гигиенично, безвредно. И сверх всего, солидная плотность — девятнадцать с дробью. Концентрированный резерв массы для восполнения недостатч.

— Могут быть недостатки? — быстро переспросил астронавт. — Мне не хотелось бы, чтобы вы потеряли

мою голову при пересылке. — Шуткой он прикрывал беспокойство.

— За утрату несем ответственность. Потеряем подержанную, поставим новую. — И астродиспетчер отшутился, оберегая необходимую бодрость.

— Извини, друг, но я как-то к своей привык.

— Притерпишься. Ну вот и ножки обуты. Можешь поставить, не надо держать на весу.

Золотые сапожки мелодично зазвенели, коснувшись пола. Астронавт оглядел их с удовольствием, потом поморщился. Сапожки выглядели нарядно. Ноги не понравились владельцу. Как ни старайся, возраст берет свое. Бледные, тощие стариковские голени со вздутыми венами. Юстус со вздохом перевел взгляд на своего спутника — молодого гиганта с тонкой талией, развернутой грудью и гордой головой античного бога на атлетических плечах. «Вот натура. Хоть сейчас лепи с него молодого Геркулеса!»

— Дышите глубже, учитель, — сказал молодой. — Запасайте кислород в тканях.

Юстус не был его учителем. Как раз наоборот. В космосе он был новичком, младший его инструктировал. Но старшего принято было почтительно называть учителем.

— Так какие же бывают недостатки? — настойчиво переспросил старик с позолоченными ногами.

Астродиспетчер понял опасения новичка.

— Юстус, — сказал он, — будь же благоразумен. Еще не поздно: дублер за дверью, и все можно переиграть. Претензий не будет никаких. Межзвездный транспорт — риск всегда, для пожилых — риск тройной. А ты большой ученый, таких надо беречь для науки.

Астродиспетчер не только беспокоился за друга. В самой глубине души, не отдавая себе отчета, он немножко завидовал Юстусу. Они были сверстниками, даже соучениками одно время: вместе изучали звездное

небо. Потом пути разошлись. Юстуса тянуло к теории, спектро스코пу, микроскопу; Марк предпочитал на пыльных тропинках далеких планет оставлять свои следы. Ему сопутствовала заслуженная слава. На конференциях почтенные ученые внимательно выпрашивали подробности его впечатлений. Из каждого рейса он привозил целые ящики с пленками — материалы для работы нескольких институтов. Такие, как Юстус, по старой дружбе выпрашивали у него полчаса, надеясь, что очевидец подтвердит их земные кабинетные догадки. Так было лет до сорока пяти... до пятидесяти. Увы, дальние планеты с их гравитационными фокусами не санаторий для лиц выше среднего возраста. Некоторое время опыт еще помогает бороться с усталостью сердца. Потом, как и полагается, чемпион становится тренером, астронавт переходит на асфальт. Марк писал воспоминания, делился умением, наставлял и провожал в чужие миры античных красавцев с развернутыми плечами, сам выпрашивал у них подробности, их материалы комментировал, уже не дорожа получасиками, обыкновенными, не переполненными, не бесценными. Принял свою судьбу без горечи. Бабушка не может завидовать внучке. Невестой она сама была в свое время, теперь радуется за молодое поколение.

Но у Юстуса судьба сложилась иначе. Десятки лет Юстус рассуждал, наблюдал, считал, вдумывался и постепенно стал уникальным, единственным в своей области специалистом. Стал настолько незаменимым, что вот сейчас на неизведанную планету, несмотря на солидный возраст и отсутствие космического опыта, посылали его, нетренированного старика... а Марк, герой звездных троп, всего лишь следил, чтобы ползуны-автоматы как следует наматывали золотую фольгу на тело ровесника.

— Будь же благоразумен, Юстус.

— Марк, я очень благоразумен, я рассудителен и да-

же расчетлив. И я подсчитал точно: грош цена мне будет как ученому, если я откажусь от сегодняшнего рейса. Пойми, я написал о новых звездах десятков трактатов, я предложил гипотезу о причинах и механизме взрыва, я вывел формулы для прогноза сроков, сотни раз письменно и устно я описывал эти взрывы, насилая воображение. Нет, я не уступлю свое кресло в первом ряду этому милому дублеру, который ждет там, за дверью, уповая, что я упаду в обморок. Я должен видеть взрыв собственными глазами. Если не увижу, пустослов я буду, полководец, не нюхавший пороха.

— Но ты там не очень играй с этим порохом, — напомнил диспетчер. — Не увлекайся как мальчик, не забывай о дисциплине. Уточни сроки и за трое суток до взрыва — в обратный путь. Для науки никакой пользы не будет, если ты разлетишься на атомы вместе с этой несчастной планетенкой.

— Это не совсем так, Марк, разреши тебя поправить. У нас преувеличенное представление о силе взрыва новых. Да, катастрофа чудовищная, да, вздувается целое солнце, да, из него вырывается газовая струя в сотню земных масс, огненный Юпитер рождается. Но ведь космос так обширен. Юпитер рождается и рассеется. До упомянутой «планетенки» дойдет одна десятимиллионная доля земной массы — всего лишь огненная туча. Да, она опалит и оплавит горные породы, вскипятит метровый слой воды в океане. Но камбалы на дне, если там есть камбалы, даже не узнают о катаклизме. Для них водичка станет чуть-чуть потеплее. Даже в глубокой пещере можно будет спастись, если замуровать ее наглухо.

— Но-но-но, Юстус, никаких экспериментов с пещерами. За трое суток до взрыва ты обязан отчалить, такова программа, таков приказ. А ты, Свен, — астродиспетчер обратился к молодому, — ты проследи за выполнением программы. Головой отвечаешь, чтобы этот легкомысленный учитель не застрял до самого взрыва.

— Есть проследить, чтобы легкомысленный учитель не застрял до самого взрыва, — четко и бесстрастно повторил молодой.

— В тебе-то я уверен. Ты не потеряешь голову.

— Есть не потерять голову.

Даже среди выдержанных астронавтов Свен славился своим хладнокровием. Но он никогда не признавался, что хладнокровие приелось ему. Ему хотелось волноваться, хотелось, чтобы сердце билось чаще, пульс ускорялся, кровь стучала в висках. В школьные годы волнение доставлял слалом, рискованные гонки по краю пропасти. Когда и к лыжам привык, кровь согревал парашют; когда привык к парашюту, потянулся в космос. Вот и сейчас, молча, с неподвижным лицом, он предвкушал возможные приключения. Планета у взрывчатого солнца обещала каверзные неожиданности. «Есть проследить, чтобы учитель не застрял!» — рапортовал он привычно, но про себя подумал: «Учитель... не я же. Я могу и под водой остаться, могу и в пещере. Программой не предусмотрено... но бывают же непредвиденные обстоятельства».

— Кстати, о камбалах и прочих водных и земноводных. Перечитай на досуге главу о контактах, Юстус. В развитие общества ты не имеешь права вмешиваться ни в коем случае.

— Марк, не смей меня. Какое общество под взрывчатым солнцем? И вообще, сколько мне помнится, вы, астролетчики, осмотрели шестьсот планетных систем, но разум встречали только трижды, и то в первобытных лесах, под водой ни разу.

— Я обязан напомнить, ты обязан не забыть.

Юстус не ответил. Жук обматывал ему грудь золотой тесьмой. Дышать становилось труднее; металл резал кожу при вдохе.

— Скорее бы!

— Терпи и терпи! — сказал диспетчер наставитель-

но. — Дыши часто и мелко. Сейчас тебе замотают шею, щеки, лоб. Потом глаза, ноздри и рот. Когда я скажу «выдох», выдыхай, выдыхай, что есть силы. Чем меньше воздуха в легких, тем надежнее ретрансляция. Как выдохнешь, считай до двадцати. Считай неторопливо: «Раз-и, два-и, три-и» — и так далее. Не меньше, чем до двадцати. Потом сорвешь ленточку со рта.

Юстус не ответил. Он дышал сосредоточенно, глядя на свои позолоченные руки с растопыренными пальцами. Автомат навивал тесьму на подбородок. Было холодно и душно. Сердце побаливало, как обычно в духоте.

«Скорее бы!»

Жук монотонно гудел на скулах, трещал, вдавливая фольгу в уши. Пронзительно холодный металл лег на веки.

— Выдох!!! Сильнее!!!

— Фу-у-у-ухх!

Томпоны заткнули ноздри.

— Считай!

— Раз-и, два-и, три-и... девять-и, десять-и...

Грудь распирало от желания набрать воздух. Горло напрягалось. Астронавт стиснул зубы.

— Одиннадцать-и, двенадцать-и... Не могу больше.

Боль! Обожгло снаружи и внутри, все нервы опалило. Юстус удивился, на миг забыл про счет и даже про дыхание. Не сразу спохватился:

— Тринадцать-и...

И тут же услышал голос:

— Дышите, учитель, можно.

— Уффф!

Приборчик зашевелился на верхней губе. Переполз через нос туда-обратно, стянул холодную ленточку с глаз. Брызнул свет... золотой. В загроможденной золотом комнате прямо перед Юстусом сидел позолоченный атлет. Один! Марка не было, провожающих не было.

— Все, учитель. Мы на месте.

— Уже на месте? Я и до двадцати не досчитал. Миг!

На самом деле, конечно, прошел не один миг, а несколько суток условно приведенного времени, пока сигналы межзвездного транспорта мчались к планете назначения. Но в этом условном времени-пространстве астронавты не существовали. Их превратили в кодовые знаки, а код не осознает себя, не чувствует. В метакосмосе летела как бы роль человека, записанная партитура. Есть разница между ролью и артистом. Роль не заговорит, пока артист спит. И Юстус не ощутил перерыва в своей жизни. Закрыл глаза и открыл глаза.

— На месте? Ты хочешь сказать, что мы прибыли, Свен?

— Да-да, прибыли, учитель. Разве вы не замечаете прибавки веса. Здесь гравитация 1,2. Двадцать процентов, для нас с вами это добрых пятнадцать кило.

Верно, Юстус ощущал, что двигаться тяжело. Но считал, что так полагается после межзвездной встряски. Поднялся на ноги. Нелегко, но ходить можно, пожалуй.

Все помещение было наполнено гулом. Десятки жуков-автоматов сматывали золотые ленты с ящиков, столов, аппаратов, тюков. Угасал желтый блеск, зато возникало приятное глазу разнообразие красок: теплое дерево, пестрые пластики, узорные ткани.

Между тем Свен, не дожидаясь, чтобы его раскатали окончательно, деловито перемещался по помещению, выполняя заранее расписанную программу расконсервирования: что-то включал, что-то выключал, вынимал, расставлял, развешивал, успевая поглядывать на датчики.

— А дышать можно на этой планете, — сказал он, всматриваясь в показания анализатора. — Вполне приятная атмосфера: водяные пары, CO_2 в пределах допустимого, азот, кислород. В долинах давление будет досаждать, но здесь, в горах, обойдемся без скафандров даже. Только не торопитесь, учитель. Проверим.

Свен не в первый раз посещал незнакомые планеты.

На вокзале МЗТ он чувствовал себя уверенно, словно в гостинице. Город чужой, но порядки известные. Администратор в вестибюле, на первом этаже ресторан, а на самом верхнем — буфет. Душ в номере, завтрак с семи утра... До семи надо успеть побриться. И он уверенно делал свое дело в ожидании рассвета. Юстус почувствовал себя спокойнее. Приятно, если рядом с тобой оказался старший — не годами, но опытом.

И, охотно подчиняясь этому младшему старшему, астроном обтер тело губкой, накинул теплый халат, выпил кофе из термоса и уселся в кресло, ожидая, чтобы жуки смотали все ленточки и утащили золотые диски в специальные стойки с отделениями, какие делают для музыкальных пластинок.

Обтирался губкой, кофе прихлебывал, халат застегивал... Вот так буднично, неромантически началось его пребывание в чужедальнем мире, на планете взрывчатого солнца.

— Свен, скоро можно будет выглянуть наружу?

— Сейчас, учитель, скафандры еще не раскатаны.

— Но ты говорил, что и без скафандра можно дышать.

— Говорил. Но в уставе сказано: «Рисковать ты имеешь право на Земле. Там ты подводишь только себя». Ваш визит на эту планету, учитель, стоит дороже, чем постройка стоэтажного дома.

— Ужасно рассудительный народ вы, молодые.

Томительно долго длилась процедура надевания скафандра, проверка каждого шва, герметизация, разгерметизация. Наконец-то отсосан воздух из шлюза. Можно распахнуть дверь и ринуться... на вокзал. Вокзалами называли приемные станции межзвездного транспорта. Такие же стояли уже на шестистах планетах. Эта прибыла несколько дней назад; отныне можно было переправлять сюда и людей, и любые вещи.

Планировка у всех вокзалов была стандартная: про-

тив каждой двери окошко. Юстус кинулся к окну.

Ночь была в чужом мире черная, безоблачная и безлунная. Небо расписано чужими звездными узорами.

Какое-то подобие паука намечалось, голова жирафа на длинной шее, горбоносый профиль, туго перевязанный сноп. Астроном подумал было, что может взять на себя почетную, хотя и бесполезную, обязанность: распределить здешние звезды по созвездиям и придумать для них названия. Но, всмотревшись, понял, что созвездия не так уж отличаются от земных. Сноп это, конечно, Орион. Правда, здесь небесный охотник изящнее, в поясе туго перетянут в рюмочку. А вот и Альдебаран, хотя и не на кончике рога Тельца. Кучка Плеяд тоже видна. Где-то в том же направлении Солнце... и родная Земля. Не верится, что сам прибыл оттуда, из какой-то точки на небе.

— Свен, как у нас с оптикой?

— Как только рассветет, налажу вакоскоп.

— Большой?

— Метров двадцать в диаметре. Если удастся по рельефу, растянем на сто.

— Сто метров, недурно...

Как обычно, старый астроном с удовлетворением подумал о вакоскопе, вакуумскопе, если быть грамматически точным. Прекрасное изобретение, благословение астрономии XXI века. И принцип такой простой, а не могли додуматься пять веков. Варили стекла, шлифовали стекла, подгоняли стекла, чтобы отражать, преломлять и собирать лучи. Но ведь нужны были не стекла, а преломление. Вакоскоп искривлял вакуум, вогнутая пуста в нем преломляла лучи. И в результате не надо было транспортировать громоздкие стекла. Вакуум имелся на каждой планете.

— Станет светло, выберем место, — добавил Свен.

Рассвет уже приближался. На одной стороне неба звезды выцветали, под сероватым сегментом обозначил-

ся горизонт — острые позвонки зубчатого хребта. Приемные станции МЗТ почти всегда ставились в горах, чтобы воздух не мешал наблюдать звезды. Вскоре сероватое превратилось в ржавое; силуэты хребтов сделались бурыми, цвета запекшейся крови. Но вопреки законам физиологии горная эта кровь постепенно светлела, становилась малиновой и алой. (Снега! Вдоволь воды на этой планете!) Из тьмы выступили розовые и алые вершины: конуса, сахарные головы, зубы, клыки, шлемы. Они казались прозрачными — не лед, ягодное желе. И вдруг одна из вершин зажглась огнем. Из-за нее проворно выкатилось на небосвод небольшое солнышко, меньше и тусклее нашего, ярко-красное, цвета догорающих углей. Это и была Лямбда В — взрывчатая звезда, ради которой на склоне лет примчался сюда астроном Юстус.

— Свен, пора заняться вакускопом. Хочется понаблюдать, пока Лямбда А за горизонтом.

Лямбда А — основное солнце двойной системы — было гораздо больше и ярче. И по всей видимости, оно не собиралось медлить. Один из перевалов уже начинал наливаться расплавленным золотом.

— Свен, ты слышишь? Я спрашиваю, не пора ли заняться вакускопом?

Младший ответил не сразу. Он тоже вглядывался в иллюминатор, но в противоположный.

— Учитель, — начал он неуверенно, — учитель, разве тут может быть жизнь? По-моему, я вижу леса... И дорогу... Просеку по меньшей мере... И что-то прямоугольное, ступенчатое... Очень похоже на строение.

Юстус порывисто повернулся, прильнул к стеклу... и откинулся, отирая пот.

— Какая непростительная оплошность! — вздохнул он. — Вот он, хваленый разум природы. Жизнь, конечно. И она испарится через два месяца, восемнадцатого числа.

Охотник танцевал перед черепами рогатых.

Он танцевал усердно; тело его блестело от пота и жирного сока травы кхан, руки были обвиты пахучими острыми листьями, то и дело он подносил их к пожелтевшим костям. Кричал: «Нюхай! Сладко! Сладко!»

Трава кхан дурманила рогатых. Звери пьянели, как охотники от хмельного гриба, катались, словно телята, бодали деревья, нестройно ревели, будто пытались петь хором.

Охотник просил прощения за убийство, вынужденное убийство. Он обещал взять только мясо (в животе урчало при мысли о сладком мясе рогатых), душу обещал отпустить в небесные пастбища, а черепа бережно выскоблить, закоптить, вывесить перед костром совета и перед каждой охотой услаждать пачухим дымом травы кхан.

Считалось, что, прельстившись этим дымом, души и черепа съеденных рогатых позволят съесть своих собратьев.

Всю ночь после танца охотник копал яму на тропе у водополя, мостил ее тонкими жердями и маскировал все той же пахучей травой кхан. Подгонял себя, привычно пересиливая усталость. Надо было успеть до рассвета. На рассвете рогатые пойдут на водопой и, учуяв

траву кхан, потеряют соображение и осторожность. Могут прыгнуть в яму, могут погнаться и за охотниками, чьи тела тоже пахнут травой кхан, вонзить под ребра острые рога.

Быстрее! Быстрее!

А горизонт уже алеет. Выходит это странное второе солнце. Откуда оно явилось? Кому нужно? Красное, как гаснущий костер, не греет, только светит, ночь укорачивает.

Проворней, проворней! Уже потрескивают ветки, подрагивает почва. Рогатые идут по тропе.

* * *

Звезды, звезды на черном небе! Сколько их? Больше, чем чешуек на теле, больше, чем рогатых в стаде племени.

Пастух развалился на кошке, прислушивается.

Рогатые рядом во тьме. Сонно вздыхают, ворочаются. Дреmlют матки и телята, а вожак не спит, не ложится, сопит, втягивая воздух. Вот его силуэт на фоне неба. Как врытый.

Нет, тихо все. Чужие боятся племени, зубатые сыты летом.

И пастух сыт. Вдоволь сладкого мяса. Тут оно, под рукой. Хватай любого теленка, вали, пей горячую кровь, вари мясо на костре.

Сыт пастух и думает. Не для мужчины эта разнеживающая лень. Муж рожден для битвы. То ли дело скакать с копьем наперевес, диким воем пугать жалких травоедов. Пожиратели травы хилы и трусливы. Десять в панике бегут от одного всадника. А добра-то у них, добра-то! Мягкие ткани, расписные горшки, золотые резные обручи на лоб, на руки, на ноги. Травоеды мягкотелы, и женщины их нежны и желты, как масло. Эх, схватить бы такую, перекинуть через хребет скакуна, на

руках внести в кожаный шатер. Тело млеет, когда думаешь о таком.

Пора, пора! И сезон подходящий. После весенних дождей колодцы полны воды. Но старики отложили набег. Непорядок на небе. Два солнца не к добру. Разгорелась красная звезда, половину ночи превратила в зарю.

Старики говорят: надо ждать, пока она уберется назад, в свою небесную нору.

Не торопятся старики. Нет у них томления в теле, перегорели.

Ладно, гуляй пока, девушка, желтая и нежная, как масло. Никуда не уйдешь ты от быстрого всадника, никуда!

Злой дух принес эту красную звезду!

* * *

Крутись-крутись, мой жернов, мели-мели все зерна, мети-мети, метелочка, считай, пушистый хвостик, из жолобков-бороздок отличную муку.

Утром крути плоский камень, днем крути, вечером крути! Молоть — женское дело. Мужское — доставать, добывать, женское — крутить. Руки заняты, голова свободна. Женщине все надо обдумать заранее. Мать говорит: «Женская доля — долго ждать, быстро отвечать».

Если топот всадников на околице, не раздумывай, слема голову — в камыши. Нерасторопную перекинут через седло, и будешь всю жизнь жевать сырое мясо в кожаном шатре.

Если оборванный раб скажет: «Будь моей женой», — быстро отвечай: «Нет-нет-нет, ни за что! Иди прочь, ты мне противен».

Если солдат-рубака скажет: «Будь моей женой», — быстро отвечай: «Нет-нет, я еще молода, я подожду год-

два». С уважением отвечай. Солдат опасен и зол. Пусть не сердится, не хватается за меч.

Но кому сказать «да»?

Хочется самому замечательному.

Вчера, когда воду набирала в кувшин, сидел у родника незнакомец, прищурившись, смотрел на мокрые камни. Подруги сказали: «Мастер, во дворце Властелина узоры выкладывает». Вот почему глаза такие удивительные: сквозь камни смотрит. Ему сказала бы «да». Но ведь гордый, красоты не заметил, игривым словом не задел.

Как сделать, чтобы заметил?

Крутись-крутись, мой жернов, мели-мели все зерна, мети-мети, метелочка...

Как сделать, чтобы заметил?

* * *

Крутись-крутись, мой жернов, мели-мели все зерна...

Всю жизнь крутила. Мужчина — стрела, женщина — маятник. Туда-сюда, туда-сюда. Руки заняты, голова свободна, потому что все надо продумать заранее. Долго жди, быстро отвечай.

Но что обдумывать старухе?

Какая ни на есть, жизнь прошла. Всякое бывало — плохое и хорошее. Бывало холодно, бывало и солнышко, бывало голодно, бывало — живот лопается. Пожалуй, хорошего больше — дожила все-таки до серебристой чешуи. Три набега пережила, отсиделась в камышах. Сестер уволок пастухи, заставили сырым мясом давиться, под вонючими шкурами спать. Но ей повезло — осталась со своими, где лепешки жарят на огне, и по ночам крыша над головой, не звезды. И муж был. Сейчас-то нет, умер, но был. Семерых родила ему, троих унесла лихоманка, а четверо выжили, выросли; сыны свои семьи завели, но помнят, уважают, приносят зер-

на — то один, то другой. Только меньшая не пристроена, последняя заботушка. Боги, избавьте ее от голода, лихоманки, от зубастых змеев речных, от горластых всадников степных. Не пожалею жертвы богу полей, и богу болей, и богу змей, и богу войны... ну и богу свадеб, конечно. Голодранца-раба отшить надо, не след обрекать дочку на жизнь в лохмотьях. А солдата-рубашку и приветить не грех. Хоть и не молод и урод уродом, но копые семью кормит, без муки не оставит. Взял бы девушку солдат, тогда и помирать не страшно.

— Ты бы сходила по воду, дочка. Ноги у меня болят. Я уж за тебя молоть-молоть буду.

— К роднику, мама?

(«Не там ли Он и сегодня?»)

* * *

Богам угодна пара: добро и зло, день и ночь, лицо и изнанка, живое и неживое, краски живые, краски неживые. Неживые запечатаны в неживом камне: осколки неба в бирюзе, в кварце — прозрачная вода, молодая желтая кожа — в сере, а в киновари — кровь. Зеленые глаза хищников — в редкостных изумрудах, звездное небо — в диорите, в яшме — восходы и закаты, силуэты гор и городов.

В камне краски затерты, запылены, выцвели, скрыты от неопытного взора. Только живая вода пробуждает их, открывает миру заснувшую красоту.

На том и основано древнее искусство хаиссауа — оживление камня водой.

Он мастер хаиссауа. Признанный. Среди молодых нет ему равных, никто не умеет видеть так ясно скрытую красоту камня. Даже во дворец владыки призвали его клеить камни. Сказали: «Придумай необыкновенное, такое, чего нет в обоих царствах, во всем мире от Истока до Дельты».

Необыкновенное?

Вот и ходит он от родника к роднику, вдоль реки и по берегу моря, где волны целуют камни, обнажая спрятанную красу.

Невиданное?

Не сделать ли на дворцовой стене восход второго солнца? Жрецы говорят: такое бывает один раз за шесть веков. А шесть веков назад еще не знали хаиссау.

Из диорита он составит звездное небо, из антрацита — черные силуэты гор, лица — из янтаря... А солнце? Говорят, на дальних островах есть особенный камень — зеленый вечером, красный при дневном свете. Солнце будет загораться и гаснуть, гаснуть и загораться.

Так он и скажет казначею: «Посылай корабли на дальние острова». И Властелину скажет: «Руби мне голову, владыка, но, если хочешь во дворце невиданное, вели достать двухцветный камень!»

Кто кому диктует волю: владыка искусству или искусство владыке?

* * *

Властелин сказал: «Достать двухцветный камень, сколько требуется. Казна пуста? Придумай новый налог. На то ты и казначей. Кораблей нет? Построить!»

Он сказал еще: «Кто владыка реки: я или жалкий самозванец, царек Верха? Неужели я не могу выложить стену в моем дворце какой-то жалкой двухцветной глиной? Доставить!»

На самом деле он был глубоко равнодушен к мозаике хаиссау, к мастерам, камням, живым и неживым, к десяти тысячам новых солнц. Но искусство увязывалось с политикой. Пусть у него — у Властелина Низа — дворец будет роскошней, чем у узурпатора Верха. Пусть послы видят своими глазами, что он богаче, и, следовательно, сильнее. Колеблющиеся князьки предпочтут под-

держивать сильнейшего. Казну им не покажешь, солдат не приведешь для подсчета, а дворцовые стенки у всех на виду.

Кто сильнее в действительности, сказать трудно. В истории всякое бывало: и Верх был победителем и Низовья. Низ, пожалуй, был богаче сейчас, он торговал с заморскими странами. Зато Верх мог перекрыть плотины, оставить Низ без полива и без хлеба. Естественно, Властелин Низа мечтал завоевать Верх, раз навсегда устранить угрозу голода и стать единственным господином Реки.

В дальнейшем, утихомирив Верх, можно будет справиться и со Степью. Проще простого: поставить гарнизон у каждого колодца. Кочевники на коленях приползут, умоляя, чтобы им разрешили напоить стада. Сейчас солдат не хватает на все колодцы, потому что Низ стережет Верх, а верхние стерегут нижних. Но когда Река станет единой, Степь покорится немедленно. И тогда... что тогда? Тогда Властелин посадит солдат на корабли и завоюет дальние острова: и медные, и золотые, и меховые, благовонные, целебные, пряные... и острова двухцветного камня. Не покупать будет, а приказывать. И станет властителем всего мира. И объявит себя божественным. Выше всех богов. И... И тогда придумает, что еще...

Но пока надо начинать с покорения Верха. Обстановка благоприятная: владыка Верха стар и немощен, сыновья его смотрят косо друг на друга, знают, что победитель обезглавит всех братьев. Если младших поддерживать против первенца — законного наследника, каждому обещать по уделу...

Время подходящее: колодцы полны после весенних ливней. Но на небе кровавая звезда. Что означает это знамение?

Кто обольется кровью — Верх или Низ? Старший жрец — Уста богов — говорит, что надо обождать.

Сколько ждать? Надоело ждать! Надо еще раз спросить, пусть скажет точно!

— Эй, слуги, есть тут кто-нибудь? Великого Толкователя ко мне!

* * *

Устами богов называли верховного жреца, Толкователя знамений.

Он и сам верил, что боги через него выражают свою волю, подсказывая слова и мысли. Ему было легко жить: всякая мысль от богов. И трудно жить: ошибся, значит, не понял богов, значит, боги им недовольны, выберут другие уста.

Боги представлялись ему подобием земных владык, только мощнее, но такими же жадными, самолюбивыми, самодовольными и капризными.

Жадность их насыщалась жертвами. И к счастью — без труда. Неосязаемые боги охотно питались дымом, не протестуя, чтобы мясо поедали жрецы; довольствовались не жертвами, а изображением жертв и соглашались, чтобы преподнесенные меха, золото и медь хранились в храмах.

Самодовольство богов удовлетворялось торжественными празднествами, обрядами, униженно льстивыми молитвами.

С капризами труднее всего было. Как известно, пути богов неисповедимы. О своих намерениях боги молчали, изредка отделялись невнятными знамениями, которые можно было толковать так и этак. Кровавая звезда распухла! Явное знамение. Кто-то обольется кровью, но кто?

Долгий опыт научил Толкователя рассуждать, угадывая будущее.

Ведь и капризный смертный владыка может задумать все, что угодно, но при всем своем великолепном могуществе он не всемогущ. Приказ он может дать, может

повелеть войску выступить в поход хоть сегодня. Но чтобы выполнить приказание, нужно время. Войско пойдет пешком от колодца к колодцу, двадцать дневных переходов от столицы Низа до столицы Верха. И уже дней через пять стражи колодцев предупредят вражеского властителя. У него будет пятнадцать дней, чтобы подготовиться к отпору. Силы примерно равны, но нападающие устанут в походе. Можно предсказать исход битвы?

Приказы мгновенны, на походы нужно время на Реке и на небе.

Боги могут занести карающий меч, послать кровавую звезду куда угодно. Звезда послушно поскачет по небесным степям, будет скакать и скакать из созвездия в созвездие. Глядя на небо еженощно, можно подсчитать, когда и куда придет небесный огонь. Вот ныне Красный демон послал свой пылающий ковчег на государства Реки. Такое было, бывало шесть веков назад. Но обошлось. Ковчег пришел и прошел. Солнца разошлись, словно всадники на скаку, помахав саблями. Когда разойдутся на этот раз? Если скоро, колодцы не успеют пересохнуть от лишнего жара, можно выступить в поход. Если не скоро, воды не будет в колодцах; кто первый выступит, тот и останется без войска. Но огненному ковчегу нужно время. Сколько?

— Эй, кто там, призовите ко мне жреца Красного демона!

* * *

Любопытство было главной чертой Клакхла.

С детских лет ему хотелось знать все: тайны суши и моря, тайны камня и дерева, тайны души и тела, жизни и смерти, тайны страны Реки и чужих, заморских.

Тайны были ведомы только жрецам.

Сам Клакхла вышел из простого сословия — купеческого, но он уприсил отца отдать его в обучение жрецам.

Отец понес в храм дары, братья были довольны — и стал Клаквл послушником, старательным, даже истовым: по ночам твердил священные тексты старинных книг, изнурял тело и закалял дух постами. Заслужил посвящение в первую степень, потом во вторую... Все равно главные тайны ему не открыли. Младшим жрецам приоткрывали только часть тайн: или тайны исцеления тела, или тайны Реки, или тайны стихий, или тайны светил, и то далеко не все. Например: «Планета Айтл, встречая Теквл в доме Ящера, порождает мошенников и воров».

Клактлу поручили следить за планетой Цхоктл — самым ярким из светил — красным Глазом Демона.

Клактл был прилежен, отмечал положение Глаза ежедневно, подметил, что Глаз перемещается все быстрее и становится ярче.

Сам Великий Толкователь — Уста богов — выслушал его со вниманием и похвалил усердие.

Мало того: приказал докладывать о Глазе регулярно.

Клактл не ведал, что жрец Уста богов знал о предыдущем сближении двух солнц шесть веков назад. Клактл был потрясен прозрением Толкователя.

А Глаз рос и рос, стал как уголек, как фонарь, как пламя костра. И уже на Глаз непохож, на звезду непохож, как бы второе солнце оказалось на небе, а ночь съежилась чуть ли не вполовину.

Вновь Великий Толкователь — Уста богов — призвал Клактла, сказал внушительно:

— Сын мой, трижды помолившись богу Техохтлу, проси, чтобы дал тебе разума для трудного дела. Закрой лицо закопченной слюдой, чтобы дерзким взором не оскорбить Демона, не то паразит тебя слепотой. Вбей в грунт два столба, как наставляли тебя в годы послушничества и с молитвой измерь угол между тенями. Проси богов, чтобы не скрыли от тебя точного срока, когда сойдутся на небе Солнце и Демон и когда

испуганный Демон решит удалиться в свою звездную нору.

Клаккл униженно склонился, но в душе он ликовал. Понимал, что ему поручено важное дело... и, если расчеты сойдутся, ворота главных тайн будут открыты для него.

А Толкователь думал, стоит ли затевать поход на Верховья.

* * *

Все они — любознательный Клаккл, Толкователь, Властелин Низа, Властелин Верха с многочисленными сыновьями, солдаты той и другой сторон, мастер, видящий скрытую красоту камня, влюбленная девушка, воинственный пастух и голодный охотник — все должны были испариться через два месяца — 18 июля по земному календарю.

2099 год. 11 мая

Юстус оказался в томительной роли бездейственно ожидающего. Вынужден был сидеть перед экранами и вызывать: «Свен, что ты предпринял? Свен, отодвинься, дай рассмотреть».

Впрочем, и спрашивать слишком часто не рекомендовалось. Свен действовал, ему некогда было комментировать каждый шаг.

Сразу же он сказал решительно:

— Извините, учитель, но вам придется остаться на вокзале. Ваше дело — астрономия, а контакты — мое.

Юстус пытался было слабо возражать, что Свен ничуть не опытнее, поскольку за всю историю человечество только трижды вступало в космические контакты.

— Меня специально готовили, — отрезал Свен. И добавил после паузы: — Грош цена мне будет, если я упущу такую возможность. Жалкий полководец, ни разу не нюхавший пороха.

Юстус сдался, услышав свои собственные слова:

— Ладно, давай обсудим все подробно.

— Вы рассуждайте, а я буду готовиться.

Куда девалась обманчивая вялость Свена? Он был собран, напряжен, двигался точно и продуманно. Юстус даже залюбовался своим молодым соратником.

— Сформулируем задачу, — сказал он, медленно

подбирая слова. — Мы должны объяснить аборигенам, что предстоит взрыв их солнца. Возможно, они помнят о предыдущем сближении Лямбды А и Лямбды В 616 лет тому назад. Катастрофы тогда не было, но, вероятно, были засухи, пожары... о них сохранились предания. Это сделает наше сообщение убедительным. Добившись доверия, надо бы пригласить их представителей на Землю, чтобы обсудить совместные меры. Постарайся привезти.

— Все понял, — сказал Свен. — Объяснить, пригласить, привезти. Для объяснений беру проектор и фильм «Первый контакт». Фильм стандартный, сценарий разработан давным-давно. В первом кадре звездное небо; от одной из звездочек, разрастаясь, летит ракета. МЗТ не изобразишь, значит, летит ракета. Посадка на скалы. Выхожу я, показываю на небо... Остальное надо добавить. Два солнца — А и В. Сближаются. В взрывается. Пламя сжигает все. Вы сумеете все это нарисовать и передать, пока я в дороге?

Старый астроном кивнул. Ему случалось делать такие монтажи для популярных лекций.

— Пригласить, — продолжал Свен. — Чтобы пригласить, нужно договориться. Я-то пойму, у меня в скафандре кибер «Линкос». Примерно через час он начнет переводить звуковую речь. Будем надеяться, что сумеет и произносить понятно. Попробую уговорить... вежливо.

— Я вижу, вас подготовили основательно, — улыбнулся Юстус. — Все предусмотрено.

— Нет, еще не все. Нужно, чтобы объяснения выслушали с охотой. Демонстрация дружелюбия. Старинный подход — подарки. Стандартный подарок у нас — золотой нож с фигурной рукояткой. Если общество доклассовое, нож — полезное орудие, если классовое — ценность, если бесклассовое — произведение искусства. Пожалуйста, учитель, для экономии времени, пока

я налаживаю скафандр, наштампуйте сотню ножей в дубликаторе.

Золота у астронавтов было вдоволь — бесчисленные рулоны, смотанные автожуками. Юстус набил фольгой плавильню дубликатора, в камеру «Образец» положил обыкновенный столовый нож (произведения искусства не требовалось), через минуту из камеры «Копия» вынул такой же нож, но золотой, переложил его в камеру «Копия», получил два золотых ножа, переложил... Минут через десять не без труда притащил Свену сумку, где бренчали 127 полезных и ценных подарков для доклассового и классового общества.

— Дружеский прием обеспечен, — вымолвил он, запыхавшись. — Счастливого пути, Свен.

Свен был уже в скафандре. Ответил по радио:

— Инструкция предусматривает и враждебный прием. До свидания, учитель.

Юстус протянул руку, хотел пожать рукав скафандра. Не получилось. Пальцы уткнулись в нечто упругое и невидимое.

— Защитное поле включено, — усмехнулся Свен. — Я неприкасаемый отныне. Ну и последняя предосторожность. — Он надел на шлем обруч с двумя глазками, как бы фонариками, лобовым и затылочным.

— Это передатчики, — пояснил он. — Смотрят вперед и назад. А вы не спускайте глаз с экранов. Особенно с заднего. В острых ситуациях я не всегда могу оглянуться. Все. Отчаливаю.

— Но ты там не ввязывайся в острые ситуации. Не рискуй сверх меры. — Юстус усмехнулся, заметив, что повторяет слова земного астродиспетчера.

— Риск — моя профессия, — отрезал Свен. — А вот вы, учитель, не рискуйте ни в коем случае. И если я не вернусь... скажем, завтра до ночи, немедленно отбывайте на Землю. Самое главное, чтобы Земля была в курсе.

И с тем он ушел. Через иллюминатор видно было,

как Свен подошел к обрыву, развернул пружинные крылья и нырнул головой вперед в небо, голубое, как на Земле. И исчез за гребнем. А Юстус, как выше было сказано, приступил к тягостному труду бездейственного ожидания. Сидел перед экранчиками и взывал: «Свен, не молчи!»

— Снизился, лечу над зарослями, — докладывал Свен. — Видимо, очень влажно, парная атмосфера. Я не чувствую, но шлем запотеваает снаружи.

Заросли Юстус видел и сам. Широколиственные деревья, блекло-зеленые, цвета плесени, напоминали бананы, обвитые плетями лиан, мотками зеленых канатов.

— Какое-то зверье есть, и довольно крупное, — сообщил Свен через некоторое время. — Тел не различаю, но вижу, как волны бегут по чаще, продирается кто-то. Иду на сближение. Вот, разглядел. Вроде буйвол, но помельче. И рогов две пары. Два направлены вперед, два длинных — в стороны. Лианы отводят боковыми рогами. А передними стригут, как ножницами.

Юстус все это видел на экранах, но с опозданием. Передатчики поворачивались вместе с головой, а Свен еще и глазами водил.

— Еще не разглядели? Целое стадо на тропе; впереди здоровущий бык. Вот он вырвался, вперед бежит. Стоп! Исчез, провалился куда-то. О, да тут яма. Ловушка? Конечно, ловушка. И ловцы рядом. Двуногие, между прочим. Камни швыряют, копья. Голые и безволосые. Сейчас я на ветку присяду, посмотрите, кого мы собрались спасать.

Непрезентабельно выглядели аборигены с точки зрения человеческих понятий о красоте. Желтая чешуя вместо кожи, перепонки между пальцами. Видимо, плавали не реже, чем бегали. А на лысом темени зачем-то торчал мясистый гребень: то ли орган шестого неведомого людям чувства, то ли запас жиров, как у верблюда в горбу.

— Камнями воют, — рассуждал вслух Свен. — Поймут ли, что такое нож? Впрочем, я придумал для них подарок, учитель. Я притащу им еще одного быка. Доставлю на дом. Вижу отсюда их жилье — пещеры за рекой. Будет угощение с доставкой.

— Разве у тебя есть оружие, Свен? Оружие запрещено по уставу.

— А я поймаю быка полем. Поглядите, как это делается.

На экране замелькала бледно-зеленая растительная каша. Пустившись вдогонку за разбежавшимся стадом, Свен настиг молодого бычка. Обогнав, спикировал. Тупая морда с выпученными глазами уставилась на него и на Юстуса с экрана. Бык свел рога для удара. «Осторожно!» — крикнул Юстус. Но Свен и сам не стал бравировать. Слишком опасно было бы ловить быка за рога. Свен развернулся; на экране показался брыкающийся зад с хвостом. Щелкнул выключатель, защитное поле замкнулось и прищемило конец хвоста.

Сколько весил четырехрогий? Тонны две, очевидно; для летучего скафандра — предел подъемной силы... Натужно гудя, аппарат приподнял над зарослями дергающегося быка. «Только бы хвост не оторвался», — думали Свен и Юстус. Но прочные позвонки погубили зверя. Мотая головой и брыкаясь всеми четырьмя ногами, он плыл над лесом, над болотистой поймой, над рекой, перед пещерами. И щелк... Свен разомкнул поле и сбросил добычу. Так орел, если верить старым охотникам, с высоты бросает на камни черепаху, чтобы расколоть ее щит.

Конечно, кости четырехрога были переломаны. Упав, он не дергался даже.

Юстус поморщился. Охотничий спорт давно был упрямлен на Земле. И бойни были закрыты. Мясо выращивали в ретортах из смеси аминокислот, жира и сахара.

Когда туша рухнула с неба на лужайку, пещерные жители опрометью бросились в свои норы. Свен между тем спустился за кустами, сложил крылья, вышел на опушку на собственных ногах и сел в сторонке поодаль от туши, подчеркивая, что на мясо он не претендует. Он сидел и сидел... а из пещер за ним наблюдали гребнистые головы. Не сразу высунулись. Осмелев, вышли шага на два-три. Свен терпеливо сидел на корточках. Самые смелые или самые голодные бочком подобрались к мясу. Припали к жилам, чтобы вылакать кровь. Лакали, но посматривали на Свена. Он не препятствовал пиру. Посовещались. Трое самых светлых, с серебристой чешуей, старики, как выяснилось позже, сломав череп, лапами выгребли мозг и на растопыренных перепонках понесли Свену. Пришлось принять угощение. К счастью, и такое событие было предусмотрено теорией контакта. В скафандре имелся прибор АС — анализ-синтез — «асушка» в просторечии. Асушка разлагала сложные органические вещества, отсортировывала ненужные или вредные для человека и превращала любое мясо, плоды, траву в смесь аминокислот, жиров и углеводов, иногда горьковатую, иногда сладковатую, чаще уныло безвкусную. Так или иначе насытиться можно было, отравиться — нельзя. Свен проглотил немного кашицы из мозга четырехрога, и пещерники отошли удовлетворенные. По их сигналу сородичи набросились на тушу, как вороны. Замелькали каменные топоры, черные дымы костров поднялись перед пещерами. Готовился пир.

Свен все поджидал.

Наконец старики — первые трое и еще десяток охотников (хочется сказать: «десять человек», но можно ли этих чешуйчатых называть людьми?) — подошли к Свену и не спеша расселись против него полукругом.

Дескать, за угощение спасибо, а что ты хочешь от нас, собственно говоря?

Им была показана заготовленная кинопрограмма: звездное небо, ракета, Свен, выходящий из ракеты, Свен, глядящий на небо с двумя солнцами, сближение их, вспышка, все сметающее пламя... Рисованную часть Юстус выполнил превосходно.

Показ. Повтор. Третий раз. Четвертый...

— Линкос что-то улавливает, — сообщил Свен после четвертой демонстрации.

Завязался разговор. Юстус не вмешивался, чтобы не отвлекать Свена от дипломатической миссии.

И еще через полчаса:

— Учитель, вождь племени согласен лететь со мной. Быки, падающие с неба, прельстили его. Но достаточно ли этого? В пещерах едва ли сотня жителей. Таких племен на планете тысячи, все они враждуют, боятся друг друга, даже не понимают, у каждого свой язык. Я потратил полдня на эту горстку. У нас с вами нет тысячи дней на переговоры. Но они говорят, что на юге в степях живут большие народы. Сила сокрушительная, войско несметное, воинов больше, чем звезд. Пожалуй, я полечу на юг, учитель, попытаюсь договориться с этими несметными.

Несметные народы Свен отыскал по шлейфам пыли. Издалека казалось, что степь горит, от пожарища тянет густым дымом. А «горела» степь под копытами стад. Не тысячи, десятки и сотни тысяч прирученных четырехрогов, громадных, средних и мелких, пылили по равнине — самодвижущийся склад мяса, кожи и молока для степняков.

Тут уж швырять туши с неба не имело смысла. Все равно, что леснику дарить полено.

Свен догнал и обогнал ближайшее стадо. Но не стоило вступать в переговоры с отдельными пастухами. Поднявшись выше, он разглядел озеро; на берегу его полумесяцем стояли шатры: приземистые цилиндры из шкур четырехрогов, украшенные их же рогами.

— Пожалуй, здесь я буду ножи дарить, — сказал Свен своему терпеливому наблюдателю.

Юстус между тем смотрел на экраны и думал. Думал о том, как единообразна жизнь при всем своем разнообразии. Скотоводство кормит надежнее, чем охота. Под Солнцем и под Лямбдой охотники переходят к скотоводству. Где? На степном просторе, конечно; в лесах пасти неудобно. Но скот выедает траву, надо его перегонять на другое постбище. Поэтому охотники живут в пещерах, а пастухи — в шатрах. И чем покрывают их? Подручным материалом — шкурами.

Свен, как и в предыдущий раз, спустился поодаль, сложил крылья, к становищу подошел на ногах. Теория контакта требовала ни в коем случае не травмировать инопланетян ни физически, ни морально, то есть не угрожать им, не потрясать, не пугать. В данном случае это было ошибкой. Лучше бы пугнуть с самого начала.

Перед входом в самый нарядный шатер стояли двое стражей с мечами. Стояли недвижно, глядели высокомерно. Не удивлялись или делали вид, что их не удивляет странная внешность гостя. Свен показал жестом, что хочет войти внутрь. Стражи не шевельнулись. Свен вытащил из сумки золотые ножи. Это произвело впечатление. Стражи протянули широкие ладони. Свен хотел было подать им ножи, но его рука уткнулась в нечто невидимое. Поле неприкасаемости не пускало. Выключил его, положил подарки на протянутые руки. Стражи принялись рассматривать ножи, один попробовал укусь. И на Земле некогда золото проверялось на зуб: чистое было мягче, металл с примесью — тверже. Считая, что право на вход куплено, Свен раздвинул полы шатра.

— Берегись! — отчаянно крикнул Юстус.

Стражи убедились, что им дано настоящее золото, и рассудили по-своему: один нож — хорошо, сумка с золотом — лучше. И право же, не стоит впускать бога-

тея-чужака в шатер, чтобы его ограбили там. Лучше самим ограбить, больше достанется. И один из стражей, тот, что пробовал золото на зуб, размахнулся подаренным ножом... Юстус успел выкрикнуть: «Берегись!» Сработал автоматизм опытного астронавта. Свен мгновенно нажал кнопку, поле неприкасаемости замкнулось и поймало воина за руку, так же, как четырехрога за хвост.

Свен оглянулся и не долго думая вошел в шатер, волоча за собой ошеломленного стража. Против входа сидел на подушках очень толстый гребневик, почти шарообразный — и пузатый и горбатый. Позже выяснилось, что у здешних жителей жир откладывается и на спине, как у верблюдов.

И ему Свен протянул соблазнительные ножи. Тот выразил интерес. Но вручить подарок было невозможно. Пойманный за руку воин опомнился, старался вырваться, дергался, толкая могучего Свена. Мало того: свободной рукой достал меч и тыкал теперь острием в пружинящее поле.

Свен показал на него обжоре, дескать, утихомирьте, иначе объясняться не могу. Тот лениво потянулся к своему мечу... и с неожиданной точностью, единым взмахом отсек пойманную руку своего же воина.

Юстус отвернулся, бледнея. Вот и первая косвенная жертва контакта. Но что же делать? Не оповещать о предстоящей катастрофе? Больше будет жертв. Вести переговоры иначе? Как именно? Неторопливо? Но время поджимает.

Свен между тем на мгновение выключил поле, и окровавленный обрубок вывалился, пачкая ковер. «А мы на Земле прирастить сумели бы», — со вздохом подумал Юстус. Свену же некогда было жалеть и сочувствовать. Он кинул к ногам толстяка десяток золотых ножей и поспешно замкнул поле.

Далее последовало повторение сценария: звездное

небо на экране, ракета, Свен, выходящий из ракеты, Свен в скафандре, сближение двух Лямбд...

И еще через полчаса Свен сообщил:

— Учитель, я обещал горы золота этому Чингисхану, и он готов лететь куда угодно. Если прикажете, я привезу его, но будет ли толк, не знаю. Чужие жизни для него ничто, спасти намерен только себя. И даже не это главное. Во всем его племени не больше тысячи воинов. Племен таких в степях сотни. Они не ладят, воюют, воруют друг у друга стада. Говорят на разных наречиях. Чтобы объясниться, переходят на язык каких-то травоедов. Видимо, имеются в виду земледельцы, возможно, они на более высокой ступени развития. И если их язык — здешняя латынь, только они могут оповестить всю планету. Я лечу к этим травоедам, учитель, куда-то на запад, за горы. Из-за хребта сигналы не доходят. Так что не тревожьтесь, видеть меня вы не будете.

Минут через десять экраны погасли. Тогда-то и начался в полной мере мучительный труд бездействия: беспомощное ожидание.

Перелетая хребет, Свен повторил: «Вернусь к ночи, самое позднее — к завтрашней ночи. Но если не вернусь, не рискуйте, учитель, не пытайтесь меня выручать. Как-нибудь выкручусь. А не выкручусь — моя вина, моя беда. Вы же должны сохранить себя, потому что наиглавнейшее — оповестить Землю. А пока ждите».

И Юстус ждал.

Первый час он думал, какой молодец Свен. Перед отлетом выглядел вялым, почти сонным. Но это был сон Ильи Муромца — покой для накопления сил. Силы пригодятся в действии, незачем растрачивать их на суету. И вот пружина распрямилась. Прекрасно, что в разведке Свен. Сам Юстус не смог бы действовать так энергично и инициативно. Он старик, ему каждый шаг обдумать надо.

Но прошел час и второй; Свен ничего не сообщал о своей инициативе. Юстус начал думать, что задача у Свена нелегкая. У земледельцев, вероятно, большое государство, сотни тысяч, миллионы воинов, а у Свена всего лишь тысяча лошадиных сил. Стало быть, тысяча лошадей может смять его. Свен поднял в воздух одного четырехрога — две тонны, с двумя тоннами он справился. Но тысяча лошадей — это тонн четыреста, тысяча людей — тонн шестьдесят. И если Свена застанут врасплох... если навалятся скопом...

Кроме того, техника может и отказать, думал Юстус на четвертом часу. Испортится «асушка», и Свен окажется без пищи. Откажет «неприкасаемость», и Свен окажется без защиты. Притом же в чужой атмосфере каждый микроб может ранить смертельно. Не было же времени для карантина, для неторопливой проверки микроорганизмов.

На шестом часу, когда солнца А и В начали клониться к закату, Юстус решил, что он имеет право не ждать в бездействии. Мало того: он не имеет права ждать, он обязан снасти товарища. Жалко, что медлил, время тратил. К сожалению, смеркается: в темноте безнадежно вести поиски. Но за ночь он подготовится и вылетит на рассвете. Итак, надо подготовить скафандр, проверить поле неприкасаемости, зарядить АС... И взять оружие, да, и оружие. Нечего цацкаться с этими живодерами. Рогатых они убивают, чтобы живот набить; руки отрывают друг другу просто так, для разговора, ножом отвечают на подарок. Ну и пусть себе гибнут. Нельзя же спасать насильно.

Утром он вылетел, но тут же вернулся. Побоялся разминуться. И хорошо, что вернулся. Экраны заговорили часов в десять.

— Учитель, я прилечу к вечеру. День выпросили у меня на сборы. Трое с Реки — из страны так называемых травоедов — полководец, жрец — наблюдатель

звезд и еще один — наиглавнейший, Толкователь воли богов. Кроме того, вождь-охотник и вождь-скотовод. Хватит пятерых?

Миниатюрные, не больше жука, ползуны, монотонно гудя, обматывали звонкой, почти прозрачной ленточкой пальцы ног, пятки, щиколотки. Гребнеголовые тоиты (Тойрх, Тойихх, Той или Тойтл — так называли свой мир земледельцы) внимательно смотрели на отбывающих: верховный жрец с показным презрением, Клаккл со сдержанным любопытством, полководец с недоверием и опаской, скотовод с самодовольной уверенностью хитреца. Этот был уверен, что его обманывают, но все равно он сам всех перехитрит. А первая пара полулежала на тугих струях воздушной перины: вождь охотников — тот, что угощал Свена мозгом быка, фаталистически спокойный, раз и навсегда запретивший себе удивляться, и рядом с ним — Юстус. Ничего не поделаешь, приходилось возвращаться на Землю. Контакты оказались важнее астрономических наблюдений, а в контактах Свен был сильнее старого ученого.

— Но все-таки, учитель, — спросил Свен, когда жуки уже замотали плечи старика. — Все-таки, на что вы надеетесь? В стране земледельцев около миллиона жителей, на планете — миллионов двадцать. Мы же с вами знаем уровень земной техники. Вы думаете, что можно вывести двадцать миллионов до восемнадцатого июля?

Юстус вздохнул тяжело:

— Я знаю уровень земной техники, Свен. Я знаю, что через установку МЗТ можно пропустить тысячу тоитов, не больше. Честно говоря, я надеюсь только на Темпоград. На тринадцатое число было назначено открытие. Если оно задержалось, не представляю, чем может помочь Земля.

Пора познакомиться с главным героем.

Вот анкетные данные: фамилия — Январцев, имя — Лев, по матери — Мальвинич, в соответствии с галантным и, в сущности, справедливым обычаем третьего тысячелетия — называть при знакомстве имя матери, а не отца. Год рождения — 2080-й, месяц не имеет значения для повествования, место рождения — Москва на планете Земля. Краткая характеристика: «У окна стоящий». Так озаглавил свою книгу первый биограф Льва Январцева — его школьный учитель Б. Силин.

В послесловии к этой книге написано:

«Все мы, пассажиры в Поезде Времени, — временные пассажиры, до конечной станции не доезжает никто. Где-то на промежуточном полустанке мать вносит нас в вагон, завернув в пеленки; несколько десятков лет спустя, тоже на случайном полустанке, осыпав бесполезными цветами, нас выносят из поезда вперед ногами. Вносят всех, выносят всех, но в пути люди ведут себя по-разному. Одни дремлют всю дорогу на верхней полке, довольные, что их не тревожат. Другие жуют и жуют, разложив домашнюю снедь: пирожки, вареных цыплят, помидоры, бутерброды, крутые яйца. Третьи выкакивают на каждой станции, несутся, сбивая всех с ног, на вокзал, с гордостью приносят свежие журналы, или ведра с яблоками, или местные сувениры. Четвер-

тых интересуют только соседи — они флиртуют, откровенничают, выслушивают откровенности. Пятые вообще не замечают ничего: сидят молча, уткнувшись в свои бумаги, как будто и не едут никуда, как будто и людей нет рядом: день в поезде для них — очередной рабочий день.

Январцев же принадлежал к шестым, стоящим у окошка. Шестых в пути интересует путь. Приклеив лоб к стеклу, они стоят и стоят у окошка, провожая глазами дома и рощи, ловят названия станций, сверяют с путеводителем, прикидывают, далеко ли до ближайшего города, и гадают, как он выглядит. Скосив глаза, высматривают километровые столбы, прикидывают, с какой скоростью идет поезд. Казалось, какая разница: 720-й километр или 721-й? Лес там, и лес тут, мокрые осины, густой болиголов в прогалинах. Но «стоящих у окошка» увлекает самый процесс продвижения, им хочется заглянуть за горизонт, их волнует ожидание перемен. И иногда дорога (Поезд Времени) вознаграждает их долготерпение. За однообразными лесами открывается степной простор, за однообразными степями — город, за городом — села с садами, а там и море, там и горы, каждая неповторима: горы никогда не бывают однообразными. А за горами... Уж за горами откроется что-то особенное.

Автор опасается, что вся эта книга написана для «стоящих у окошка». А почему бы нет? Разве нет среди читателей таких, как Лев?

Это мать выбрала ему такое грозное имя — Лев. Сама она была миниатюрной, хрупкой женщиной, болезненной, нуждавшейся в опеке. С юных лет искала, к кому бы прислониться, какой дуб обвить руками. И так ей хотелось, чтобы сын ее был могучим, властным, всепокоряющим. Лев! Царь зверей, как говаривали в старину.

Ребенок родился полновесным, рос здоровым, спокойным. Много спал, плакал в меру, развивался нормально. В два месяца следил глазами за мамой, в шесть — садился, в девять — уверенно стоял и тряс кроватку так энергично, что она выезжала на середину комнаты. Потом произнес «мама», потом «дай» («на» пришло гораздо позже). И начал овладевать лингвистикой со всей ее логикой и алогичными исключениями, делая умильные ошибки, о которых мать оповещала с восхищением всех своих подруг.

Предыдущие поколения много спорили, как надо растить ребенка: в семье или в обществе ровесников? Что важнее для воспитания: материнская самоотверженная любовь или коллектив равноправных товарищей под наблюдением опытного педагога? Были крайние «материнцы», предлагавшие все обучение сделать домашним, телевизионным. Были крайние «ефремовцы», годовалых детишек определявшие в интернаты, настаивавшие, чтобы чадолюбивых мам ссылали в резервации жизни прошлого века. В конце концов была найдена оптимальная пропорция для каждого возраста. Малыши покидали маму на два-три часа, старшекласники — на недели и месяцы.

Как и в предыдущем тысячелетии.

Три года было Левушке, когда заплаканная, перепуганная, истерически всхлипывающая мать отвела его впервые в детский сад. Он ужился с ребятами, не конфликтовал, не дрался. В характере у Льва не оказалось ничего львиного, наоборот, неумеренная уступчивость. Он никого не обижал, не дразнил, игрушек не отнимал; если отнимали у него, отдавал не споря, легко находил себе другое занятие. Было это не от особенного благородства, не от врожденной доброты, а скорее от нежелания и неумения спорить, отстаивать себя. Уступать было легче, чем бороться. Был только один случай, когда уступка огорчила его. Малыш, на год моложе, отнял

у Льва велосипед, да еще надавал ему пинков. Лев разревелся.

— Да ты бы дал ему сдачи, — сказала воспитательница, утешая.

— У меня не было сда-а-ци, — всхлипывал обиженный.

Вообще он предпочитал общество взрослых. Ухватив за палец свободную няньку, садился рядом и задавал вопросы, глубокомысленные и наивные. Подсчитано, что средний ребенок четыреста раз в день произносит слово «почему?». Лев превосходил эту норму втрое, а иногда и впятеро.

— А зацемм? — тянул он задумчиво.

Лев был неуклюж, бежал неохотно и медленно. Взрослые все старались втянуть его в игры, но маленький Лев уклонялся при первой возможности. В душе он был очень самолюбив, даже ущемленно самолюбив. Проигрывать не хотелось, а выиграть он не надеялся, и Лев предпочитал не играть совсем. Проводил время с «большими», чье превосходство было очевидно, закономерно и потому не задевало. Если же взрослые отсылали его, садился на корточки в углу и погружался в размышления.

— О чем ты думаешь? — спросила его, шестилетнего, одна из воспитательниц. Она опасалась, что за этим глубокомысленным видом прячется ленивая праздность ума.

— О словах, — ответил Левушка, почти как Гамлет. — «Потолок» — он, «стена» — она. Есть слова дяди и слова-тети. А зачем «окно» — оно? Разве были люди такие — не дяди и не тети?

Шесть лет было этому философу лингвистики.

— Не было таких людей, — сказала озадаченная воспитательница. — Ты еще маленький, не поймешь. Когда в школу пойдешь, объяснят. Нечего сидеть сиднем. Пошли в прятки играть.

Мальчик не протестовал, поплелся за ней нехотя.

Но полчаса спустя, когда ошалелая от визга и беготни детишек воспитательница спохватилась, Левушки не оказалось среди играющих. Не без труда его обнаружили в шкафу.

— Я лучше всех спрятался, — доказывал он. — Меня никто не нашел.

— Но так не играют.

— Я не умею играть.

— Научиться надо.

— Я не умею научиться.

Позже, уже в школьные годы, нашлась игра, которую Лев полюбил, — шахматы. Тут ему удавалось побеждать, это подстегивало интерес. Ему нравилось рассуждать и рассчитывать: «Я пойду так, он ответит так, здесь позиция усилится, здесь ослабеет, и тогда я его прижму так...» Года три мальчик самозабвенно играл в шахматы, носил в кармане магнитную доску с прилипающими фигурами, разбирал позиции, участвовал в районных турнирах, призы получал. Опять забеспокоились воспитатели (уже мужчины), не слишком ли увлечен парень, не одностороннее ли получается развитие. И вдруг как отрезало. Лев остыл, забросил шахматы, потерял всякий интерес к игре.

— А как же общегородской турнир? — спросил наставник. — Где же у тебя чувство ответственности?

— Игра же, — возразил Лев. — Все нарочито. Король ходит на один ход, пешки только вперед, слоны — по диагонали. В жизни так не бывает.

— Очень разбрасываешься ты, Лев, — упрекнул его наставник. — Взялся за шахматы, держись, совершенствуйся.

— Но ведь это игра, — возразил мальчик. — Это не подарок.

— И что же ты собираешься подарить?

Здесь для читателей XX века требуется пояснение.

«Подарить» на языках третьего тысячелетия означало создать, придумать, найти что-то особенное. Непростая воспитательная проблема заключалась в этом «дарить».

Во всех прошлых веках «работать» было неотделимо от «заработать». «В поте лица будешь зарабатывать свой хлеб», — сказал бог Адаму. Связь между «даю» и «беру» была зрима, измерялась количественно — денежными знаками. Но когда рос Лев, люди получали все по потребности, давали же по-разному, кто больше, кто меньше. Теоретически, если совесть позволяла, могли бы и ничего не давать.

Совесть и должны были пробудить воспитатели. Ведь детишки-то рождались без сознательности, с одним только звериным «дай-дай». Вот и нужно было научить их дарить свой труд безвозмездно, удовольствие находить в одаривании.

Девочкам идея подарка давалась легче. Будущие матери самой природой были подготовлены к тому, чтобы дарить себя детям. Нормальную маму не надо убеждать на совесть заботиться о ребенке. Но встрепанным озорникам, отдаленным потомкам воителей-грабителей, «отнимать» казалось куда привлекательнее. Дарить они соглашались, но отнятое предварительно. И воспитателям приходилось терпеливо, настойчиво внушать:

— Вы, будущие мужчины, должны стать настоящими мужчинами — смелыми, сильными, стойкими, выносливыми. Все люди работают друг для друга, все дарят друг другу подарки. Но мужчины добывают их в самых труднодоступных местах, куда не под силу проникнуть усталым старикам, малым детям, пугливым нежным женщинам.

— Где же это труднодоступное?

Под землей, в жарких, тесных, грозящих обвалом шахтах.

На дне морском — в непроглядных, давящих, лаково-черных глубинах.

И в космосе.

Так что в большинстве мальчишки бредили космосом. Вот летит звездолет, летит год, два, десять лет. Непреклонный капитан у руля. У него выдержка, стойкость, находчивость. А впереди неведомая планета. Драконы, огненные змеи, великаны-гориллоиды стерегут лучший на свете подарок. Но капитан их разгоняет, грузит подарок на звездолет и снова летит на Землю год, два, десять лет, выносливый, стойкий, терпеливый, несокрушимый.

На самом деле самые ценные подарки добывались не на дальних планетах, а в лабораториях. Да и межзвездный транспорт вытеснил звездолеты с дальних трасс. Но все же путешествие с приключениями казалось подросткам привлекательнее. Почти все они хвалились: «Когда вырасту, подарю планету».

И от Льва воспитатель ждал такого же ответа. Тут он и мог бы возразить: «Как же ты подаришь новую планету, такой медлительный и незакаленный? Надо заняться спортом всерьез, чтобы опережать товарищей, а не отставать...»

— Я подарю элемент номер 200, — сказал Лев.

Вот и промелькнули километровые столбы за окошком. Четыре элемента насчитывали средневековые алхимики. Примерно 60 было известно, когда Менделеев навел в химии порядок, создав свою историческую таблицу. Известен был и номер 92 — уран, до середины XX века он замыкал ряды. Работы с атомной энергией удлинители список, в одной только Дубне подряд были синтезированы № 104, № 105, № 106, № 107... К тому времени, когда Лев пошел в школу, был уже создан № 184. Много ли еще впереди? Какие? Неведомо! Простор для догадок!

— Откуда ты знаешь про элементы? — спросил на-

ставник. Химию Лев должен был проходить только в следующем году.

— Я помню до скандия наизусть, — похвастался мальчик. — И переписал все остальные.

— Покажи.

Смущаясь и краснея, Лев принес тетрадку, где каллиграфическим почерком были выписаны названия всех элементов, открытых, а также и не открытых еще с их символами и свойствами, самыми фантастическими: трехцветный, радужный, оживляющий мертвых, полезный для шахматных чемпионов, разъедающий камни, склеивающий воздух. Всем этим расчудесным веществам были даны имена и символы — Lv — левий и Jп — януарий в честь первооткрывателя, Mv — мальвиний по имени его матери. Были тут московий, арбатий, смолений, садовый, а также и силий — Sl по фамилии наставника.

Педагог был польщен, поскольку и он попал в ряд самых любимых вместе с матерью и московскими улицами, подумал, стоит ли поддерживать честолюбивую забаву, решил пока не развенчивать, лучше использовать, исподволь спуская мечтателя из воздушных замков на твердую почву. И принес мальчику несколько книжек — биографии великих ученых и педагогов. На примерах хотел показать, что великие открытия требуют великого труда. Одна из книг особенно увлекла Льва, запала в душу, он прочел ее дважды, трижды, десять раз, чуть ли не выучил наизусть, не только выучил, но и впитал и, став взрослым, цитировал ее постоянно.

Кроме того, наставник уговорил учителя химии зачислить Льва в кружок. Но Лев походил, походил и бросил. Не вдохновили его колбы, пробирки, хроматографы и спектрометры, не увлекло повторение проделанных в прошлых веках опытов. И опять страдало самолюбие. Старшеклассники знали гораздо больше и с

высокомерием четырнадцатилетних взрослых пренебрежительно поучали двенадцатилетнего мальчонку. Так что через месяц-другой наставник застал Льва за составлением новой таблицы — на этот раз списка открытых, исследованных и еще не обследованных звездных систем на сорок лет вперед. Была среди них и взрывчатая Лямбда. Особой проницательности Лев тут не проявил. Космос изучался последовательно, а темп изучения диктовал МЗТ — межзвездный транспорт. И хотя МЗТ пересылал людей и грузы со сверхсветовой скоростью, сами приемные станции перемещались не быстрее света — примерно на световой год за год. Так что заранее было известно: если сегодня МЗТ дошел до 55-го светового года, в будущем году освоят 56-й, туда и придут астронавты. А какие звезды находятся на 56-м световом году? Загляни в справочник, прочти. Правда, планеты их неизвестны, можно их окрестить, назвать Львинией, Януарией, Мальвинией и так далее, населить львами, янусами двуликими, павлинами, мальвинами (а как они выглядят?), драконами жукоглазыми и так далее.

За таблицей неоткрытых планет последовала таблица скоростей.

Давлений.

Размеров — грандиозных и микроскопических.

Волн — длинных, коротких и ультракоротких.

Животных в порядке сложности.

В общем, по всем осям Жерома. И везде за пределы открытия, так, чтобы дать волю фантазии.

— Разбрасываешься ты очень, — сетовал наставник. — Выбрал бы одну какую-нибудь ось и держался бы за нее.

Укоры не помогли. Лев продолжал составлять свои таблицы, но прятал их от осуждающих взоров наставника. Зато, как ни странно, ученик повлиял на учителя. Тот задумался, не слишком ли много в школьной про-

грамме окончательных знаний, не надо ли подробнее объяснять школьникам, где наука остановилась, что предстоит открыть, над чем предстоит работать. Учитель написал статью о преподавании неоткрытого. Предложил главу о неоткрытом в учебник химии, а потом и целую серию «Энциклопедия неоткрытого для школьников». И в конце концов сам начал составлять такую энциклопедию, ради нее ушел из школы.

Работая, как-то не очень думал о парнишке, который натолкнул его на эту тему. Но все-таки вспомнил несколько лет спустя, когда писал предисловие. Потянулся к ручному видеофону, вызвал прежнюю школу, спросил номер ученика Январцева, если он учится еще.

Не очень знакомое, румяное и черное лицо появилось на экране.

— Как живешь, Лев? Помнишь меня? Вот захотелось узнать, какую же ось ты выбрал в итоге? Какие подарки решил делать людям?

— Буду филологом, учитель. Выбрал сравнительное языкознание.

— Вот тебе на! А я был уверен, что ты направишься в точные науки. Какие же подарки ищешь ты в языке?

— Всевозможные, учитель. Все на свете выражается словами, и у каждого народа свои оттенки — непереводаемые идиомы. Вот я и хочу составить «Словарь непереводаемого». Тонкости мышления, ускользнувшие от других народов, — разве это не подарок?

— Подарок, безусловно. — Бывший наставник был в сомнении. — Но мне кажется, это у тебя не последнее решение. Будут еще перемены.

Конечно, он оказался прав, этот опытный воспитатель. Льва ждали перемены.

И космос сыграл тут роль — беда планеты Той, спутника взрывчатой звезды. И Земля — земные достижения. И милая девушка по имени Винета.

ДОБАВЛЕНИЕ К ГЛАВЕ 4

(Для самых придирчивых читателей)

Есть извечная, неизбежная и непреодолимая трудность у научно-фантастической литературы. Три типа читателей у нее. Для одних важнее всего слово «литература», для других — «фантастическая», для третьих все заслоняет «научно». Первые к фантазиям относятся с пренебрежением, с раздражением пропускают науку. Им нужна психология, желательно — психология чувства, лучше всего — тонкости любви. Дорогие товарищи, обещаю вам, что про любовь тоже будет в этом романе, хотя и не слишком много. Если вас интересует только любовь, лучше верните книгу в библиотеку.

Вторые, ценящие только фантазии и предпочтительно — с головокружительными приключениями, — пожалуй, и вы пропустите эту дополнительную главу. Невроятное начнется в главе восьмой. Если не терпится, сразу беритесь за восьмую, потом вернетесь, посмотрите все подряд.

Но имеется среди вас, читатели, и третья категория — самые придирчивые. Научная фантастика должна быть научной, утверждаете вы. Читая, на каждой странице пытаетесь, «научно это или ненаучно?». Какие ученые, в каком институте разрабатывают подобные темы? Где автор все это вычитал? И что такое оси Жерома? И какая такая книга определила жизненный путь Льва? Кто автор, как она называется, место и год издания, тираж, количество страниц, библиотечный шифр по возможности.

Только для этих въедливых читателей и дано настоящее дополнение.

Совсем коротко о книге, вдохновившей Льва. Это биография Менделеева, написанная Яккертом. Год издания, увы, 2027-й. Ни одного экземпляра нет пока даже

в Ленинской библиотеке. Где автор читал ее? Видите ли, к нам в секцию фантастики такие книги доставляют по межвековому абонементу. Привозят на машине времени, вручают под расписку и отбирают сразу же, как просмотришь. Выписки не разрешают. Все на память. Естественно, делаешь ошибки, пересказывая, не без того.

Итак, биография! Дмитрия Ивановича Менделеева вы знаете все, представляете, что можно о нем рассказать. Что касается Яккерта, он физик, теоретик, наш современник, но пока еще никому не известный. Прославится в будущем столетии, уже после своей смерти; с учеными бывает такое. Когда его оценят, тогда издадут все его труды, научные и популярные работы, биографию Менделеева, в частности.

Поскольку Яккерт считал Жерома своим учителем, а Менделеева — предшественником Жерома, в книге о великом русском ученом рассказано и об осях Жерома. Что такое оси? Термин этот придумал Жером, создавая всеохватывающее описание природы. Ему все хотелось ориентировать человечество, показать, что уже открыто, до какого предела дошла наука и техника. Но в каком направлении шла? Вот и намечены были оси. Например, ось размеров. Допустим, исходная величина — человек — ноль отсчета. Кошка — в десять раз меньше по росту — первый порядок малости, Жук — в десять раз меньше кошки — второй порядок малости. Блоха — третий порядок, Амеба — четвертый порядок, и так далее по порядкам. Атомы на восьмом порядке, атомные ядра — на двенадцатом, электроны — на тринадцатом... И стоп! Глубже наука не пошла во времена Жерома. Даже рассуждала о неделимых квантах пространства — минимуме размеров.

Другой конец той же оси направлен в мир гигантского. Киты, горы, астероиды, планеты, солнца, галактики... Там пройден путь длиннее — двадцать семь порядков...

Какие оси были еще у Жерома? Ось времени, например: один конец в прошлом, другой — направлен в будущее. Ось временных промежутков — некое подобие оси размеров. Здесь тоже ничтожно малое — секунды и доли секунд, а также и громадное — годы, века, эпохи, эры, геологические периоды, миллиарды лет... Энергетические оси — скорость, температура, масса, энергосодержание. Захватывающе интересна сложная ось жизни — от вируса до человека и человечества. А дальше что?

Сам Жером насчитывал двенадцать осей, потом к ним прибавили еще двенадцать, потом еще сотни отростков. Согласились, что и осей бессчетное множество. Но все же были среди них основные — жеромовские, были и местные, коротенькие, например, ось химических элементов.

Почему же мальчика Льва Январцева так пленили эти оси?

Снова пересказываю мнение Б. Силина, наставника и биографа.

«Напрасно я допытывался у Льва, — пишет он, — с какой стати начал он переписывать элементы. Мальчик не сумел объяснить. С трудом припомнил, что в какой-то популярной книжке вычитал, что у железа 26-й номер, а у меди — 29-й. Захотел узнать, какие номера у других веществ. Зачем? «Просто так, интересно». Не только дети, и взрослые не умеют объяснить, почему им нравятся танцы, шахматы или картины импрессионистов. Нравятся... и все!

Но мы, педагоги, обязаны задумываться.

Являются к нам в класс — и на Землю — толпы малолетних пришельцев, ничего не ведающих о природе и жизни, но требовательно и жадно любопытных. Мы вываливаем на них кучу фактов, мнений и наставлений, мы осыпаем их сведениями об атомах, звездах, моржах, плотниках, королях и капусте. Накидываем больше, чем

можно вместить, и много больше, чем понадобится в жизни. Что-то оседает, но большая часть выветривается: в одно ухо входит, в другое выходит. Юные головы стихийно, подсознательно сортируют: «Это мне интересно, а это неинтересно».

Однако Январцева, сверхлюбопытного, желавшего знать ВСЕ, не устраивал сумбур разрозненных сведений. Он инстинктивно тянулся к порядку... И вдруг выясняется, что существует некий порядок. Все вещества перенумерованы: у железа № 26, у меди № 29... Многообразие мира укладывается в короткий перечень.

Лев находит этот перечень, переписывает. Мальчик доволен, даже горд, как средневековый монах, переписавший Евангелие. Вся божественная мудрость повторена его рукой. Добавить нечего.

Но в отличие от средневековых писцов, считавших доблестью смирение и самоограничение, наши послушники постоянно слышат: «Жизнь идет вперед, вперед, вперед. Открытия делаются, готовьтесь делать открытия, дарить новое, грандиозное, более грандиозное! Впереди больше, чем позади!»

Впереди больше, чем позади, и Январцев не может поставить точку на последнем элементе. Он хочет заглянуть за горизонт. Угадывать не умеет, придумывает.

А тут я подливаю масла в огонь. Я приношу ему Яккертову биографию Менделеева.

У Яккерта паренек выхватывает оси. Оси — маршруты науки, с указанием километража, пройденного в XIX, XX и XXI веках. А Менделеев рассказывает ему о закономерностях пути. Можно и угадывать, когда будет поворот и что откроется за поворотом. Лев нетерпеливо ждет повороты... Он заглядывает вперед, он торопит события.

Все мы пассажиры в Поезде Времени. Январцев из тех, кто стоит у окна. В дороге его интересует дорога».

Она опаздывала, вбежала за несколько секунд до лектора, когда уже некогда было подниматься к задним рядам, пробираться к незанятому месту. Засуетилась, смущаясь, что привлекает внимание, и кинулась к Льву: «Подвиньтесь, пожалуйста». Лев сидел в первом ряду, место занял заранее у прохода, так, чтобы в перерыве быстрее выйти к столу, прежде чем другие окружают лектора с вопросами. Делать нечего, пришлось потесниться. Девушка села на краешек скамейки, раскрыла сумочку; на Льва пахнуло тонким запахом жасмина. Порылась, ничего не нашла, спросила растерянно: «У вас нет лишней катушки?» Лев с осуждением оглянулся на бестолковую девчонку, явившуюся на важную лекцию без единой катушки, протянул ей нитки для магнитной записи. Девушка заправила нитку в магнитофон, что-то у нее не ладилось, она попросила помочь. Потом справилась у Льва, как называется лекция, не расслышала, переспросила.

— Разрешите, я вам в перерыве объясню, — сказал Лев в конце концов. — Лучше я выслушаю последовательно. Так я нить теряю.

Действительно, стоило слушать внимательно. Лектор говорил суховато, придерживаясь фактов, многочисленных и нелегких для запоминания. Речь шла о самом интересном для Льва — об идиоматике редких языков

малочисленных народов горных стран. Своеобразная была идиоматика, а идиофонетика еще своеобразнее. Перекрикиваясь в горах, некоторые объяснялись пением, иные — свистом. Слова-свистки нельзя было записать буквами на бумаге, и слушатели дружно щелкали магнитофонами. У Льва накопилась куча вопросов, и в перерыве он поспешил на трибуну, просочился сквозь кольца самых любознательных, сумел завладеть вниманием лектора. Совсем забыл о своей беспокойной соседке. Уже к концу перерыва, оглянувшись, увидел, что она терпеливо ждет его на краю скамьи.

— Я не очень поняла начало, — сказала она робко.

Выяснилось, что девушка не поняла ничего. Но не от бестолковости. Просто она была новичком в лингвистике. Сама она училась на медицинском; языки горных народов понадобились ей, чтобы поискать забытые рецепты стародавней народной медицины, отвары из местных растений, гигиенические приемы. Особенно волновала ее легенда о затерянной в Тибете долине Шангри-Ла, где люди будто бы не умирают, если не выходят за перевалы. Сказка, конечно... но, может, было что-то особенное в воде или в микроклимате этой долины. В сущности, Винете нужен был язык, а не теория языка. И Лев, бывалый лингвист, вынужден был прочесть ей добавочную лекцию — введение в сегодняшнее введение. Но девушка понимала его, это чувствовалась по репликам. Ей приятно было объяснять. Всякому учителю приятно иметь дело с понятливой ученицей. К тому же она не скупилась на восторженные похвалы:

— Вы так четко формулируете. У вас очень ясный ум. Такое прозрачное мышление, четкое, просто чертежное!

— Такие запутанные противоречия. И как это вы разбираетесь?

— Без вас я ничего не поняла бы, ничегошеньки.

Вероятно, Лев действительно объяснял толково. Как-

никак он был студентом третьего курса, в голове его сложилась система знаний; новые сведения укладывались в готовый каркас. Возможно, ум его в самом деле отличался особенной методичностью, если судить по детской склонности к составлению таблиц. Но девушка могла бы и не заметить этого при первом знакомстве.

— Большущее вам спасибо, — сказала она, прощаясь. — У меня сплошной туман был в голове, сейчас хоть что-то забрезжило. Можно, я на следующей лекции сяду рядом с вами?

Они условились, что Лев займет ей место, записали номера видеофонов и разошлись, довольные друг другом.

Со стороны может показаться, что Винета явно напросилась на знакомство. Впрочем, такое могли осуждать только в прошлых веках. В XXI веке вообще не считалось предосудительным, если девушка сама предлагала дружбу. Но у Винеты не было ни тени кокетства. Она была искренна, общительна и простодушна, потоварищески простодушна. В записной книжке странички были исписаны вдоль и поперек, места не хватало для знакомых. Пожалуй, она тоже была универсалом: Лев — универсалом в мире книжных знаний, а она в сфере общения.

Винета увлекалась спортом — играла в баскетбол, плавала, прыгала с трамплина. Среди ее друзей было множество любителей спорта и мастеров, вплоть до великой Ани Фокиной — рекордсменки мира по прыжкам в высоту. Винета увлекалась и театром — старинным, неголографическим, с живыми людьми, играющими сквозное действие, водила знакомство с театралами и артистами. Девушка любила туристские полеты в горы, на озера и просто за облаками, на маршрутах обзавелась подругами, которых надо было опекать, поддерживать, обсуждать их прически и наряды, навещать в родильных домах, тетешкаться с их младенцами, под-

держивать в дни сердечных невзгод. (Увы, сердечные невзгоды встречались даже в совершенном обществе будущего.) Неутомимая, неунывающая и неизменно жизнерадостная, Винета была всеобщей утешительницей; даже специальность выбрала утешительскую — собиралась стать медиком-гериатром. И это прибавило ей еще и друзей-пациентов, солидных и многословных пенсионеров, охотно рассказывавших молоденькой девушке о своих недугах и уверявших, что Винета лечит их куда лучше прославленных профессоров.

Спортсмены, театралы, подруги, больные, еще соученики. В алфавитной книжке Винеты Лев сначала занял очень скромное место. Записан был на букву Я, но не как личность — Январцев, а в строчке «Языки».

Но сам он воспринял новое знакомство как событие чрезвычайной важности. Воспитатели так и не смогли преодолеть его главного недостатка — самолюбивой замкнутости. Самолюбие обрекало его на одиночество. Расспрашивать товарищей он стеснялся: как это он обнародует свою беспомощность! В результате книжную мудрость Лев одолел, на людях же был молчалив и мрачен. Зная свой недостаток, дичился, избегал общества, в особенности — общества глазастых, острых на язык насмешниц. И насмешницы его избегали, называли медведем и букой. Он был застенчив, а его считали заносчивым. Не хотел ошибаться, видите ли. Как будто есть на свете люди, которые не ошибаются.

Однако Винета не ведала, что заговорила с букой. Для нее все было просто: села на свободное место, с расспросами обратилась к соседу, получила толковый ответ, условилась о встрече с толковым консультантом, взглянула на часы и помчалась на тренировку. Лев же был потрясен. Впервые в жизни ему назначили свидание. К свиданию надо было подготовиться, продумать как следует лекцию, чтобы не вызвать разочарования, оправдать комплимент насчет ясности ума. Для бедной де-

вушки был заготовлен полный курс лингвистики. В голове у Льва сложился воображаемый сценарий: он разглагольствует, она внимает с блестящими глазами, приговаривая:

— Надо же! Какая глубокая мысль! Какое тонкое наблюдение! Как это вы все подмечаете!

А Винета не подозревала ни о чем. Тренировки, репетиции, практика в морге... Винета вообще забыла о второй лекции. Напрасно Лев отстаивал (как лев) место в первом ряду, всю шею вывернул, оглядываясь на входные двери. Место в конце концов пришлось уступить какой-то долговязой девице. И хотя она тоже забыла катушку, тоже рылась в сумсчке, пропахшей духами (противнейшими), тоже спрашивала, нет ли лишней нитки, Лев катушку пожертвовал, но разговора не поддерживал. Сердце его было занято. Конечно, он был обижен, раздражен, разочарован, возмущен, дал себе слово навсегда забыть легкомысленную, но тут же подумал, что девушка могла и заболеть, а конспект ей необходим. И доказал себе, что он должен, прямо-таки обязан связаться с девушкой по видеофону... и не откладывая, сразу же после лекции, в вестибюле набрал номер.

«Какая же она красивая!» — подумал Лев, когда смеющееся личико с лукавыми глазами появилось на экране.

И позже так повторялось. Живое лицо Винеты всякий раз поражало своей красотой. Должно быть, память не удерживала подвижной мимики Винеты, всегдашней готовности посочувствовать, порадоваться вместе, сердечного участия, оживлявшего черты. С другими девушками получалось иначе. На память они казались красивыми, а при встрече разочаровывали Льва.

Винета искренно обрадовалась звонку. Рассыпалась в благодарностях. Обругала себя «дурехой беспамятной». (Лев возмутился. Никак не хотел признать Винету дурехой.) Тут же заглянула в записную книжку, разыска-

ла просвет между парикмахерской и анатомическим театром, пригласила Льва в гости:

— Приходите. У нас такой удобный столик в саду, прямо под моим окошком. Зубришь латынь в кустах сирени. Я так рада, мне ужасно повезло с вами. Я бы потратила три дня в читалке, все равно не разобралась бы.

После этого Лев полчаса сидел с глупо-блаженной улыбкой на лице, не сразу спохватился, что в саду-то надо будет не в глазки смотреть, а сегодняшнюю лекцию пересказывать, кинулся срочно расшифровывать магнитозапись. Исписал несколько страниц, вложил их зачем-то в пеструю обложку с букетом ромашек на ней, потом застеснялся и выбросил ее в урну по дороге. Решил, что консультант не должен дарить цветы, даже нарисованные, это намек на ухаживание, как бы использование служебного положения. И, краснея, волнуясь, страдая и блаженствуя, он пошел на свидание, неся конспект, словно букет роз.

Итак, Лев влюбился. Почему влюбился, нет необходимости объяснять. В Винету влюблялись все поголовно: спортивные мальчики, медицинские мальчики, театральные мальчики и даже галантные старички-пенсионеры с сердечно-сосудистыми заболеваниями. Труднее понять, почему Винета влюбилась в Льва. У нее был такой выбор, право же, Лев был не самым блестящим из ее поклонников. Вероятно, Лев казался ей очень умным. На самом деле был не умнее, но сосредоточеннее. Спортсмены, театралы и медики не удивляли; Винета сама зарабатывала медали, декламировала и сдавала латынь. Но конструировать мысли не могла, вернее, смогла бы, но не успевала. Винету упрекали в несобранности, а она была прежде всего отзывчива — кидалась на помощь, не считая сил, не экономя времени. Сама она захлебывалась от дел, а Лев как-то успевал все. Это удивляло.

Принцип дополнительности действует не только в мире электронов, но и в любви. Противоположности схо-

дятся. Природа стремится наделить новое поколение более богатым набором генов. Молодые люди ничего не знают про маневры природы, но сердцем помогают ей.

К счастью, предлог для встреч не иссяк. На одной из ближайших лекций лингвист сделал сенсационное сообщение о языках планеты Той. Юстус с гостями-тоитами еще не прибыл на Землю, только два дня назад станция МЗТ приняла первые записи киберлинкосо. Ничего еще не было систематизировано, продумано, но в науке XXI века полагалось и непосвященных знакомить с сырыми материалами. Не считалось необходимым, лелея престиж ученых, публиковать только проверенные выводы. Факты поступили, факты сообщались всем интересующимся, студентам в первую очередь. Пусть поломают головы, пусть сами подведут итог... Даже для развития мышления полезно.

Оказалось, что у тоитов любопытная фонетика, еще более оригинальная, чем у горных народов. Множество звуков, не произносимых для человеческой гортани. Сразу была создана комиссия, чтобы обсудить, как изображать их в земных алфавитах. Идиограмматика тоже была непривычна, отражая особенности тоитского мышления. У тоитов, например, было четыре множественных числа: двоичное «мы» — мы с тобой, родственное — мы с семьей, мы с друзьями, ораторское «мы» — все мы присутствующие, а также социальное — наш народ, наша страна, наша армия, все тоиты. Соответственно и четыре произношения было: для собеседника, для близких, для всех окружающих, для речей. Все это было изложено под кустами сирени... а также и многое, не имеющее отношения к делу, упоминались даже химические элементы львиний и мальвиний, планеты Львиния и Мальвиния с материками Арбат, Смолен и Дорогомил. Лев никому не рассказывал про детские забавы, но Винете хотелось поведать все. Она расспрашивала с таким участием, с таким сочувствием. Едва ли это был профес-

сиональный медицинский подход, Винета любила людей, рвалась принять участие в их заботах.

Снова и снова приходится хвалить эту милую девушку. Почему же все-таки замкнутый, хмуроватый Лев пришелся ей по душе? Разглядела она его будущее? Если так, это делает честь ее человеческой проницательности. Но, возможно, Винета просто заразилась любовью. На почве языкознания встречи повторялись ежедневно; молодые люди сидели рядышком в весеннем саду, закипавшем яблоневою пеней. И Льва окружало такое поле любовного напряжения. Конечно, девушка ощущала его, сама погружалась в волны радостного волнения. Отмечала и спад, когда Лев усилием воли заставлял себя думать о тоитских иероглифах. И видела, как, встретив ее внимательный взгляд, юноша сбивается и краснеет; при этом напряжение возникает снова, как бы ток включается. Ей даже нравилось играть с выключателем, врубать и вырубать любовный ток. Как же могла она не полюбить того, кто принес это счастливое волнение в ее суетливо-озабоченный, «захлопоченный» мир?

Сколько раз Лев перебирал в памяти эти весенние вечера!

А что было? Трогательные мелочи, пустяковинки, о которых посторонним и не расскажешь. Плечами пожмут, усмехнутся снисходительно.

Третий час утра, предрассветный сумрак. Половину ночи проговорили неведомо о чем. Серым кажется побледневшее лицо девушки, а глаза и губы черные. Такое утомленное лицо, такое непривычно грустное, и Льву так жалко девушку, хочется ее утешить, обнять, успокоить. «Эгоист, — корит он себя, — только о своем удовольствии думаю. Хоть и спортсменка, а все-таки сил меньше, чем у меня. Терпит, слушает, не гонит по своей доброте». И он самоотверженно прощается, а она еще удерживает его, спрашивает что-то структуральное, на-

верное, думает доставить ему приятное, проявляя интерес к науке.

Еще взгляд запомнился. Это уже в другой раз было, днем. Винета отлучилась, к видеофону ее позвали. Урок прервался на полуслове, и, чтобы время не терять, Лев начал перерисовывать в ее тетрадь тоитские иероглифы, очень сложные и красивые: цветом там обозначались оттенки речи. Лев не заметил как ученица вернулась. Услышал за спиной: «Лев-то, Лев-то старается». Юноша оглянулся и утонул в ее зрачках. Никогда не видел такого взора: бездонно-глубокого, ласково-теплого, нежного, ликующего. Еще сотню прилагательных можно добавить, все равно не опишешь. Лев почувствовал, что он любим. Потом уже, простившись и отойдя на добрый километр, рассудительно доказал себе, что ошибся, замечательная Винета не могла полюбить такого заурядного парня. Но, вспоминая ее взгляд, блаженно и глупо улыбался. И неуклюже пританцовывал в тени кустов. И головой мотал: кружилась от счастья.

Конечно, первый поцелуй запомнился. Нелепый был поцелуй, без объяснения. Винета весь вечер рассказывала о своих пациентах. Потом губы встретились. Потом он целовал ее пальцы, все подряд, а крохотный мизинчик дважды. Такой умильный был мизинчик, такой беспомощный, игрушечный. И снова кружилась голова, когда возвращался.

На следующий день — первая размолвка. Сломая голову прибежал Лев на свидание. Сегодня он никак не мог заниматься лингвистикой, всего сорок минут было в его распоряжении. Очень спешил и жаждал рассказать, почему спешит. Но Винета сама опоздала.

У режиссера было творческое настроение, он так и этак перестраивал мизансцену. И хотя у Винеты роль была второстепенная, самая скромная (ей нелегко давалось сценическое искусство), но могла ли она уйти, нарушая ансамбль? Не подобало ей, второстепенной, пере-

бивать вдохновение режиссера. И она прибежала запыхавшись, и тут же требовательно залился колокольчик квартирного видеофона: один из галантных стариков хотел рассказать про боли в пояснице. Винета сочувственно кивала и разводила руками за экраном, так, чтобы старик не видел. Ничего не поделаешь, у врачей своя дисциплина, больного поторапливать не полагается. Галантный и многословный старик съел добрую половину считанных минут Льва. И сразу же после него позвонила подруга, не та, которая сыграла свадьбу, другая, у этой любовь не ладилась. И поскольку у Винеты любовь ладилась, она считала своим долгом, как бы моральным выкупом за счастье, посочувствовать неудачнице.

Все это не предназначалось для посторонних ушей; ласково кивнув Льву, Винета повернулась к нему спиной, загораживая экран. Лев постоял еще под окошком, глядя на ее спину, потер переносицу указательным пальцем, — такой у него был жест: в затруднении он тер переносицу. Чесал все яростнее и сам распалялся гневом. Выходит, что для Винеты он самый последний человек. Капризным режиссерам потакают, радикулитчикам улыбаются, слезливых девчонок утешают, а любящему показывают спину. Сорок минут истекли, Лев прибавил еще три, потом постучал в окно. Винета, не оборачиваясь, помахала успокаивающе: дескать, извини, не до тебя сейчас. Трагедия, человека спасти надо.

И Лев ушел. Даже записки не оставил, даже выключил видеофон. Никаких объяснений, никаких оправданий, разрыв навеки!

Впрочем, в тот вечер ум его был занят, некогда было подумать о жестокой. Только в паузах ощущалось что-то тягостное, камень лежал на сердце. Но как раз дело было такое. Льва расхвалили, возвращаясь, он начал было составлять подробный устный отчет для Винеты, подбирать точные выражения, достаточно скромные,

чтобы не перехвалить себя, но и не преуменьшающие заслуг. И вдруг вспомнил: «Никаких отчетов! Кончено! Винеты не существует. Точнее, он не существует для Винеты». И не вызвал ее к видеофону. Выдержал характер, хотя и горько было выдержать.

Двое суток ходил, придавленный к земле; то проклинал Винету, то оправдывал, себя винил. Учил слова, выполнял задания, что-то переписывал бездумно, словно зимней ночью в лесу плутал: бредешь куда-нибудь, лишь бы не замерзнуть. Побрел и на семинар по лингвистике, хотя там все бредило рану: каждый стол, каждый столб напоминал о равнодушной: тут сидел рядом с ней, тут стоял, тут формулы для нее списывал. Волоча ноги, вошел в лекционный зал... и остолбенел. Она! Она сидела в его излюбленном первом ряду. Светловолосая и загорелая, в белом платье с голубым пояском, олицетворение чистоты и свежести. Робко подняла на него глаза — синие и с синевой под веками, несчастные, невыспавшиеся. Лев хотел было пройти мимо, буркнув «здра...», но к нему потянулась рука с записочкой: «Не знаю, в чем виновата, но давай мириться».

Лев так и не узнал, что говорилось в этот день на лекции. Седовласый и морщинистый лингвист раскрывал и закрывал рот, включал и выключал запись, водил указкой по экрану — до Льва не дошло ни единого слова. Только одно имело смысл и значение: Винета рядом. Они сидят рядом, и поле любви окутало их. Они вдвоем и счастливы. Тоитское двойственное число. Прочие множества не существуют. Это был самый счастливый день в их любви... и последний.

ИЗ-ЗА ЛЮБВИ И ПОДОЗРИТЕЛЬНОСТИ

20—22 мая

Принято считать, что любовь — противница успеваемости. Вздохи под окнами, серенады и ревность порождают тройки и двойки. У Льва получилось иначе: любовь помогла ему преуспеть, стать лучшим студентом на семинаре по лингвистике и тоитоведению.

Ведь все же встречи с Винетой были связаны с лекциями. Либо девушка приходила на занятия, тогда они сидели рядышком, Лев силился не отвлекаться, записывал, зарисовывал, чтобы после пересказать как можно толковее. Либо же, гораздо чаще, Винета пропускала лекцию, тогда Лев слушал еще внимательнее, записывал еще тщательнее. По правде сказать, он запустил все другие предметы, изучая тонкости тоитского произношения и машинного перевода, будто бы по поручению Винеты.

И преуспел. Соседи его с грехом пополам переводили отдельные тоитские фразы, а он уже понимал на слух, даже мог произнести несложную речь с земным акцентом, конечно. Разобрался в хитросложностях идеосемантики и в непроеизносимых звуках идеофонетики. Выговаривать не научился, для человеческого горла тоитские фонемы непроеизносимы, но, чтобы Винета познакомилась со всеми: шелестящими, кряхтящими, свистящими, kloкочущими, — Лев приспособил к своему магнитофону приставку, этакий звуковой линотип: буквы набира-

лись пальцем, выговаривались магнитофоном.

На очередном занятии, когда Винеты не было, конечно, лектор демонстрировал новые записи тоитской речи, сделанные уже на Земле. Но, запуская с гордостью уникальные ленты, заметил, что они все же далеки от совершенства, поскольку запись делается для человеческого уха в звуковом диапазоне от 20 до 20 тысяч герц. Более того, как обычно в технике, верхние частоты, не очень нужные человеку, срезаны для упрощения. И добавил, что тоиты не очень хорошо понимают такую запись, потому что их голоса забираются в ультразвук, особенно в секретных беседах, поскольку ультразвук легко гасится в воздухе и слышен только вблизи.

Мысленно пересказывая объяснения лектора Винете, Лев подумал, что она обязательно спросит, заметна ли на слух разница, когда срезаются верхние частоты. И решил, что это нетрудно продемонстрировать, добавив к магнитофону ультразвуковую приставку.

Задумано — сделано! Лев провозился полночи, но для Винеты не жалко было потратить несколько часов. Все равно с боку на бок ворочался, думая о ней. А тут, думая, собирал схему.

Свой ультрамагнитофон Лев принес на следующее занятие. (Винета и его пропустила. И напрасно.) Лектор рассказывал о своей личной встрече с тоитами в карантине Космограда. С гордостью рассказывал: не каждому специалисту довелось побеседовать с живыми «пришельцами». Лев очень жалел, что Винета прозвала такой интересный рассказ, и подошел к лектору с просьбой: не согласится ли он при следующей встрече записать речь тоитов на ультрамагнитофон?

Лектор взял аппарат нехотя: прибор получился довольно громоздкий. И обещал не очень уверенно: «Если будет удобно, если разрешат врачи, если тоиты согласятся...» В сущности и вообще он не мог поручиться, что увидит тоитов вторично. Но встреча состоялась,

и на следующий день, взойдя на кафедру, он объявил сразу же:

— Студент Январцев пришел сегодня? Январцев, обязательно подойдите ко мне в перерыве.

А в перерыве сказал:

— Ваша «говорящая» машинка пришлась по душе тоитам. С нее уже сделаны копии. Но лучше, чтобы вы отладили их сами. У вас нет срочных дел сегодня? Скажите в учебной части, чтобы вас освободили на весь день. И приходите ко мне к 17.00. Полетим вместе в Космоград.

И, поглядывая на рубашку Льва, сказал:

— Пожалуй, на этом вы разменяете вторую тысячу.

Замечание это, вызвавшее оживление и некоторую зависть всех слышавших, вполне понятное для современников Льва, нуждается в пояснении для читателей XX века.

Выше говорилось, что молодежи внушалось стремление делать подарки. Но главным даром был труд, не только особенный, но и будничный. Люди гордились обилием отработанных часов, носили на груди значки с цифрами — 10, 20, 30 тысяч... В среднем к старости удавалось скопить тысяч пятьдесят. Но за особо сложную, опасную или творческую работу часы начислялись в двойном, тройном, десятикратном размере. Великое открытие могли оценить и в сто тысяч и в миллионы часов. Естественно, юношам хотелось поскорее приколоть над карманом хотя бы единичку (первую тысячу). Однако у студентов она встречалась редко. Ведь учение было только подготовкой к труду, тренировкой для жизни. Иногда ученикам поручали практическую работу, но от случая к случаю, нерегулярно. Сам Лев еще не набрал тысячу часов. Но, видимо, его прибор могли оценить как изобретение — в две-три сотни трудовых часов, может, и в пятьсот. «Разменяете вторую тысячу», — сказал лектор.

А кроме того, его повезут в Космоград, к живым тоитам. Такое выпадает не каждому профессору, не каждому студенту тем более. Тоитов Лев видел по телевидению. Юноше не показались привлекательными хмурые коротыши с важно заносчивым и одновременно оторопелым видом. Но какие ни есть, они — посланцы чуждальней планеты, их прибытие на Землю — исторический рубеж. В высшей степени почетно, что студенту Январцеву доведется участвовать в приеме этих исторических личностей. Будет о чем рассказать потомкам на старости лет и Винете сегодня вечером.

И Лев понес свои восторги любимой. Хотел, чтобы она разделила его триумф. Ведь и ей приятно сказать подругам: «А мой знакомый был у тоитов лично».

Не оценила Винета. Даже времени не нашла выслушать. Разменяла драгоценные минуты Льва на галантного пенсионера и слезливую подругу.

Значит, равнодушна. Значит, и думать о ней нечего.

Однако некогда было терзаться и скрежетать зубами. Лев и так потратил шесть минут сверх допустимого. Наверстывая, бегом мчался до стоянки аэрокаров, чуть не перепутал адрес, набирая цифры на табло автомата.

Льва привели к Кляктлу — младшему жрецу. Тоит вблизи показался не симпатичнее, чем на экране телевизора. Туповатое неподвижное лицо, тугое соображение: каждую фразу переспрашивал, долго не мог понять. Кроме того, сухая, безжизненная кожа и неприятный запах.

Кляктл добрых два часа прилаживался к аппарату Льва, никак не мог запомнить, какие кнопки надо нажимать. Но в конце концов подошел другой тоит, еще более важный и высокомерный (Толкователь воли богов), поднявшись на цыпочки, ткнул Льва под ребро и объявил: «Это будет наш переводчик».

— Угодил ты им, братец, — сказал на обратном пути седой лектор. — Главное — не теряйся. И не впадай в

уныние, если разонравишься. Они капризны, эти тоиты, сам черт не разберет, что им требуется.

Тон у лектора был покровительственный, но с оттенком обиженного недоумения. Все-таки неприятно, когда тебе, профессору, предпочитают зеленого новичка, твоего же студента.

Лев кивал, улыбаясь смущенно и торжествующе. Уже подыскивал слова для разговора с Винетой. Потом вспомнил: Винеты не существует. Равнодушная презрела его, не нашла времени выслушать, променяла на видеофонную болтовню. Разрыв навеки! И огни Москвы потускнели для Льва, жизнь стала бесцветной, камень снова навалился на сердце. Так, с камнем, Лев и поехал домой, в одинокую комнату общежития, с камнем лег спать, с камнем проснулся и побрел на лекцию. К чему триумфы, если они безразличны Винете?

Впрочем, Лев не так высоко ставил бы свои успехи, если бы знал, почему тоиты выбрали именно его.

В первые дни на Земле тоиты были просто ошарашены. Тоиты жили где-то на уровне Древнего Египта. И вот к ним, к примитивным земледельцам, к кочевникам и пещерным охотникам, валится с неба то ли бог, то ли дьявол — вероятнее, дьявол, поскольку богов тоиты создавали по своему образу и подобию, — а этот был странен на вид — без чешуи, без гребня на макушке, без перепонки между пальцами. И странный этот, коверкая слова, пугает всеобщим пожарищем, усаживает в свою летучую лодку, несет по небу на высоченную гору, там колдует что-то с золотыми тесемками, чик-чик... и вы неведомо где, в стране колдунов.

Тоиты были потрясены... и замкнулись. Их мозг отказывался воспринимать впечатления. Охотник так и не выбрался из скорлупы напускного безразличия. Ему был присущ с детства воспитанный фатализм. Волноваться не подобает никогда. Смерть и жизнь ходят рядом. Сегодня ты съел, завтра тебя съели.

Остальные четверо окружили себя броней недоверия. Вокруг иллюзия, обман, наваждение. Верить не надо ничему. Возможно, вообще, они сидят все на той же горе, на своей планете, и колдуны навевают им сны.

Сами люди невольно поддерживали это настроение. Ради карантина решили не выводить тоитов из комнат, свой мир показать по телевидению. Прокрутили для гостей детские учебные фильмы: «Дом», «Сад», «Город», «Море», «Завод»... Но совершенное телевидение XXI века, цветное, ароматичное, голографическое и с артистами в натуральную величину, создавало полнейшую иллюзию присутствия. Тоиты заговаривали с мнимыми людьми в нише голографа, пытались притронуться и с ужасом ощущали пустоту. После этого они и подлинных людей принимали за призраков. Отворачивались и закрывали глаза.

— Дьявольское наваждение! — твердил верховный жрец-толкователь. — Молитвой отгоняйте.

Полководец же, искушенный в военных хитростях, предположил:

— Никакое это не небо, не чужая звезда. Нас завезли в Верхнее Царство и держат в темнице. Эти тонкогие не колдуны, они переодетые тюремщики.

— Но здесь одно солнце, — напоминал Клаккл. — На нашем небе сейчас два.

— Наваждение!

Как и всех космонавтов, тоитов держали в карантине Космоцентра. Изолировали, чтобы не заразить земными болезнями и от них не заполучить тоитских. Естественно, брали анализы, делали прививки. Уколы причиняли боль, от прививок поднималась температура. «Нас отравляют, нас медленно убивают!» — пугали тоиты друг друга. «Но зачем же приглашать послов и отравлять их?» — «Им не удалось обмануть нас: мы слишком прозорливы. Вот и решили избавиться», — нашептывал полководец.

Изоляция усиливала подозрения. («А почему нас держат взаперти?») Тоиты потребовали прогулки по городу. Их повели... в кольце милиции, под охраной обеззараживающих ультрафиолетовых прожекторов, как бы на световом пятне для съемки. Естественно, отовсюду бежался народ. Всем было любопытно поглядеть на пришельцев, смешноватых, с земной точки зрения, испуганных, но важничающих карликов, лысых, с какими-то гребешками на темени. Люди дружелюбно посмеивались, что-то кричали приветственное, но тоитам крики показались угрожающими.

— Это все переодетые солдаты, — сказал «прозорливый» воин. — Собрали со всей страны, пугают нас многолюдьем.

«Нас хотят запугать, подавить и покорить», — только об этом и думали тоиты.

Возможно, время постепенно растопило бы броню недоверия, но времени-то не было. Надо было срочно обсуждать меры помощи, для этого прежде всего разузнать все подробности о планете.

Первый вопрос: численность населения. Сколько же их, нуждающихся в помощи?

Конечно, о населении всей планеты не знали и самые цивилизованные жители Реки. Но сколько народу в их речном государстве, примерно представляли. Однако предпочитали скрывать истину.

— Простых людей не сосчитать. Больше, чем звезд на небе, больше, чем капель в море.

— Если все мои солдаты пойдут в поход, — заявил полководец, — они будут идти под престолом десять лет и еще десять.

— А у царя Верховьев?

— У него пройдут за полдня.

Полководец пугал и обманывал. Пусть колдуны отступятся со своим пожарищем. Еще лучше: пусть заключат союз с могучим владыкой Низа и помогут за-

воевать Верх, где солдат всего лишь на полудневный парад.

— У нас почетным гостям показывают свое войско, — говорил хитрый полководец. — Где ваши войска? Почему вы прячете?

— У нас нет войн и нет войск.

Тоиты не верили.

— Они мягкотелы и изнежены, — шептал полководец верховному жрецу. — Один мой полк разгонит целую толпу. Надо втереться в доверие к ним, захватить их дьявольский корабль...

Планов у него было полно, последовательности не было.

Жрец сурово молчал. Он еще не принял решение, потому намекал, что не пришло время вопрошать богов.

Воин думал о сражениях, жрец о молитвах, а шарообразный скотовод о богатствах прежде всего.

Сразу же он попросил золотые ленты, смотанные с его тела. С легким сердцем отдали ему эти ленты.

Попросил еще сто золотых катушек, попросил слитки. Дали и слитки.

Затем он справился о земных ценах. Сколько, например, стоит стадо рогатых?

Ему сказали, что скота нет на Земле. Сочли бойни жестокостью и ликвидировали животноводство.

Тоит не поверил. Его же кормили, как он и привык, мясом с кровью.

Объяснили, что мясо синтетическое, заводское.

Не поверил. Но на всякий случай спросил, сколько же золота надо отдать за заводского быка.

— Ни единой пылинки, — сказали ему. — У нас вообще нет денег. Уже полвека нет денег.

Не поверил. Потребовал, чтобы ему показали рынок.

Рынка, естественно, не было в Космограде. Тоитов отвезли на универсклад. Своими глазами видели они, как приходят люди, берут платья, пакеты с едой, столы

и кровати, какие-то непонятные ящики с рукоятками и глазками, берут и уносят, не платя ничего.

— У нас гостям делают подарки, — заявил жадный скотовод.

— Берите все, что нравится.

Скотовод набрал целую тележку всякого добра и еще несколько непонятных ящиков на всякий случай.

— И денег с меня не взяли, ни единого колечка, ни одного обрубка, — рассказывал он другим тоитам.

— Дурачки! — сказал полководец. — Их страна развалится. Если все не стоит ничего, куда же сбывать трофеи? Никто и в поход не пойдет. Недаром у них и армии нет. Жалкие и беспомощные. Кто вздумает, тот и покорит.

— Без денег никто работать не будет, — сказал Клаккл, сын купца. — Что-то они скрывают. Но мы разоблачим их ложь, расскажем, как нас пытались надуть и не сумели.

Верховный жрец остановил его взглядом.

— Даже и такая ложь не должна дойти до простого народа. Чернь ленива и легковерна, этот безденежный рай прельстит ее. Каждый предъявит претензию: «Поддай мне хлеб и плащ бесплатно, как на той занебесной Земле». Даром! Безнравственно и безбожно! Я догадываюсь, что это вранье адресовано нашей черни. Ее возмутят, вооружат, поднимут против благородных, против посвященных и против богов, немытыми руками нищих захватят власть на всей Реке.

Недоверие, подозрительность, страх! В каждом ученом, в каждом переводчике, в каждой санитарке тоиты видели переодетого врага. «Ищи случайных людей, — сказал верховный жрец Клакклу. — Не все же подготовлены для обмана». И вот в поле зрения их попадает незрелый юноша с каким-то удачным прибором, с младенчески тонкой шеей, явно новичок. Старший все время наставляет его. Клакклу удастся расспросить его. Юно-

ша — студент, с точки зрения Клактла — младший жрец, даже послушник. Едва ли он полноправный участник дипломатического заговора. А если даже и участник, проговорится по неопытности. И жрец-толкователь тычет пальцем ему в ребра: «Пусть этот будет при нас».

Пожалуй, Лев меньше гордился бы своим успехом, если бы знал, что он нужен тоитам в роли простодушного болтуна.

Но так завязалась его судьба. Из-за любви к Винете он сконструировал свой прибор, из-за подозрительности тоитов стал переводчиком пришельцев.

Из-за подозрительности произошло и все остальное.

23 мая. 12.00—14.40

Заседание Академии Времени было назначено на 12.00.

Ученые были озабочены, тоиты держались настороженно. Только Лев плавал в розовом тумане. Все было в тумане — исторические события, межзвездная связь, перспектива второй тысячи в петлице, конференц-зал. В голове звенело одно: «Винета любит, Винета хочет мириться. Винета сказала: «Вечером приходи обязательно». Скорее бы вечер!»

Никак не мог он сосредоточиться, задумывался, опустив руки, не слышал вопросов, отвечал невпопад, проявлял редкую бестолковость. Только суровый выговор старшего переводчика привел его в чувство, и то ненадолго.

Все-таки громоздкая приставка с тоитским акцентом была наконец налажена, проверена. Звучало хорошо, достаточно скрипело и клокотало.

Между тем зал заседаний постепенно заполнялся. Одним из первых пришел сегодняшний председатель — президент Академии Времени Ван Тромп — круглолицый с прищуренными глазами и пушистыми баками, плавно-медлительный, олицетворение неторопливой, продуманной рассудительности. За ним у круглого стола решений заняли места все семь участников обсуждения.

Семерка считалась наилучшим числом для обсуждения. Не слишком мало: мнение не получится случайным. И не слишком много: каждый сумеет высказаться не раз. Кроме того, семь — число нечетное и простое: как ни голосуй, выявится большинство.

Среди семерых были представители разных материков и различных специальностей — не только физикотемпорологи. Почти всех Лев знал в лицо, по портретам в учебниках или видел на экране телевизора. Узнал он астронома Юстуса и двухметрового нигерийца экономиста Мамадугу и поэта Олега Русанова — широкоплечего богатыря с окладистой бородой — этакого былинного Добрыню Никитича. Поэт все поглаживал бороду, словно хотел убедиться, крепко ли держится.

Винета была без ума от стихов Русанова; однотомика его держала под подушкой, читала перед сном, цитировала... Лев даже ревновал немножко. Были здесь еще... но стоит ли подробно описывать людей, которые играют роль только в одной главе?

Затем прикатили и разместили на возвышении тоитов. Земные кресла были великоваты для гостей, пришлось приспособить для них детские стульчики на колесиках. Коротенькие ножки тоитов болтались в воздухе, и, несмотря на суровые взгляды и нахмуренные лбы, выглядели гости комично.

Лев со своей аппаратурой пристроился за спиной у Клакста.

Ван Тромп поднес к губам микрофон:

— Открываю заседание. Слово предоставляется профессору Юстусу.

Никаких предисловий. Все знали, кто такой Юстус, все знали, о чем будет речь.

Юстус, кряхтя, поднялся на трибуну. Вид у него был изможденный, казалось, даже слова он произносит с трудом. Может быть, поэтому фразы его были особенно лаконичны и емки.

— В зале у нас не только специалисты, — сказал он, скользнув взглядом по бороде поэта, — и я начну с простейших сведений. Планета Той — спутник двойной звезды. Одна из них относится к числу новых. Новая — неточное название, возникло исторически, поскольку обычно эти звезды не видны невооруженным глазом. Но внезапно на поверхности новой происходит взрыв, и в пространство вылетает облако раскаленного газа, массивное облако, в нем материал для тридцати-сорока таких планет, как наша Земля. Облако раздувается, становится много больше звезды, поэтому светит в тысячи, в десятки тысяч раз ярче. Вот это облако мы и видим как новую, будто бы загоревшуюся звезду. Но, раздуваясь и раздуваясь, оно постепенно охлаждается, меркнет и растворяется в пространстве. Через несколько месяцев новая исчезает с небосвода. Только в телескоп можно найти теперь виновницу переполоха.

Какова причина взрыва новых? Еще в прошлом веке установлено, что источник энергии звезд — ядерное горючее. Но любое горючее — дрова, уголь, нефть или атомные ядра надо зажечь, сами собой они не загораются. Уголь разжигают дровами, дрова — щепочками, щепки — спичками. Какие спички нужны для атомных ядер? Считается, что их зажигает высокая температура, а температуру ту создает давление, а давление порождается тяготением.

Лично я держусь той точки зрения, что в новых звездах роль спички играет тяготение, но не в недрах, а на поверхности, где напряжение сильнее.

Почему я полагаю так? Во-первых, потому, что все новые звезды относятся к числу красных карликов — сравнительно холодных, более плотных, чем наше Солнце, звезд, а на поверхности плотных звезд напряжение гравитации заметно больше, чем на Солнце. Во-вторых, все новые входят в число двойных звезд, в тесные пары, где на собственное тяготение накладывается еще и при-

тяжение второй звезды. В-третьих, взрыв прекращается, как только новая теряет часть массы, при этом, само собой разумеется, тяготение несколько уменьшается. Тяготение уменьшается, и вспыхнувший было ядерный уголь быстро гаснет. И горение прекращается на сотни и тысячи лет, пока сжатие снова постепенно доведет напряжение до критического уровня.

На основе этой гипотезы мне удалось четырежды предсказывать взрывы новых звезд с ошибкой плюс-минус один месяц. Но те звезды находятся на далеких расстояниях, даже расстояния эти не были определены с достаточной точностью. В данном случае мы имеем дело со сравнительно близкой звездой. Кроме того, в отличие от других новых Лямбда В движется по вытянутой орбите и приближается к главному солнцу один раз в 616 лет, и взрыв возможен только при максимальном сближении в перигелии. Событие это произойдет в этом году — 18 июля по приведенному времени. Возможно, что критический уровень будет достигнут на два-три дня раньше. Позже — ни в коем случае.

Короткое сообщение Юстуса заняло добрых двадцать минут, потому что после каждой фразы следовала пауза для перевода. Старший переводчик набирал текст, Лев регулировал свою приставку, тоиты переспрашивали, им растолковывали. Одновременно все сказанное изображалось еще и на экранах в надежде, что какая-то комбинация слов и образов разъяснит тоитам суть дела. Все равно у Льва осталось впечатление, что гости не поняли ничего.

Едва Юстус закончил, все семеро решающих накинулись на него. У каждого были сомнения. Есть ли доказательство, что взрыв произойдет именно при этом сближении, ведь до сих пор ничего страшного не было, иначе жизнь была бы уничтожена шесть, или двенадцать, или восемнадцать веков назад? Установлено ли, что именно гравитация — причина взрыва? Есть ли другие теории?

Почему Юстус отвергает их? Кто и где доказал, что взрыв произойдет именно при таком уровне гравитации? Почему не было взрыва при предыдущем сближении — 616 лет назад? Уверен ли докладчик, что за шесть веков на Лямбде В произошли существенные изменения? Известны ли аналогичные звезды, находящиеся в предвзрывном периоде? Обязательно ли они взрываются? Докладчик сослался на четыре удачных предсказания, бывали ли неудачные? Не получится ли, что мы взбудоражим планету, посеем панику, нарушим нормальную жизнь, а катастрофа не состоится? Проще говоря: дает ли докладчик голову на отсечение, что Лямбда В взорвется 18 июля?

Юстус был честным ученым, добросовестным, не увлекающимся. И он добросовестно ответил, что в точных науках точна только математика, а природа всегда сложнее формул.

— Значит, вы не даете голову на отсечение?

Юстус сказал:

— Голову на отсечение я могу дать, но это ничего не подтвердит. Природа бесконечно сложна, поэтому никто ничего не может предсказать со стопроцентной точностью. Лично я оцениваю вероятность взрыва в 0,95. Пять процентов здесь — мера незнания. Некоторые коллеги считают вероятность взрыва меньше — 0,9, или 0,7, или даже 0,05 — один шанс из двадцати. Но я напоминаю вам, что у каждого из присутствующих один шанс из миллиона не добраться сегодня до дому, попав в дорожную аварию. Однако из-за этого ничтожного шанса создана «Скорая помощь», выстроены специальные больницы и в них круглосуточно дежурят высококвалифицированные хирурги. Только из-за одного шанса на миллион. А на Тое один шанс из двадцати, по мнению крайних оптимистов, а по-моему, девятнадцать из двадцати. И там слишком много поставлено на карту — судьба неповторимой цивилизации, целой планеты.

Держась за трибуну руками, Юстус откинулся, тяжело переводя дыхание, даже глаза полузакрыв.

— Сядьте, пожалуйста, Юстус, — сказал Ван Тромп. — Вам нехорошо?

Астроном отрицательно помотал головой:

— Возможно, еще вопросы будут.

— Конечно, надо принимать меры, — первым отозвался поэт Русанов. — Живые существа, гуманоиды. Наш долг — всемерно помогать.

За помощь проголосовали все семеро.

— В таком случае, — сказал Ван Тромп, — мы попросим уважаемого профессора Юстуса подробнее ознакомить нас с населением планеты, нуждающейся в помощи. По возможности называйте цифры, Юстус. Только вы сойдите с трибуны, присядьте к столу.

— Астрономические цифры безупречны, демографические приблизительны, — продолжал Юстус, усаживаясь рядом с председателем. — Впрочем, для предварительного решения разница будет несущественна. Планета Той несколько больше Земли. Обычно на планетах такого размера почти вся поверхность занята водой. В результате суши на Тое меньше, чем у нас — площадь материка около 80 миллионов квадратных километров — примерно Азия вместе с Африкой. Материк не расколот, единый, в центральных районах довольно сухо. Сухие области пересекают пять крупных рек: на их берегах, как и на Земле, возникли первые земледельческие цивилизации, представители их сидят перед вами. От нас они отстали тысячи на четыре лет, находятся где-то на уровне Вавилона или Древнего Египта, даже до IV династии, до строительства пирамид. У них есть примитивное орошаемое земледелие, медь, бронза, гончарное мастерство. Они строят каменные здания, украшают их, создали своеобразное искусство — влажную мозаику, изобрели письмо — иероглифическое, немножко знают астрономию — ради календаря, немнож-

ко геометрию — для землемерных работ, для храмов и каналов. Три действия арифметики знают хорошо, делить как следует не научились. На пяти реках пять цивилизаций, друг с другом они почти не связаны, как у нас — Древний Египет с Китаем, а Китай с Перу. Но оросительные системы требовали единого управления, поэтому государств немного: на пяти реках — двенадцать. Во главе их стоят фараоны, султаны, богдыханы, называйте их как хотите — разноименные деспоты, которые все норовят стать богами. С ними и придется договариваться о мерах борьбы с катастрофой. Допустим, мы предложим эвакуацию, властители дадут приказ собраться, и население соберется. Не без труда. Реки длинные, от верховий до устья плывут на барках несколько недель. Впрочем, всадники доставят приказ за неделю. Так что оповестить эти двенадцать государств можно... если мы убедим властителей. Если не убедим, дело худо, на борьбу с упрямыми деспотами нет времени.

Так или иначе, десять миллионов земледельцев можно организовать. Но есть еще пастушеские племена в степях и охотничьи — во влажных приморских джунглях. Сколько народу там? Вероятно, наберется миллионов десять в десятках тысяч разрозненных племен. Все эти племена говорят на разных языках, друг другу не доверяют, враждуют, воюют то и дело. Как сплотить их, как оповестить хотя бы, как договориться о совместных мероприятиях, не знаю, не представляю себе. Может быть, нам подскажут что-нибудь присутствующие здесь вождь охотников и вождь пастухов.

Снова, тяжело дыша, Юстус откинулся на спинку стула.

— Какие мероприятия вы имеете в виду? Эвакуацию? — тут же спросил Ван Тромп.

— Не исключаю.

— Эвакуировать двадцать миллионов? — быстро

подхватил экономист Мамадугу. — Но у нас на Тое одна-единственная установка МЗТ, она переправляет двух человек в час. Допустим, до 18 июля мы смонтируем еще сотню установок. Но для двадцати миллионов нужно двадцать тысяч МЗТ.

— Лично у меня нет оригинальных идей, — устало возразил Юстус. — Если идей нет и у вас тоже, сделаем все, что можем. Эвакуируем сотню тысяч, десять тысяч, тысячу тоитов. Хотя бы расу сохраним, хотя бы культуру планеты.

— Запрашиваю Скептика? — спросил Ван Тромп, обводя глазами круглый стол.

Скептиком в ученых кругах называли вычислительную прогностическую машину с экраном. Получив задание, она высчитывала последствия и изображала их на экране, «паттернизировала». Но так как логика у машины была машинная, железнолинейная, каждую линию она доводила до абсурда. Что ни предложишь, получается тупик. Каждому энтузиасту скептический душ.

— Запрашиваю Скептика, — повторил Ван Тромп, приближая микрофон к губам. — Предлагается эвакуация населения планеты Той. Но вызов всех жителей поголовно невозможен. Вывозим на Землю сто тысяч избранных представителей.

После полуминутной паузы засветился экран машины. На нем проступили пейзажи, заснятые Свенем: заросли, перевитые лианами, шлейфы пыли от степных стад, топкие улочки тоитских городов, узоры из мокрого камня во дворце властителя Низа.

— Вывозим на Землю сто тысяч... — повторил Ван Тромп. — Одного из каждых двухсот тоитов.

Мгновение, и бурлящие толпы заполнили улицу. Замелькали лица, искаженные болью и ужасом, вытаращенные глаза, разинутые кричащие рты. Мужчины дрались на мосту перед дворцом, спинами проламывали перила, воины копьями сталкивали напирающих в ров.

Вопили матери, протягивая детей. Старуха, та, что толкла муку в ступе, проталкивала вперед младшую дочь и хватала за колени солдата, умоляя его пропустить желтокожую красавицу. Между тем по дворцовым покоем, озираясь, пробирался властитель в съехавшей на ухо короне. За ним шествовали жены и слуги с мешками добра. Художник бросился ему в ноги, жестикулировал, показывая на камни, видимо, убеждал спасти мозаику. Властитель оттолкнул его ногой. Но тут из ниши выступил полководец, тот самый, который сидел сейчас в детском креслице, взмахнул саблей... и, ловко перехватив корону с отрубленной головы, нахлобучил ее на себя.

Декорация изменилась. По горной дороге, вверх и вверх бежали к вокзалу МЗТ тоиты — горожане, крестьяне, солдаты с оружием и безоружные. Все тяжело дышали, разинутым ртом ловили разреженный горный воздух. Многие падали обессиленные, их тут же сбрасывали в пропасть. Несколько младших жрецов, Клаккл среди них, тащили на носилках верховного жреца. Откуда-то сбоку на экран ворвались всадники на четырехрогих, впереди — вождь скотоводов. Носилки скинули в пропасть, кувыряясь, пролетел Клаккл, низанный на копье. Но вот и ракета — вокзал МЗТ. В дверях ее Свен, на руках он держит какую-то тоитку, а на спине его сидит толстяк скотовод, через голову хочет втиснуться в ракету. Телохранители обрубают ему руки, кидаются в узкий проем. Свалка. Чья-то нога наступает на шлем Свена. Окровавленное лицо в снегу. Разгорается зарево, весь горизонт как бы наливается кровью. Толпа еще бурлит вокруг ракеты; стальная свеча качается раз-другой и падает, изрыгая пламя. Взрыв. Экран озаряется ослепительным светом и гаснет.

— Да-с! Неприглядная картинка, — вздохнул кто-то за столом.

— Эгоизм, классовый и личный, — резюмировал Ван Тромп. — Боюсь, культуру они не сохраняют.

— А я даже не очень осуждаю их, — заметил поэт. — Я сам проталкивал бы свою дочку и внуку всеми правдами и неправдами. Нет, Ван Тромп, извините, но спасать надо всех до единого.

— Возможности техники ограничены, — возразил Мамадугу. — Мы представляем себе, на что способна промышленность Земли. Сейчас выпускается десять установок МЗТ в год. Я говорил о ста за два мсяца. Давайте стоять на твердой почве обеими ногами. Из сегодняшнего дня не выпрыгнешь. Прав я, профессор Юстус?

— Я надеялся, что Темпоград выпрыгнет, — негромко сказал Юстус.

— Ну так давайте передадим им материалы. Пусть найдут способ, как переправить на Землю все двадцать миллионов.

— Одну минуточку, — поэт привстал, как бы подавляя возражения не только словами, но и всей своей могучей фигурой. — Минутку. Я прошу еще раз включить Скептика. Меня интересует, как скажется на земных людях эта всеобщая эвакуация.

— Резонно, — согласился Ван Тромп, вновь поднося микрофон к губам. — Внимание, Скептик. На Землю прибыли двадцать миллионов тоитов. Половина из них земледельцы, другая половина — скотоводы и охотники. Создаем им привычную среду. На своей родине они привыкли или к пустынным просторам, поселим их на просторе, пожертвуем материк, наиболее подходящий по природным условиям... Африку. — Ван Тромп, прищурившись, покосился на Мамадугу.

— Зачем же весь материк? — вскочил тот с возмущением. — В Африке у нас миллиард жителей. Куда вы их денете? Выселить — целая проблема. Еще одна эвакуация, посерьезнее тоитской. Притом же Африка — колыбель человечества, и древнего человека, и древнейших культур. Вы же не можете увезти пирамиды, храмы

Луксора, сокровища Бенина и Зимбабве. Добавьте все, что возведено в нашем веке: Город-Гриб, Заир-Венецию, обсерваторию в Мали, амфитеатр Аддис-Абебы...

— Долг гостеприимства, Мамадугу. Гостям отдают лучшее, — сыронизировал Ван Тромп. — А что вы предлагаете? Чью страну?

— Я предлагаю распределить пришельцев равномерно.

— Система постоя? В каждой деревне один гость, в каждом переулке один гость. Но так вы не сохраните их культуру, Мамадугу. Детей можно так расселять, чтобы приучить к новой планете.

— Вы, как Скептик, доводите идею до абсурда, Ван Тромп. Я предлагаю, чтобы каждая страна отдала часть своей территории, допустим, два процента.

— Значит, система резерваций. Американских индейцев в резервациях задушили, дали им земли непригодные для охоты, превратили следопытов в музейные экспонаты. Но то было в прошлом веке. Мы гостеприимны и доброжелательны. Пусть будет по-вашему. Внимание, Скептик! Тоиты получают территорию. В каждой стране...

Некоторое время машина монотонно урчала, как бы переваривая новые материалы. На экране мелькали неясные силуэты зданий, деревьев, холмы, мосты. Но вот мозаика образов сложилась в картину.

* * *

В светлой и прозрачной, без подлеска, березовой рощице, пригрюнившись, сидит у пня охотник тоит. Ковыряет концом копыа кору, нанизывает на ногу красного лесного клопа, нюхает, отплевывается. С сомнением кладет копые на коленку, видимо, хочет переломить за ненадобностью. Внезапно привстает, насторожившись. Крадучись, делает два шага, плавно заносит копые, при-

нимая изящную, почти балетную позу... и с силой швыряет копьё за обрез экрана. Жалобный визг и торжествующий вопль тоита. Попал! В руках удачливого охотника добыча: истекающий кровью фокстерьер. Видимо, заблудившийся или брошенный при внезапном отъезде пес.

* * *

На берегу прозрачного ручейка художник. Собирает камешки, раскладывает, поливает водой из ковшика... алюминиевого, явно земного происхождения. Отгребая песок, вытаскивает обложку журнала. Расправляет, смывает грязь мокрой ладонью, откинувшись, любитесь типографскими красками. И, смешав каменный орнамент, закрывает лицо руками. Что стоит его мастерство по сравнению с полиграфией? Учиться? Поздно. И пальцы не те. С сомнением глядит на свои перепончатые лапы.

* * *

Обыкновенная сельская школа. За кафедрой классная доска и телеэкран. Перед доской учительница — земная девушка, с косами венцом вокруг головы, очень серьезная, суровая. На каждой парте тетрадь в линейку положена наискось, как полагается, а над тетрадками чешуйчатые лысины с костистым гребнем — тоиты — дети и взрослые женщины, судя по одежде. Выводят буквы. Вот одна девушка, утомившись от усердия, подняла голову. Крик! И разом, даже команды не потребовалось, все ученицы, как лягушки, попрыгали в окна. Бегут в кусты, в овраг, в заброшенные дома. А по улицам уже скачут тоиты-скотогоны на своих четырехрогих. Свесившись, на скаку хватают самых нерасторопных красавиц, перекинув через колено, заворачивают назад. Русокося учительница — она на голову выше степня-

ков, — расправив плечи, загораживает вход в класс что-то говорит, пытается убедить. Удар плеткой по лицу. Багровый шрам на гордом лбу...

* * *

Клаккл на экране. Стоит на коленях перед верховным жрецом, а тот с остервенением комкает и рвет земную книгу. Рвет, потом отряхивает лапы и сует их в кашу с водой, дескать, отмыться не могу от этой кощунственной грязи. Гневно указывает на окно. И Клаккла выталкивают. Лента жрецов с факелами. Бегут по городу, поджигая заборы, киоски, павильоны, все деревянное и пластиковое. Летят в костры парты, глобусы, учебные плакаты, книги, книги, книги...

— Неутешительная картина, Мамадугу, не правда ли?

— Такие последствия вы представляли себе, Юстус?

— Представлял. Но я надеялся, что Земля предложит что-то принципиально новое.

— Для разработки этого нового требуется время.

— Вот потому я и заговорил о Т-граде. Они хозяева времени.

Других решений быть не могло. Сразу, без обсуждения, Ван Тромп сказал, обводя глазами круглый стол:

— Лично я согласен. Есть предложение передать материалы в Т-град. Кто против?

«Круглый стол» не возражал. За Темпоград высказались семь из семи.

— Так и решим, — подытожил Ван Тромп. — А дня через три соберемся послушать, что они посоветуют.

— Но подчеркните, что эвакуация на Землю нежелательна, — напомнил поэт.

23 мая. 14.40—18.16

Во всей этой дискуссии тоиты уловили одно: их хозяева не всемогущи и даже не всеведущи. Они спорят, ни в чем не уверены, не уверены даже, что злое солнце действительно уничтожит Той. Так зачем же было сеять панику? И зачем на глазах у гостей эти странные тонконогие демонстрируют свою слабость? Выдали себя, нечаянно проговорились? Или же ведут сложную игру, пугают и путают гостей, а когда запутают окончательно, постараются перехитрить. Но если хитрят, значит, не всемогущи, значит, силой взять не могут, ищут обходные пути. Ну а хитрости у тоитов и своей хватает.

— Глупцы, — сказал полководец верховному жрецу. — Глупцы и болтуны. Я отрезал бы им языки.

— Нет, они тонкие притворщики, — возразил Толкователь богов. Про себя подумал: «Нарочно затягивают переговоры, а для решения оставят минуты. Скажут: «Некогда, подпирает, скорее соглашайтесь!» Раз-раз, и обведут вокруг пальца. Но в «Книге божественной мудрости» сказано: «Врага выслушивай, делай наперекор». Если тонконогие тянут, надо торопить».

И жрец произнес туманную, велеречивую, полную иносказаний медлительную речь о том, что боги велят ценить время. Для слова — миг, для дела — день. Сказано достаточно, тоиты ждут дела. Если же дел нет, пускай шкуроголовые отвезут тоитов домой. Они посланцы, они

обязаны доложить Властелину Низа о ходе переговоров. В другой город, какой-то город Т, они не согласны ехать. Разве тамошние жрецы умнее? Разве властители того города сильнее? Если те властители самые сильные, зачем же переговоры велись здесь? Нет, все это бесполезные словопрения; тоиты в них не участвуют, тоиты требуют немедленного возвращения.

Ван Тромп обратился к Юстусу:

— Вы не объяснили им, что такое Т-град?

Старый астроном развел руками:

— Это же выходцы из бронзового века. Вы думаете, они способны понять теорию относительности?

Ван Тромп сказал:

— Переводчики, объясните гостям, что Т-град — особенный город. Там особенные люди, они работают по-особенному, за одну ночь могут построить целый дворец. Если гости хотят, мы покажем им этот город...

Верховный жрец сурово молчал, не собиравшись соглашаться ни на что. Но неожиданно на помощь Ван Тромпу пришел толстяк скотовод:

— Я хочу посмотреть особенный город. Пусть мне сделают за ночь волшебный дворец.

— Сделают, — обещал Ван Тромп не задумываясь.

В результате жрец оказался в трудном положении. Сам он не хотел снисходить до уступок, но не доверял разведку и скотоводу.

— Пусть он посмотрит, — изрек в конце концов жрец, указывая на Клактла. — Но с условием: я даю вам три дня. Через три дня мы должны быть во дворце владыки Низа.

— За три дня в Т-граде горы своротят, — обещал Ван Тромп.

Толкователь богов был бы очень разгневан, если бы узнал, что все его дипломатические ходы Ван Тромп воспринимает как капризы болезненного ребенка. На больного не обижаются, на ребенка — тем более. Лечат, не

обращая внимания на неразумные выходки. Потакают по возможности, чтобы не раздражать и время зря не терять.

— Вам тоже придется поехать, юноша, — сказал он Льву походя. — Посмотрите на Т-град заодно. Зрелище впечатляющее.

И с тем ушел, не ожидая возражений.

«А Винета? — подумал Лев. — Она ждет меня вечером». Правда, вечер понятие неопределенное. Час не был назначен.

— К восьми вернемся в Москву? — спросил он у старшего переводчика.

— Час туда, час назад, там полчаса. Успеешь, конечно, — ответил тот, не слишком довольный, что вдруг пришлось стать помощником своего технического помощника. — Глайсеры подадут минут через двадцать. Сходи пообедай. И подумай, как объяснить тоитам, что такое Т-град.

Лев еще не проголодался, но он послушно отправился в столовую. Конечно, заказал экзотический обед «Невесомость»: бульон в мягкой фляжке, паштеты и пюре в тубиках — выдавливай в рот, хлебцы и котлетки со сливу размером, чтобы не резать, не крошить, положил в рот и жуй. Пирожки — на зубок, соки — на глоток, а фрукты — «космос» невиданных размеров. Ведь на спутниках нет ограничивающей тяжести, там все растет беспредельно — для Гаргантюа: виноградина, как яблоко, яблоко, как ананас, ананас, как тыква.

Ананас с тыкву размером Лев не съел, конечно. Это он слова подбирал для Винеты. Все делалось для Винеты.

Аэрокары были поданы на крышу в 16.30. Снова превратившись в няньку, Лев вкатил своего подопечного на стульчике в лифт, из лифта — на крышу, потом по трапу — в глайсер. Для него и тоитов был приготовлен маленький трехместный, а Ван Тромп вместе с Ютусом и

решающими сели в большой глайсер. Им нужно было в пути сформулировать послание в Темпоград. Только поэт Русанов отказался от полета; вечером он должен был выступать на концерте. Да и Темпоград не интересовал его. Поэт не любил восхищаться техникой.

Итак, Лев усадил тоитов возле иллюминатора, сам сел напротив и приготовился к лекции.

Конечно, он знал, что такое Темпоград. Этот город был сенсацией 2099 года, не столь неожиданной, как открытие разумных обитателей на планете Той, но не менее замечательной. Уже несколько лет популярные журналы и передачи «Для вас, любознательные» объясняли молодежи преимущества Темпограда. Проекты его публиковались, сообщения о ходе строительства появлялись регулярно. Открытие состоялось совсем недавно — 13 мая. Любому своему товарищу, той же Винете, Лев мог бы без подготовки прочесть лекцию о городе высокого темпа. Но как растолковать достижения XXI века тоитам, знающим только три действия арифметики?

— Т-град — особенный город, — начал он, повторяя слова Ван Тромпа. — Его задача — снимать пики загруженности при нехватке времени. Так непонятно? Ну, поговорка есть у нас: хуже нет — ждать и догонять. У одних время некуда девать — скучают, томятся, на часы смотрят ежеминутно; другим некогда дух перевести, дел невоворот, хватаются за одно, другое, третье, ничего не успевают. Им хорошо в Темпограде, там времени предостаточно.

Но главное не в том. На Земле принцип: каждому — по потребности. Все, что нужно, получаешь. И вот появилась новая нужда: что-то изобрели, придумали, новое лекарство нашли, срочно необходимое для здоровья. Но, как говорится: долог путь от пробы до прилавка. Изобрели — проверяют — считают — проектируют — строят заводы — мастеров обучают — доставляют... А человек ждет. Больной ждет лекарство. Темпоград со-

здан, чтобы укоротить эту цепочку. Появились заказы — и сразу проект. Например...

Лев задумался, подыскивая примеры. Да в любой отрасли они есть. Родилось новое, и жди, жди!.. Вот спортивные скафандры изобрели недавно — всем молодым хочется покувыркаться в невесомости. Но ждут. Или монокристаллические нити для мостов. Паутинка над пропастями, красота! Сто тысяч мостов надо перестроить, миллион новых перекинуть. Очередь на проекты!

Но будет ли все это понятно тоитам? У них и железа нет никакого, ни мелкокристаллического, ни монокристаллического; из бронзового периода еще не вышли. Какие тут разговоры о монокристаллах?

— Например, приехали вы на Землю, поговорить надо. Но вы нашего языка не знаете, мы — вашего. Учю, учю, учю, сотню слов запомнил за все время. А в Темпограде...

И осекся. Увидел, что тоитам не до лекции. Вцепившись когтями в кресло, с ужасом глядели они на проваливающиеся дома, башни, деревья, дороги. Обыкновенный полет был для них волшебством.

— Какие духи несут нас? — спросил Клактл, опомнившись.

Лев мысленно собрал в голове школьные познания: ядерный подогрев воздуха, горячие газы вырываются из сопел, реактивная сила разгоняет глайсер, на наклонных плоскостях параллелограмм сил, горизонтальная составляющая тянет вперед, вертикальная — поднимает... Как изложить все это тоитам?

— Крошечные невидимые духи горячего воздуха, — сказал он.

Прозвучало мистически. Но ведь тоиты и об атомах не знали.

— А это что? — спросил скотовод, указывая за окошко.

К счастью, Лев хорошо знал все междуречье Волги и

Оки, которое в ХХІ веке коротко называлось Москвой.

— Гора, — сказал он. — Пустая, надутая изнутри. Построена для лыжников. Самая большая в мире искусственная вершина.

— А это?

— Радиообсерватория.

Что такое обсерватория? Башня, откуда смотрят на звезды. Но как объяснить, что такое радио?

— Море. Тоже сделанное. Каналы, которые наливают его.

— Институт генной инженерии. (Допустим, инженеры — это строители. А гены?)

— Комбинат выращивания мяса.

Мясо тоитам известно. Комбинат, скажем, мастерская. Но как выращивают мясо? В кубах с генной закусочной. Опять гены. Пропустим для простоты.

Так на каждом километре.

Где-то возле Коломны вуалева поволока окутала крылья, земля утонула в тумане, а потом под брюхом глайсера возник ослепительно белый пышный мир, весь состоящий из туго надутых наволочек.

— Что это? — спросил Клактл с трепетом.

— Облака.

— А это?

— Небо.

— Почему ночь?

На самом деле небо было ярко-синее, Лев назвал бы его южным. Но на Тое с его густой атмосферой дневной небосвод белесый, синева проступает только в сумерки.

Все было непривычным, все было непонятным для тоитов на Земле. Им бы годик-другой привыкать к новой планете, но не было времени для акклиматизации. Пришлось ошарашить: МЗТ — Земля — Москва — Академия — теперь еще Темпоград. Где тут понять, где воспринимать слова? И не нужны объяснения. Увидят своими глазами.

Жрец-астроном, полураскрыв рот, переводил глаза с синего неба на белые наволочки, с наволочек — на синеву. Практичный кочевник ориентировался быстрее. Облака его волновали мало, он предпочитал существенное, рядом лежащее.

— Хорошая кожа, — сказал он, поглаживая замшевые подлокотники.

— Я скажу, чтобы вам дали такой кожи, — обещал Лев.

— На целый шатер?

— На шатер.

— Хорошее кресло, — продолжал вождь пастухов. Даже зажмурился и почмокал губами, представляя, какое впечатление он произведет на вождей других племен, принимая их в этом кресле в замшевом шатре.

— Вам подарят такое кресло.

— Хорошая крылатая кибитка. — Раскинутыми руками тоит изобразил треугольные плоскости глайсера.

— Я скажу... я спрошу, — поправился Лев. Он подумал, что глайсер, пожалуй, тоиту не подарят. Это уже оружие. Как бы не приспособили его для набегов за жеманами и рабами.

Толстяк между тем уже заглядывал в окошко, высматривая, что бы еще попросить. Но прежде чем он успел похвалить тучи, горы или озера, глайсер снова вошел в молочную мглу, а вынырнув, оказался над широкой ярко-желтой буквой Т.

— Ну вот и наш Т-град, — указал Лев.

Внизу виднелось мелкое озеро с просвечивающим дном, россыпь коттеджей на берегу и эта самая буква Т, крыша единственного здания Темпограда. Почему Т? Возможно, это была прихоть архитекторов. С тех пор как пассажирский транспорт почти целиком ушел в воздух, градостроители все больше внимания обращали на цвет крыш, их форму, узоры, возникающие в плане.

Неудивительно, что буква Т была выбрана и для Т-града.

— Идем на посадку, — объявил автомат. — Просьба к пассажирам пристегнуться ремнями к креслам.

Другие глайсеры уже планировали на желтое Т, покачивая крыльями. Казалось, осенние листья падают поодиночке.

Вес таял, как в скоростном лифте. На секунду Лев почувствовал головокружение, но не успел даже осмыслить его. Кровь тут же прилила к голове, пол прилип к ногам.

Началась обычная суета прибытия: «Отстегните ремни, пройдите по трапу на крышу, в кабину лифта. Переводчики, помогите нашим гостям...»

Лифт, вестибюль, конвейер... Журчащая лента повлекла людей и тоитов по длиннющему коридору со стенами, выложенными гляцевитой черной и голубой плиткой в шашечку. Когда конвейер разогнался, черные плитки слились в узоры, картинки, буквы; буквы сложились в слова: «Не волнуйтесь, в Темпограде успеют», и: «Милости просим на орбиту быстрого времени». И старая поговорка была тут: «Хуже нет — ждать и догонять». И исправленная поговорка: «Обещанного три дня ждут». И снова: «Доброго времени вам, плодотворного времени!»

Но вот лента ушла в подполье; люди и тоиты оказались в обширном зале, застеленном бесшумным пластиком, и с глухой стеной, задернутой матовой пленкой. Приземистый дежурный с головой, ушедшей в плечи (Лев подумал, что он похож на тоита), нажал клавишу, пленка просветилась, и за ней открылся город... скорее — макет города, озаренный странным пронзительно фиолетовым светом.

Город (или макет) занимал обширный зал — метров двадцать в поперечнике. Все было странновато в макете: причудливая форма зданий — нагромождение кубов,

шаров, пирамид, цилиндров, грибов, воронок. Странны были пропорции: при двадцатиметровой ширине город возвышался на добрых десять метров — многослойные кварталы, многоярусные улицы. С яруса на ярус по всем направлениям вились наклонные дороги, как будто все сооружение увязали канатами для перевозки. На верхних ярусах торчали консоли с садами, а на самом верхнем был парк. Центральная аллея его вела к самому крупному зданию (или монументу) — в форме старинных настольных часов со стрелками на розоватом циферблате. Часы показывали 17 часов 47 минут. Лев сверил со своими наручными. Время совпадало.

Макет удивлял обилием и тонкой проработкой деталей. Десятки садов, и в каждом беседки, киоски, фонари, аллеи со скамейками, тысячи деревьев на тонкой, спичечной ножке. Мосты и мостики с перилами, дороги с развязками и светофорами, стоянки для автомашин и игрушечные машинки на стоянках. Каждое здание оформлено по-своему, за окнами вспыхивают и гаснут сиреневые искорки. Игра их создавала впечатление жизни, хотя никакой жизни не было заметно. Автомобильчики на пандусах стояли неподвижно, лодки не плавали по пруду, никто не прогуливался по аллеям. И все же хотелось смотреть и смотреть на макет, выискивая все новые детали, любоваться плавными линиями дорог, удивляясь мастерству и трудолюбию создателей этого города размером со одну комнату.

— Какая красивая игрушка! — поспешно похвалил скотовод и заранее почмокал губами, представляя себе, как он поставит этот городок в особом шатре, прикажет понаделать костяных солдатиков и будет играть в штурм вместе со своими воинами.

— Да это же не игрушка. Это и есть Темпоград.

Между тем прибыли пассажиры и большого глайсера. К прозрачной стенке-витрине подошли Юстус, Ван

Тромп, величественный Мамадугу и еще двое из числа решающих.

Дежурный, похожий на тоита, поспешно подскочил к Ван Тромпу.

— Все подготовлено. Пожалуйста, к микрофону. Т-град готов к приему в любую секунду.

Ван Тромп, уже зараженный всеобщей торопливостью, ускорив шаг, подошел к микрофону, на ходу вынимая из кармана заготовленный текст.

— Внимание, Темпоград. Академия Времени запрашивает ваши рекомендации по проблеме планеты Той, спутника двойного солнца Лямбда. Один из компонентов этой пары — нестационарная звезда, из класса новых. Вспышка ее ожидается 18 июля по приведенному времени. На планете имеется разумная жизнь, находящаяся, если сравнивать с земной историей, примерно на уровне третьего тысячелетия до нашей эры... Всего около двадцати миллионов жителей; половина их, охотники и скотоводы, еще не вышли из первобытнообщинного строя, половина — земледельцы, вступившие в раннее рабовладение...

Короче, Ван Тромп излагал все сказанное утром на заседании, и нам нет необходимости повторять предыдущую главу.

Запрос был составлен лаконично. Ван Тромп читал неторопливо, размеренно, но уложился в пять минут.

Затем последовало смешное пискливое чириканье: запись передавалась в ускоренном темпе. После паузы последовало еще одно чириканье, секунды на три, совсем коротенькое. «Ответ получен!» — воскликнул дежурный и, подскочив, перевел рычажок магнитофона.

— 17 часов 58 минут 19 секунд, — объявил рупор. — Темпоград принял заказ — дать рекомендации по проблеме планеты Той. Мы понимаем срочность и сложность задания, получив материалы, приступим к обсуждению немедленно. Но для ускорения дела предла-

гаем прислать к нам специалиста-астронома, если возможно, профессора Юстуса и кого-либо из тоитов. Иначе неизбежны бессмысленные потери времени на уточнения и запросы, которые могут возникнуть в процессе работы.

Ван Тромп, разводя руками, обратился к Юстусу:

— Я предвидел, что дело пойдет к тому. Но с вашим здоровьем...

— Если надо, значит, надо, — сказал Юстус. — Рискну.

— Рисковать не стоит категорически, — возразил Ван Тромп благоразумно. — Нам дорога ваша жизнь. Юстус отмахнулся:

— Знаю, знаю. С детства помню, что нет ничего дороже жизни человеческой. Есть на самом деле. Две жизни дороже одной. А тут речь идет о двадцати миллионах. Вы на меня не тратьте время. Постарайтесь лучше уговорить тоитов.

Минут пять прошло, прежде чем тоиты поняли, что от них требуется. Сначала оба отказались наотрез. Потом скотовод заколебался, представляя, сколько подарков он выпросит в волшебном городе. Тогда заколебался и Клактл. Понимал, что верховный жрец не простит, если он, Клактл, вернется с полпути, а самое главное увидит толстый кочевник.

— Это опасно? — спросил он у Юстуса.

— Не опаснее, чем перелет на Землю.

Клактл озирался в растерянности. Можно ли довериться тонконогим? Завлекут в западню и погубят. И тут ему на глаза попался Лев. Едва ли этот молокосос участник заговора.

— Пускай он тоже. — Клактл ткнул пальцем в Льва.

Все обернулись к юному переводчику. Лев почувствовал, что краснеет, не от страха, от смущения. Конечно, ему очень хотелось попасть в Темпоград, познакомиться с чудом XXI века. Столько рассказов накопится для Винеты. Но он не знал, можно ли соглашаться, или следует

отказываться, не потакая капризу тоита. Не знал, что надо ответить, и все больше краснел, опасаясь, что ученые неверно истолкуют его замешательство.

Они действительно истолковали неверно.

— Да вы не бойтесь, юноша, — сказал Ван Тромп.— Межвременной транспорт в вашем возрасте совершенно безвреден. Ну попотеете немножко, зато посмотрите Темпоград, а к вечеру будете дома. Темпоград стоит посмотреть, уверяю вас.

— И привезете добрую десятку в петлице, — вменялся дежурный. — Темпоградские часы засчитываются как космические — в десятикратном размере.

— Нужно, юноша, — повторил Ван Тромп с нажимом. — Сами понимаете, сколько времени у нас уйдет на обучение другого переводчика. Да и примут ли его эти фокусники? Решайтесь, это такой случай, когда нельзя отказываться. Вообще, неприлично осторожничать в вашем возрасте.

— Да я не боюсь! — выкрикнул Лев. — Я только...

— Что? Свидание с девушкой? Отложите. Объясните, что у вас государственное задание.

Лев покраснел еще больше.

— Что вы? Совсем нет. Какая там девушка?

Но думал он, конечно, о Винете, совсем не о матери. Мама Мальвина в Южном полушарии, она боится жары, до сентября не вернется. Да и не стал бы Лев сообщать ей о визите в Темпоград. Зачем? Мама разволнуется, закидает Академию Времени запросами, протестами. Маме лучше рассказать задним числом. А Винету надо бы предупредить.

Лев отошел в сторонку, набрал цифры на ручном видеофоне. Однако номер Винеты не отвечал. Как быть?

Ван Тромп между тем стоял над душой:

— Не тяните, юноша! В Темпограде дорожат минутами. Неужели вам надо отпрашиваться на три часа? Вы же вернетесь часам к девяти.

«К девяти? Девять — это еще вечер. Винета сказала: «Буду ждать вечером».

Но тут случилась задержка не по вине Льва.

Юстус, уже направлявшийся к сводчатой двери под надписью «На орбиту быстрого времени», неожиданно остановился и, шаря рукой как слепой, грузно сел на скамейку. «Сейчас, — пробормотал он. — Подождите, дух переведу...» Лицо его приняло зеленоватый оттенок, глаза остекленели...

Ван Тромп кинулся к нему, проявляя неожиданную расторопность:

— Юстус, ложитесь на скамейку. Вот куртка под голову. Дежурный, врача и носилки, немедленно!

— Я отойду... дух переведу... таблетки вот... — Юстус водил возле кармана непослушными пальцами.

— Не шевелитесь, я вам достану. Дежурный, стакан воды! А вы еще здесь, юноша? Марш-марш, на старт! Товарищи, катите тоита, пока он не передумал.

Юстус силился приподняться:

— Черновики... Гранатову...

Ван Тромп выхватил у него портфель.

— Юноша, держите. Передадите лично президенту Т-града. Инструкцию дошлем. Счастливого времени!

Все торопили, торопили, некогда было сомневаться, прощаться, некогда расспросить даже. В углу, левее панорамы, приоткрылась дверца, зажглась красная надпись «Занято». Туда же катили Кляксла, беспокойно ерзавшего в своем креслице. Пригнувшись, Лев переступил порог...

Порог, отделявший Большой мир от Темпограда и детство Льва Январцева от его взрослой жизни.

23 мая. 18.16—19.22

Транспортная кабина: некий вариант каюги, кабины самолета, космического корабля. Тоже экономия квадратных сантиметров — вплотную стоят кровати-кресла, шкафчики, они же столики, аппараты с циферблатами и кнопками, опутанные цветными проводами. Библиотека, фонотека, кинотека, малюсенький закуток для душа. Единственное отличие — и не в пользу темпотранспорта: изнуряющая духота. Нестерпимо жарко, невыносимо душно. Путники пьют, обливаются липким потом, еще пьют, смотрят друг на друга осоловевшими глазами, оттирают лоб, глотают таблетки от головной боли и от боли в сердце. Страдают, вздыхают, смотрят на часы, ничего не объясняющие, окончательно сбивающие с толку.

Хуже всех было тоиту. Он страдал не понимая. Бесмысленные мучения казались еще тяжелее. Вообще, он думал, что его мучают нарочно, чтобы сломать, сделать податливее.

— Где мы? — допытывался он.

— Мы едем в Темпоград — в тот маленький город, который ты видел за стеклом.

— Где мы? — повторял тоит. И руками-ластами показывал: перегородка тонкая, вот такусенькая, а мы едем и едем.

Лев вставлял палец между ласт тоита: именно здесь мы, в этом узеньком промежутке.

- Почему так долго едем? — недоумевал тоит.
- Не умеем быстро, Клаккл. Не научились.
- Почему жарко?
- Чем жарче, тем быстрее попадем в Т-град.
- Зачем Т-град?

Вот теперь можно было объяснять не торопясь, повторять по многу раз, входить во все подробности.

— В Т-граде сколько угодно времени, — начинал Лев. — До катастрофы считанные недели. Мы спешили, даже обсуждения комкали, экономя минуты. А в Темпограде времени на все хватает. Там внимательно обдумают, прикинут, просчитают, успеют изобрести, испытать, проверить, построить... Все успеют.

— Почему успеют?

— Там время идет иначе, секунды растянутые. У нас сутки, у них год; у нас два часа, у них месяц. Мы задаем вопрос, через два часа получаем целый доклад.

— Почему время идет иначе? Это подземный мир?

(По верованиям тоитов души мертвых отправлялись в преисподнюю, где времени не было вообще. Пожалуй, правильный образ. Действительно для мертвого времени не существует.)

— Нет, Клаккл, это не мир, всего лишь город. Так был задуман, специально был выстроен, чтобы успевать своевременно.

Тоитский жрец молчал. Не знал, как возразить, просто не верил.

— Зачем жарко? — заводил он снова.

Лев старался отвечать обстоятельно:

— Жара — побочное явление. Чтобы попасть в Т-град, необходимо потерять массу, а потеря массы связана с выходом энергии. Этот закон вы еще откроете на Тое через тысячи лет. А энергия — это тепло, тепло, жара! Массу теряешь ты, худеешь и согреваешься. Не понял?

— Зачем худею?

— Это необходимо, Клаккл. Есть такой закон Аникее-

ва — Жерома, мы сами на Земле его открыли недавно. Он гласит: «Для тела неизменной формы... (впрочем, строго говоря, форма никогда не бывает неизменной). ...Итак, для данной формы линейные размеры обратно пропорциональны темпу времени». Ты же видел город за стеклом. Он в 360 раз меньше нормального города, весь уместается в одном зале. Чтобы войти в него, надо уменьшиться в 360 раз по росту, в 46 миллионов раз по массе. Вот мы и уменьшаемся.

— Уменьшаемся? Мы?

Не верил Клактл в уменьшение. Знал, что все на свете меняется, дети растут, становятся взрослыми. Никогда не бывало наоборот. Взрослый стал мальчиком с пальчик, выглядывает из уха четырехрога? Сказка! Зачем беловолосый рассказывает сказки? Путаает? Цену себе набивает?

Как тоит, как жрец, как дитя своей эпохи, Клактл, конечно, верил в чудеса. Но кто творит чудеса? Как известно, боги, не люди же. Для тоитов с первого же знакомства с землянами стоял вопрос: кто они — смертные или боги? Тоиты мыслили так: будущее известно тонконогим — они знают, что Той погибнет через два месяца. Только богам открыто будущее. Но тонконогие спорят и спорят, не зная, как спасти мир тоитов от злого солнца. Не знают! Явно не боги. Кто же они: четверть-боги, духи, злые духи, быть может, или обманщики, притворщики? Нельзя им доверять, нельзя их слова принимать на веру.

Лев напрасно старался внушить Клактлу понятие технического прогресса, для человека элементарное. В самом деле, что такое чудо? Нечто небывалое. Бывает ли небывалое? Нет, конечно. Но небывалое сегодня и здесь сбывается в другом мире или завтра. Лев рисовал свои любимые оси, отмечал — тут, на этом рубеже, находится земная наука сегодня, 23 мая 2099 года. Клактл мог бы понять, но не верил.

— Где мы? — твердил он. Нарочно повторял все те же вопросы, надеялся поймать Льва на противоречиях.

— В Темпоград едем, в Т-град, говорят же тебе.

— Где мы едем? — опять складывал ласты.

— Здесь, здесь, именно здесь. Из обычного времени едем в быстрое. Поперек времени едем.

— Где поперек?

Впрочем, описать путешествие поперек времени гораздо легче, чем объяснить. Я сам, автор, трижды переписывал научное пояснение, потом решил посоветоваться с коллегами, собратьями по фантастике.

— Но это же очень просто, — сказал один из них. — Тут нет никаких затруднений. Хотя вещество не развеществляется в вашей замкнутой однопространственности и живые объекты сохраняют уникальные символы своего неповторимого генотипа, тем не менее время развремениется в этом континууме. Струи причинно-следственных связей расщепляются, обтекая однопространственность, как струи потока обтекают утес. Данная однопространственность исключается из физики Ньютона, Лоренца, Эйнштейна и из математики Евклида и Лобачевского, вытеснена во временной псевдовакуум, становится неким нечто в ничем, где-то в нигде превращается в стохастическое квазинечто, потеряв обязательный атрибут движения в четырехмерном континууме, она лишь несет развеществленную значимость, предназначенную к повторному овеществлению в назначенном месте и времени. Примитивнейшая однопространственная разновременность!

Видите, как просто! Сразу все становится на свои места!

Теперь можно продолжать рассказ.

Путники изнывали. Тесное помещение было налито сухим зноем. Казалось, даже воздух пропечен, обжигает при малейшем движении. Обжигали металлические ручки и пластиковые стены, больно было притронуться к искусственной коже, даже своя кожа казалась горячей. Горят

чая кровь стучала в висках, горячий кислород опалял горло. Не освежало питье, не освежал душ; горячие брызги вскипали паром на горячем полу. В пару еще тяжелее было дышать.

Тоит махал вялыми лапами около лица. Жестом показывал: дай дух перевести. Лев и сам мечтал о передышке. Руки сами собой тянулись к регулятору: сбавить темп. Но усилием воли он сжимал пальцы в кулак.

— Потерпи, Клактл. Нас очень ждут в Темпограде. Для твоего же Тоитла потерпи.

Лев соглашался испечься и задохнуться, лишь бы о нем не сказали пренебрежительно: «Зря послали мальчика. Слабоват оказался».

— Терпи, Клактл. Для твоей планеты стараемся.

Льву было легче, чем тоиту. Он понимал цель, да и ум его был все время занят. Прежде всего он совершенствовался в тоитском языке. Стремясь разоблачить «обманщика», поймать его на противоречиях, Клактл все время донимал Льва вопросами. И Лев узнавал все новые слова, вникал в тонкости произношения, упражняясь, сам задавал вопросы. Клактл охотно рассказывал о своей стране с некоторым оттенком элегической грусти. В тесной жаркой однопространственности все казалось ему прекрасным на Тое: бескрайние пески пустынь, мутные воды Реки, циклопические стены, ограждавшие города от набегов кочевников, даже сами кочевники на своих четырехрогих. И корявые глыбы дворцов, и мокрые узоры хаиссауа, шествия жрецов с факелами, жертвы Великой водной змее. Клактлу все казалось умирительным, а Льву — удивительным.

Удивляли Льва, гражданина XXI века, и многие черты жизни тоитов, как бы извлеченные из далекого прошлого.

Сам он родился и вырос на махонькой планете, космической крапинке, которую спутник облетал за пол-

тора часа. За сутки Лев мог добраться до любого поселка в Австралии или в Антарктиде. Он жил на односуточной планете, Клаккл же — на необъятной, многомесячной. Даже по Реке в иную деревню надо было плыть из столицы месяцами.

Лев вырос в прекрасно изученном, хорошо знакомом мире, о каждом факте на каждом участке Земли мог запросить и получить фото с описаниями. Клаккл же проживал в мире неведомом. Даже он, грамотный жрец, почти ничего не знал о чужих странах. Для большинства же тоитов письменность не существовала вообще. О прошлом и отдаленном они узнавали по смутным слухам: «Старики говорят, что...»

Еще удивительнее были социальные черты.

Детская смертность! Половина младенцев умирала, не успев научиться ни ходить, ни говорить. А голодовки! В неурожайные годы целые области вымирали, трупы валялись повсюду. А мимо трупов шествовали парадные процессии жрецов, ехали властители на колесницах. Равнодушие имущих, покорность умирающих. Почему терпят, для чего терпят?

«Вот где проблем непочатый край, — думал Лев. — Целую планету надо накормить, просветить, нормальную жизнь наладить. Хорошо бы попасть на работу в будущий Тойплан, которому поручат проектировать хозяйство планеты. Впрочем, вероятно, начинать надо бы с революции. А это уже внутреннее дело тоитов, тут вмешиваться не полагается. И вообще, рассуждать о хозяйстве рано пока. Сначала надо спасти Той, потом уже перестраивать, благоустраивать... Благо-устраивать, устраивать благо... бла-го...»

Мысли лениво ползли, буксовали в усталом мозгу. Потом он додумает. Сначала выбраться надо из этой душегубки.

— Долго еще? — ныл представитель неблагоустроенной планеты.

— Потерпи, друг, — хрипел Лев. И сам взывал в микрофон: — Долго еще?

Связь с внешним миром не прерывалась, можно было спрашивать что угодно, но ответы приходили не сразу, с увеличивающейся проволочкой. Так и в космосе, в удаляющейся ракете: на орбиту Марса ответ придет минут через десять, к Юпитеру — через час, на уровень Сатурна — через два часа с лишним. У Льва было такое ощущение, будто однопространственность удаляется в неведомые дали, падает, валится в бездонную дыру. На самом же деле кабина стояла на месте, все в той же стенке, перемещалась только поперек времени. И потому нельзя было ответить с определенностью на простейший вопрос: «Долго ли еще терпеть?» По какому времени «долго»? По московскому, по темпоградскому или по неравномерно изменяющемуся, от регулятора зависящему времени кабины?

В промежутках между вопросами и ответами из внешнего мира приходили инструкции, советы и настойчивые просьбы — держаться, не растрачивать часы на передышки (если тоит чувствует себя сносно).

— Не могу больше, — хрипел Клактл.

— Друг, потерпи. Очень нужно вытерпеть.

Раза три и Юстус включался в передачу, видимо, отошел. Слабым голосом он расспрашивал о самочувствии Клакгла — не Льва, а Клактла. Юноша был немножко задет, что не о нем беспокоятся, отвечал с некоторым раздражением:

— Хнычет все. Противный такой, чешуя шелушится. Я бы не стал жизнь отдавать за таких. Нелюди вроде.

— А для меня они как дети, — ответил Юстус (через добрый час). — Да, детишки, неопрятные, невоспитанные, невежественные, драчливые. Вырастут, будут людьми. Для будущих людей стараемся.

Всякий раз, включаясь в передачу, Юстус просил раскрыть портфель и рассортировать тетради с записями,

подчеркнуть такие-то и такие-то формулы, отметить такие-то страницы.

— У меня привычка недописывать слова, — предупреждал он. — Пишу только корни. Я-то помню, что имелось в виду, а в Темпограде придется расшифровывать.

Лев понимал, что Юстус экономит минуты, прибегая к его посредничеству. В однопространственности время текло все-таки медленнее, чем в Темпограде, можно было объяснить больше.

— Я попробую начать расшифровку, — предложил он.

Еще одно занятие. Меньше думаешь о жаре.

— Обратите внимание на тетрадь «Причины взрыва новых», — попросил Юстус. — И на записи о нравах тоитов. Это я не все успел переписать начисто. И сами расспрашивайте Клактла.

Переписка и расшифровка занимали мысли. А тоит одно тянул: «Долго еще?»

Лев отвечал привычно:

— Друг, потерпи! Для твоей же планеты.

23 мая. 19.22—19.26

Внешний мир вошел в кабину внезапно. Послышались звонкие удары о металл, скрежет, стук колес. Вневременную однопространственность встряхнули, сдвинули, покатали. «Осторожнее, вы, черти», — сказал отчетливый бас. Откуда-то пахнуло прохладой, упоительно свежим, вкусным, как ключевая вода, кислородом. И в люк брызнул свет, серо-голубой свет дневных ламп.

— Милости просим в Темпоград, — сказал тот же бас.

Лев не без труда выбрался наружу и оказался в просторном зале, выложенном глянцевитыми черными и голубыми плитками.

Люди как люди — в синих комбинезонах, белых халатах. Привычно встречает прибывших медицина. Кремовые автобусы неотложной помощи. Тележки для багажа.

Обыденность поражала прежде всего в Темпограде. Словно не в другое время прибыли, а в любой земной город — в Париж, Владивосток или Тимбукту. Та же забота о багаже, те же дежурные санитары с носилками, встречающие с букетами цветов, коридоры, лифты, лестницы. В конце концов ты попадаешь в гостиницу: снова лифт, снова коридор, нумерованные двери разного цвета. Один из номеров — твой. В нем застланная кровать со взбитой подушкой, стенной шкаф с пустыми вешалка-

ми, полированный стол, на столе телефонная книжка и дверца пневмопочты с дисками меню. За стенкой ванна и душ. И, как во всем мире, красный кран брызжет горячей водой, синий — холодной. Где тут иное время? Непохоже.

Обыденность поразила Льва и еще поразила неторопливость. Ведь перед отправкой было столько суеты. Поспешно летели, на ходу составляли обращение, торопливо зачитывали, срочно выбирали, кого послать в Темпоград. «Скорее, скорее, экономьте секунды Т-града». Льву не дали проститься с Винетой, не дали вещи захватить из дому. И, вжившись в торопливость, Лев закричал, едва выйдя на перрон: «Ведите меня немедленно к президенту! Профессор Юстус заболел, ему стало плохо, но все записи у меня. Он просил обратить особое внимание...»

— Отдохните, — сказали ему. — Президент сегодня занят. Заседание президиума послезавтра. Вас пригласят обязательно.

— Но это срочно. Дело идет о космической катастрофе.

— Мы понимаем. Вот и отдохните, наберитесь сил. Заседание будет послезавтра, в крайнем случае после выходного, через день-другой.

И хотя Лев понимал разумом, что темпоградский день-другой — это несколько земных минут, все же неторопливость раздражала его. Не соответствовала душевному волнению. Невольно думалось: «Несправедливость какая! Там миры гибнут, люди спешат на помощь, перебивают себя, изнывают от жары, а здесь полеживают, ванны принимают, закусывают».

Но делать нечего, не он распоряжается тут. Лев поддался ласковым уговорам, вымылся, поел, выпил горячего чаю и заснул вопреки волнению, проспал часов десять (темпоградских), поужинал, еще раз поспал. Все равно впереди был пустой день (темпоградский), надо

было его потратить на что-нибудь. Лев пошел осматривать город.

Дома как дома. Если забыть о межвременной парилке, можно подумать, что ты в незнакомом районе Москвы. Такие же стеклянные стены, такие же охристые или светло-голубые мостовые. Но земные города все плоскостные, а этот многоярусный — вместо неба мосты над головой — улицы над улицами. И над теми улицами снова улицы, эстакады, мосты.

В газетном киоске Лев взял план города. План тоже оказался многоярусным — не развернутый лист, а книжечка — по странице на ярус. Параллельные линии дорог переходили в пунктиры пандусов, а на смежной странице пунктир снова превращался в дорогу. Красные квадратики на перекрестках обозначали магистральные лифты. Определившись, Лев направился к ближайшему. Решил начать осмотр с самого верха.

Скоростной лифт вынес, правильное бы сказать «вышвырнул», горстку пассажиров на открытую площадку. Над головой вместо неба оказалось нечто пыльно-дымчатое, серое с красноватым оттенком и с кроваво-бурой полоской закатной зари на горизонте. Под ним располагался обширный парк с широкими аллеями, усыпанными цветным песком или толченым кирпичом, с пышными клумбами и живописными космами ив, как бы моющими свои зеленые волосы над прудами, где важно плавали лебеди. Обширный, чистый, заботливо ухоженный парк. Льву, впрочем, он не очень понравился. Лев предпочитал нетронутую дикую природу. Здесь же кусты были подстрижены умелым садовником, в песке поблескивало стекло, даже трава казалась подкрашенной: крикливо зеленая, как на детских рисунках.

Перед первым же фонтаном Лев остановился. Знакомые какие-то очертания. Ах да, на этот фонтан, на эти аллеи со скамейками он смотрел Оттуда. Но из большого мира все это казалось ненастоящим, забавно-игрушеч-

ным. Значит, и сам он сейчас выглядит куколкой. Интересно посмотреть бы на себя. Лев вспомнил, что и в туристских походах его всегда занимала эта перемена точки зрения. Был в долине, смотрел на гору; сейчас с горы смотрит на долину — из настоящего в свое же прошлое, а раньше взирал на будущее. Жалко, что не видишь себя самого.

Впрочем, из недавнего прошлого, Темпоград казался неживым. Скамейки те же, аллеи те же, но без людей. На самом деле здесь довольно много народу: расхаживают, спорят, руками размахивают, молодые звонко шлепают по мячу, пожилые рысцой бегут от инфаркта. Почему не было видно их? Малы, что ли? Да, малы, а кроме того, слишком проворны. Ножки у них коротенькие, шажки маленькие, но секунды длинные, и скорость получается как у земного ходока — метр-полтора в секунду. Здешние полтора метра — это целая улица. Легко ли заметить муху, пролетающую над макетом, стоящим в соседнем зале. Секунда — улица из конца в конец. Мелькает что-то.

«Я мелькаю», — подумал Лев.

«Мелькая» по аллеям, он прислушивался к разговорам. Доносились термины — медицинские, технические, грамматические, математические. На одном перекрестке группа молодых бородачей спорила у демонстрационной шахматной доски. Лев подошел поближе. Шахматы он давно забросил, но болельщиком остался. Речь шла о матче на первенство мира.

— Какое положение сегодня, вот в чем проблема, — сказал рыжеволосый чернобородому.

Лев вмешался, не смог удержаться.

— Партия кончилась вничью при доигрывании, — сказал он.

— Невероятно, — удивился чернобородый. — У Стрелецкого начисто выигранная позиция. Я бы на месте Скорсби сдавался не раздумывая.

— Нет, ничья, и даже мирная.

— Кто вам сказал?

— Я сам читал газету. Счет 5 : 5.

— То есть как это 5 : 5?! 5 : 5 было в прошлом году.

— Вы, наверное, новичок, — догадался чернобородый. — Ну конечно, новичок. По глазам вижу. Товарищи, не теряйте времени на расспросы, у новичков всегда прошлогодние сведения. Имейте в виду, юноша, что в одиннадцатой партии уже сделано двадцать девять ходов, и на двадцать восьмом Стрелецкий пожертвовал качество — отдал коня за две пешки. Скорсби не вывернется, голову ставлю.

— Побереги голову. Скорсби ушлый малый. Есть вариант, я тебе покажу.

— Ребята, пошла шестидесятая секунда. Сейчас последние известия.

Бородачи умчались, оставив сконфуженного Льва. Вот уж, действительно, темпы в этом Темпограде! Он думал им свежие известия сообщить, рассказать о доигрывании десятой партии, а они уже знают двадцать девять ходов в одиннадцатой партии, ждут с нетерпением тридцатого хода.

Не торопясь, он поплелся вслед за любителями. Аллея поднималась в гору. Подъем вывел его на широченную площадь, на которой высились двенадцать гигантских статуй. Все они стояли на разных уровнях, как бы на ступенях лестницы и все передавали друг другу что-нибудь: либо книгу, либо табличку с формулами, либо колбу, либо аппарат. Первым был Аникеев, Жером — вторым в ряду, Яккерт — четвертым. Конечно, Лев знал всех этих людей. Вереница гигантов изображала общий подвиг создателей науки о времени — темпорологии — как бы эстафету открытий, приведших к рождению Темпограда. В пьедестале, под ногами у каждого гиганта, помещался мемориальный музей. Впоследствии Лев посетил все двенадцать, сделал выписки. Но это было поз-

же. Чтобы не нарушать последовательность повествования, здесь мы не будем излагать историю темпорологии. Въедливых же читателей, требующих графиков и формул в фантастике, я могу отослать к другой своей вещи — «Делается открытие». Там все рассказано: и про гениального умельца Аникеева, и про библиофила Жерома, и про яростного полемиста Яккерта, и про других.

Последний из гигантов широким жестом указывал на изящный дворец розового мрамора, оформленный как старинные настольные часы с символическими фигурами Дня и Ночи, поддерживающими грандиозный циферблат. По круглому полю его двигались три массивные стрелки — часовая, минутная и секундная. Впрочем, движение не было заметно, даже секундная стрелка казалась неподвижной. 19 часов 26 минут и 1 секунду показывали часы.

19 часов 26 минут! А Лев отправился в путь в 18.16. Столько прожито, столько пережито, столько изменилось всего за час с небольшим. В 18.16 растерянный юноша покинул вокзал обычного времени. В 19.26 на те же часы смотрел взрослый ответственный человек, курьер, доставивший важные записи.

На эти же самые стрелки смотрел он час назад.

А отсюда, изнутри, нельзя взглянуть на родной мир?

Лев прошел через портик под циферблатом, между Днем и Ночью. За дворцом-часами оказался широкий балкон, вынесенный на консоли. Перед ним была пустота. Не небо. Что-то темно-красное, зловещего даже оттенка. Так выглядит комната, освещенная углями, догорающими в печи.

Впрочем, это сравнение Льву не пришло в голову. Не видел он в своей жизни комнат, освещенных прогоревшей печкой.

Несколько темпоградцев, облокотившись на перила, рассматривали это зарево в бинокли, обмениваясь замечаниями: Лев стал рядом, но ничего не смог разо-

братъ, хотя темно-красное занимало добрую четверть горизонта. Пятна потемнее, пятна посветлее.

— Забыли инфрабинокль? — посочувствовал сосед. — Я тоже забывал всегда, теперь из кармана не вынимаю. Возьмите мой.

Лев приложил к глазам окуляры. Зарево преобразилось. Размытые пятна приобрели цвет, не очень естественный, и очертания, квадратные и овальные. В квадратах виднелись чертежи, снимки, схемы — какие-то материалы демонстрировались для исследователей Темпограда. А в самом большом овале были люди, застывшие в странных позах, вариант немой сцены из «Ревизора». Один указывал на выход, другой, пожимая плечами, разводил руками. Дежурный, похожий на тоита, спускался с лестницы, собирался поставить ногу на пол. Помощница его разворачивала детский стульчик, лямка комбинезона падала с ее плеча. Коротышка в стульчике, растопырив ручки, старался удержать равновесие.

И никакого движения. Фигуры казались неживыми. Падал и не мог упасть на спинку стула вождь пастухов. Разворачивала на одном колесе, но так и не повернула стул женщина со спадающей лямкой. Дежурный держал и держал ногу на весу, никак не мог ее поставить.

По-видимому, провожающие задержались на вокзале, ожидая известия о благополучном прибытии Льва и Клякты в Темпоград.

И не блуждания по макету, превратившемуся в город, не любители, ожидающие тридцатый ход в партии, не часы, ставшие дворцом, а именно эта немая сцена убедила Льва, что в Темпограде все успеют, все сумеют. Ведь он выпался, позавтракал, поужинал, город посмотрел, пока в обыкновенном мире собирались уходить. Целую сценку рассмотрел во всех подробностях, а в Большом мире стул не сумели развернуть, так и держат на одном колесе.

Все сумеет Темпоград, все успеет.

23 мая. 19 часов 29 минут

«Уважаемый товарищ Январцев!

Вы очень нужны на совещании, посвященном проблемам планеты Той. Просим Вас прибыть в Малый зал Президиума Темпограда в 19 часов 29 минут 35 секунд...»

Лев был польщен чрезвычайно. «Вы очень нужны» — для XXI века это была форма самого почетного приглашения. «Вы нужны» — что может быть приятнее для человека. Так лестно: студент, юноша... и нужен Президиуму Темпограда!

И конечно, Лев не мог не улыбнуться скрупулезной точности темпоградцев. Начало совещания на 35-й секунде. Впрочем, подразумевались секунды общеземного времени, здесь каждая из них тянула на шесть минут. В шестиминутной точности ничего удивительного. Для измерения мгновений в лабораториях здесь существовала своя мера времени — квартинка — $1/360$ доля земной секунды.

Итак, на 35-й секунде Лев стоял наготове со своей аппаратурой за стулом коротконогого Клактла.

Малый зал находился в одной из пристроек Дворца Часов, в круглой башенке. Во все стороны был обзор — и на парк, и на шпили башен верхнего яруса, и даже на красное зарево Большого мира. Надев инфракюляры, можно было видеть, что Ван Тромп тянулся к кому-то с рукопожатием, тоит обрел равновесие в своем кресли-

це, а дежурный, слезавший с лестницы, уже поставил обе ноги на пол, даже присел на корточки зачем-то.

Сам по себе Малый зал очень напоминал зал заседаний в Космограде, где та же проблема Тоя обсуждалась сегодня в полдень, вечность тому назад. Такой же круглый стол для семи решающих, такая же многоглазая машина «Скептик» за спиной у председателя, готовая разоблачить и довести до абсурда любую идею. И три ряда кресел для консультантов.

Лев вошел в этот зал со сложным настроением: торжественно-восторженно-почтительным. Так чувствует себя страстный болельщик, впервые попавший в общество звезд футбола: с тобой за одним столом тот самый непробиваемый вратарь, тот самый центр с пушечным ударом. Так чувствует себя молоденькая хористка, впервые в жизни выступающая на сцене с тем самым тенором, с той самой примадонной — предметами восхищения и зависти с детских лет. Для Льва, мечтающего об открытиях, чемпионами и примадоннами были эти самые миллионеры (подарившие человечеству миллионы часов ценной работы) — авторы монографий, патентов, законов и формул, которые полагалось учить наизусть: те самые Жерве, Катаяма, Агеликян, Бхакти, Остапенко, Мегмет Али, Стильфорд, Скрума, Гельмут Баумгольц, Хулио Вильянова и Анджей Ганцевич.

Лев жадно вглядывался в лица, не очень похожие на портреты в учебниках. Значит, этот рыхловатый старик, брезгливо поджимающий губы, и есть знаменитый Баумгольц, вице-президент Т-града, автор трехтомной «Элементарной физики». А черненький, щупленький, оживленно размахивающий руками — Вильянова — главный конструктор Т-града, чудо-инженер, Левша XXI века. Какие выразительные у него руки с длиннющими пальцами — руки музыканта-виртуоза, руки мима! А тот флегматичный, развалившийся в кресле большеногий великан с белесыми, почти седыми волосами и бледно-го-

лубыми невыразительными сонными глазами — это и есть Анджей Ганцевич — самый безумный из безумных физиков XXI века, автор уравнений виброполя, таких сложных, что в вузовских учебниках они даются мелким шрифтом, в сносках, только для самых знающих студентов.

И о чем же говорят между собой эти корифеи мудрости? Лев прислушался. Не хотелось пропустить ни одного слова.

О пыли говорили. О том, что пыльно на нижних ярусах. Не только квартиры надо вынести оттуда, но и лаборатории. Как-никак в лабораториях проводишь рабочий день, несколько часов дышишь пылью.

Еще о бюро № 16: стоит или не стоит отдавать туда автомат 2214-СТ?

Еще о том, вытесняют ли мемуары роман. И могут ли мемуары быть объективными? Способен ли человек сам о себе рассказать без прикрас и умолчаний, или же инстинктивно будет себя оправдывать, выставлять в самом выгодном свете?

О гипертонии. Так и не научились лечить ее. О болях, ползущих из сердца в левое плечо.

Анджея поддразнивали за то, что некая Жужа не с ним танцевала вчера.

— Какая же женщина пойдет танцевать с ботинками номер 49! — хохотал Вильянова. — Анджей один раз наступит на ногу и оставит калеккой на всю жизнь.

А тот, снисходительно ухмыляясь, отмахивался: «Смейтесь, смейтесь, а танцевать пойдет со мной».

На исходе 35-й секунды, не более, чем за десять квартинок до ее конца, дверь стремительно распахнулась, и в зал вошел, почти вбежал, худощавый старик, стройный по-спортивному, с суховатым, но очень подвижным лицом. Это был президент Темпограда Юлий Валентинич Гранатов — глава всех темпорологов Земли.

С Гранатовым Лев познакомился накануне вечером.

Президент успел прочесть все присланные материалы, но потребовал, чтобы Лев пересказал и заседание в Академии Времени. Для Льва затруднений не было, он помнил наизусть и речь Юстуса, и всю дискуссию. Затем он вручил президенту черновые записи Юстуса с подчеркнутыми страницами и свою расшифровку, все что успел переписать. Гранатов похвалил память и старательность Льва, но больше всего расспрашивал о прощальной сцене на вокзале, трижды просил повторить каждое слово Юстуса.

— Так и сказал: «Две жизни дороже одной»? Какой молодец! С таким девизом хоть в экспедицию, хоть в бой. Две жизни дороже одной! Какой правильный человек!

И замечание насчет тоитов ему понравилось.

— Конечно, дети! Пачкуны и капризули. Когда вырастут, станут людьми, тогда спасибо скажут.

Льву Гранатов показался чересчур экспансивным. Не вселял уверенности, что сумеет решить проблему спасения целой планеты. По представлениям Льва, крупный ученый должен держаться солидно, уверенно, спокойно... как Ван Тромп, например...

Сегодня Гранатов был столь же порывист, но деловито-порывист. С ходу, не садясь в кресло, оперся руками о стол, окинул взглядом собравшихся и начал без предисловия:

— Катастрофа ожидается 18 июля. Возможно, раньше на несколько дней. Значит, к 10—12 июля должна быть обеспечена безопасность. Каким методом, какой аппаратурой — пока неизвестно. Обозначим через А время для проектирования аппаратуры, через Б — время ее изготовления, время пересылки — В, время воздействия — Г. Пересылка от нас не зависит, она занимает шесть суток. Г от нас зависит косвенно, предположим, что это тоже несколько суток. Б тоже зависит косвенно, но, поскольку изготавливать будут земные заводы, надо

дать им достаточно времени — скажем, месяц. Следовательно, 1 июня, не позже, чем 5 июня, мы должны передать им рабочие чертежи. Для нас это эпоха, времени предостаточно. Мы должны неторопливо продумать, как и что соорудить поспешно. Долгие поиски краткого пути — девиз Темпограда.

И, не заглядывая в блокнот, он высыпал на слушателей целые горы цифр: все сведения, которые он получил через Льва, и еще множество других, Льву неизвестных.

Первым взял слово Баумгольц. Говорил он короткими, отрывистыми фразами, старательно выражал деловитость на рыхлом лице, но у него деловитость выглядела нарочитой, наигранной, краткость превращалась в сухость; слишком подробные цифры приводились без пояснений, утомляли и проходили мимо сознания. Чувствовалось, что вице-президент очень хочет походить на президента, повторяет его, но без блеска.

— Гибнут братья по разуму, — так начал он. — Мы обязаны приложить все силы для спасения, тут сомнений нет. Трудности — количественного порядка. Установка МЗТ может переправить на Землю примерно тысячу тоитов за указанный срок. Тысячу из двадцати миллионов. Двадцать тысяч установок за полтора месяца промышленность земного шара не изготовит. Какой выход? Я предлагаю построить завод МЗТ в Темпограде. Юлий Валентинич не раз говорил: наш город — голова без рук. У нас есть время думать, нет возможности сделать. Надо перевести в город и руки.

Очень подробно, с расчетами и графиками (и когда он успел их сделать?) Баумгольц рассказал, как можно превратить Темпоград в комбинат по производству установок МЗТ. Правда, пришлось бы свернуть научную работу. При этом Баумгольц произнес неожиданную и непонятную для Льва фразу:

— Все равно дело идет к тому.

— Проблема Б, — быстро произнес Гранатов, как только увидел, что его помощник складывает график.

— Что ты имеешь в виду, Юлий Валентинич?

— Я обозначил проблемой Б транспорт. Мы делаем установки, на планету Той их переправляет Земля. Как только вмешивается Большой мир, темп замедляется. Кроме того, к МЗТ ты добавляешь МВТ — к межзвездному транспорту межвременной. А МВТ — наше узкое место, тоже медлительное и тесное.

— Я предполагал объединить МЗТ и МВТ — наладить прямую связь Темпоград — Той.

— Значит, вводишь икс? Объединение еще не изобретено.

— Для того мы и сидим здесь, чтобы решать иксы, — вмешался Хулио. — Этот надо раскрывать так или иначе. МВТ — наше позорище. Также мне современный транспорт: лежишь, исходишь потом, за сердце держишься, в санатории валяешься после этого. Конечно, надо заняться.

— Ты берешься? — спросил Гранатов.

— Возьмусь, если поручишь. Мысли есть кое-какие. Лично я поддерживаю Гельмута.

— Разрешите задать вопрос, — мягко вмешался его сосед, очень худой, смуглый и длиннолицый, всемирно известный психолог Бхакти, как Лев узнал позже. — Я уверен, что мои талантливые коллеги безукоризненно разрешат технические проблемы и двадцать миллионов тоитов будут переправлены на Землю через Темпоград или минуя Темпоград. Но если я правильно понял, в Академии Времени высказывались сомнения насчет целесообразности такой меры.

— Да, сомнения высказывались, — подтвердил Гранатов и включил машину Скептик.

Как и в Космограде, здесь появились на экранах унылые очереди, тоитские женщины с узлами и детишками за спиной, больные на носилках, пустые дома с бро-

шенным хламом, плачущие дети, могилы у дорог, унылый охотник в березовой роще, унылый художник над пестрым журналом, лихие наездники, умыкающие школьниц, и жрецы с факелами...

— Тонты вовсе не жаждут эвакуации, — подвел итоги Бхакти. — Переселение с родной планеты — это бедствие. Бедствие и для Земли. Несовместимость культур, двадцать миллионов голодных, неразвитых, истомленных и недовольных гостей в доме. И биологическая несовместимость. У них эпидемии от земных микробов, у нас аллергия к их белкам.

— Справедливые возражения. Но вы предлагаете что-нибудь, Бхакти? — спросил Гранатов.

— Я надеялся, что мои коллеги-астрономы предложат приемлемую ненаселенную планету. Не идеальное решение для тонтов, но, по крайней мере, они полными хозяевами будут в новом доме.

Последовала пауза. Видимо, ученые перебирали в уме обследованные планеты. Но такие, как Той и Земля, редко встречались в космосе.

— Удвоенная трудность, — заметил кто-то. — На Той шлем передатчики, на ту планету — приемники. Не двадцать, а сорок тысяч установок МЗТ. И благоустройство новой планеты.

Тогда, неторопливо потянувшись, как бы просыпаясь, вступил Ганцевич:

— Благоустройство планеты, двадцать тысяч передатчиков, двадцать тысяч приемников для двадцати миллионов пассажиров. Еще искать их, ловить; уговаривать, устраивать, кормить, лечить, оберегать, от них оберегаться. Сложное решение. Неизящное. Гениально только простое, а просто грандиозное. Я предлагаю решить задачу в общем виде. Не возиться с личностями, эвакуировать всю планету разом. Вывести ее в безопасную зону. Как? По принципу фотонной ракеты. Горючее есть — все атомы горючее. В каждом энергия: $E=mc^2$. Жертвуем часть

атомов, превращаем их массу в энергию, получаем космическую скорость и странствуем по космосу, пока не рассеются газы после взрыва.

— Теоретически вполне правильно, — быстро подхватил Вильянова. — Достаточно сжечь миллионную долю всех атомов. Возьмем их из-под мантии, такие глубокие недра ни нам, ни тоитам не нужны. Пробурим сотню шахт на разных широтах, в пустынях по возможности. Каждая шахта — дюза, маневрирование обеспечено...

Всякую идею он мгновенно воображал в конструкциях: какие нужны сооружения, сколько. И мысленно уже приступал к расчетам.

Но одновременно с ним, послушно подхватывая каждое слово, паттернизатор Скептика рисовал последствия.

На экранах появились пейзажи Тоя: пыльные пустыни, серые моря с короткими крутыми волнами, заросли, снежные горы, освещенные двумя солнцами, селения с топкими улочками, сбегаящими к реке.

В пустыне, на берегу, в зарослях, у подножия горы и возле селения выросли широченные кольца, похожие на лунные цирки — жерла фотонных шахт.

Пульт управления — мозаика циферблатов и клавиш. На экране Вильянова собственной персоной. Смотрит в телескоп, смотрит на часы, поспешно кидается к пульта. Пора!

Схема орбиты. В какой-то точке от эллипса ответвляется другой, более пологий. Шарик планеты, катясь по эллипсу, доходит до ответвления, как бы перекачивается на другие рельсы.

Нервные музыкальные пальцы Хулио Вильяновы нажимают на клавиши.

Карта. На ней зажигается десятка два лампочек. Шахты действуют.

Пустыня, берег, гора, селение. Всюду столбы ослепительного света быют в небо.

Чудовищный ураган в пустыне. Экран заслонила туча песка.

Море отступило. Заросли горят. Катятся в реку домишки. Сама она выплеснулась на противоположный берег.

Карта. От засветившихся лампочек расплзается сияние. Весь глобус окутывает красноватая дымка.

Над пустыней, над морем, над горами и рекой пламя — эта самая дымка. Под ним черная обожженная земля.

Гранатов усмехнулся:

— Мигрени не будет, если отрубить голову. Поздравляю, Анджей, ты нашел радикальное решение. Я тут прикидывал в уме. В нормальных условиях Той получает от своего солнца два килограмма энергии в секунду, после взрыва новой — тонн двадцать. Твои жерла должны выбрасывать миллион тонн. Здорово! Но непрактично.

— А я в порядке бреда, — возразил Ганцевич, не слишком смущенный. — Когда идет мозговой шторм, бред разрешается. Я бы не отвергал с налета, лучше поищем бы рациональное зерно.

— Зернышко, может, и есть, — согласился Гранатов. — Зернышко в том, что нужны простые решения. Поищем.

Воцарилось принужденное молчание. Другие ученые стеснялись высказываться «в порядке бреда», искали умеренные идеи. Но легко ли решить космическую проблему умеренными средствами?

Через некоторое время привстал Катаяма, японский гидролог, коротко остриженный, не старый еще, не седой, но сморщенный и с тяжелыми мешками под глазами.

— Мой уважаемый коллега и сосед по столу профессор Бхакти очень точно и справедливо отметил, что жители планеты Той вовсе не стремятся к эвакуации. Они предпочли бы остаться на своей планете и переждать

беду. И если я правильно рассуждаю, мне представляется, что возможность переждать имеется. Я внимательно читал и перечитывал записки профессора Юстуса, столь предупредительно присланные нам. Глубоко сожалею, что сам профессор не сумел прибыть, его присутствие сразу продвинуло бы нашу дискуссию. И вот, по мнению профессора Юстуса, а на мнение его можно положиться всецело, взрыв повой только опалит грунт, вскипятит поверхность океана, исключительно поверхность, рыбы же на дне даже не заметят ничего, поскольку температура в придонных слоях останется около нуля. Следовательно, усиленную радиацию можно переждать и на дне и в убежищах, в подвалах, даже в пещерах. Подземные убежища тоиты могут копать сами, простыми лопатами; с подводными мы им поможем. Вероятно, надо будет помочь и с запасами пищи... возможно, выдадим им комплекты анализ-синтез. Мне видится здесь меньше сложностей, чем при эвакуации. Уж, во всяком случае, тоиты останутся на своей планете.

— Выслушаем Скептика тоже, — сказал Гранатов.

В полутьме на округлых холмиках донного ила массивное угловатое сооружение.

Коридоры, коридоры, серые чугунные коридоры. Каморки с чугунными стенами.

В одной из них, сидя на полу, молодой охотник, брезгливо морщась, вылавливает из миски белковый студень. Потом от скуки тычет копьём в стену.

В другой каморке, прислонившись к стене, сидит художник. От скуки царапает узоры на полу.

Верховный жрец, потрясая кулаками, проклинает пришельцев.

Клактл, вздыхая, смотрит на потолок. Неба нет. Что делать под водой астроному?

Старуха толчет муку в ступе. Вот она, пожалуй, почти довольна. Сытно, тепло, безопасно, дочка рядом.

Бьется головой о стенку кочевник. Тоска! Но вот при-

встал. Нашупывает меч. Выглядывает. Крадется по коридору. Тоска! Однако где-то здесь прячутся нежные желтые девушки. Набег в коридоре! Коридорная война!

Ученые без удовольствия смотрели на экраны.

— Тюрьма! — резюмировал Вильянова.

— Но позвольте заметить, что тюрьма временная, — возразил Катаяма. — Через год горячая волна схлынет, и тоиты вернутся в привычные места.

Скептик немедленно отозвался.

Берег. Мутные волны выбрасывают на песок разва-
рившуюся рыбу. Из воды показываются круглые шлемы
водолазных скафандров. Тоитские витязи выходят на
сушу. Отвинчивают шлемы. Перед ними голая, местами
оплавленная, растрескавшаяся равнина. Так выглядит
глинистое дно высохшего озера. Кучи мокрого пепла.
Обугленные кочки и пни. Обгорелые кости кое-где. Пу-
стота.

— Да-ммм, — вздохнул Вильянова.

— У меня предложение, — начал Ганцевич. Все за-
улыбались, заранее собираясь услышать нечто «в поряд-
ке бреда». — Я настаиваю, что решать надо глобально.
Пусть убежища... но для всей планеты. Надо раз навсег-
да вынести за скобки разговоры и переговоры с каждым
из двадцати миллионов тоитов. Общее убежище.

— Ты предлагаешь выкопать целую подземную стра-
ну, тоитскую Плутонию, Анджей?

— Нет, не подвал, а крышу. Я предлагаю зеркало
над планетой, чтобы отразить все лучи и частицы. Зер-
кало из напряженного вакуума, как в вакоскопе. Там
десятки метров, а здесь тысячи километров. Разница
только количественная.

— Но существенная. Количество переходит в каче-
ство. Нужен другой принцип, — возразил Баумгольд.

— У нас есть время, чтобы найти другой принцип.

— Запроси Скептика, Юлий Валентинич!

Скептик на это раз был лаконичен. Показал темный

шар на звездном фоне, прочертил над шаром заслонку. Огненные струи ударили в эту заслонку сверху и, обогнув ее, облизали всю планету.

— Это не возражение, — упирался Ганцевич. — Скептик ничего не соображает. Зеркало может быть объемным, цилиндрическим, многогранным, почти шарообразным, замкнутым.

— Масштаб: одна десяти тысячная, — потребовал Гранатов.

Экран почернел.

— Пережгли, — забеспокоился Баумгольц.

— Не пережгли. Ночь, — догадался Гранатов. — Глухая тьма. И тьма на год-два. Зима. Мороз. Голод. «Спасибо, — скажут нам тоиты, — спасибо за этакое спасение».

— Что же делать? Постепенно устроим освещение, отопление. Перетерпят как-нибудь.

— Есть еще предложения? — Гранатов поглядел направо-налево, но зал не отозвался. — Если нет, будем подводить итоги. Мне кажется, что мы перебрали основные варианты. Когда орел пикирует на зайца (сравним Лямбду В с орлом, а Той с зайчишкой), у косоногого два выхода: улепетывать или схорониться. Анджей подсказал нам еще два — глобальные. Получилось четыре решения: убежать населению, убежать всей планете, спрятать население, спрятать всю планету. Кажется, больше ничего не придумаешь. Но есть и еще одно решение, нам, темпоградцам, полагалось бы вспомнить о нем в первую очередь: убежать можно не только в дали пространства, но и во время, можно спрятаться в ускоренном времени. Что я предлагаю конкретно? Давайте сделаем у себя и пришлем на Той не тысячи убежищ, а один-единственный Т-град, копию нашего, но упрощенную, уменьшенную, значит, ускоренную. Наш год — земные сутки, их год — наши сутки. У нас до 18 июля десятки рабочих лет, у них — несколько веков — эпохи! Есть время все

переиначить. Но не мы будем переиначивать. Пошлем туда только учителей, поселим в городе только тоитских детей, познакомим их с нашей культурой. Станут взрослыми и пусть тогда ищут решение сами. Могут размножать т-градики почкованием, своих собственных родителей уговаривать, приглашать в свои города, могут придумать (сотни лет! эпоха!) какие-то необыкновенные меры. А может быть, спрячутся еще глубже в вещество и во время. Ведь для атомов-то взрыв новой безопасен, атомы горячая волна не испортит. Да, в сущности, и наше темпополе непробиваемо для лучей и горячих газов. В т-градиках можно и переждать катастрофу.

— Это получится, — быстро подхватил практичный Вильянова. — Берем существующий проект Темпограда, упрощаем, устраним лишнее, уменьшаем, пересылаем на Той. Технически просто, даже скучно, почти ничего не надо изобретать. Прямой транспорт только наладить.

— Давайте подумаем, — предложил Гранатов. — Давайте не будем обсуждать скороспело. Порисуем, посчитаем. Ведь мы определяем судьбу целой цивилизации. Подумаем, прошу вас.

Но тут поднялся Бхакти, руку поднимая по-школьному. Он очень волновался, даже красные пятна пошли по лицу.

— Пожалуйста, прошу извинить, но у меня вопрос. Вы говорите: у нас год за сутки, у них эпоха за сутки. За день они догонят нас, через день превзойдут во всех отношениях. Не придет ли им в голову переселиться на Землю и перевоспитывать нас наравне со своими отцами и дедами? Меня серьезно страшит такая перспектива. Я прошу обязательно запросить Скептика.

Гранатов не раздумывал ни секунды:

— Законное требование, возражение быть не может. Машина, прошу дать образы. Потомки нашего гостя через сто поколений обсуждают проблему: куда направить

развитие своей расы? Не собираются ли они переселиться на Землю?

Такие конкретные задачи паттернизатор конструировал почти мгновенно, сразу начинал показывать.

На экране появился Клаккл в набедренной повязке. Так и одевались жрецы в будничной обстановке.

Затем повязка сменилась туникой, свободно запахнутым плащом, обтягивающими брюками и рубашкой, появился и исчез остроконечный колпак, широкая папаха, шляпа с пером... Брюки удлинялись и укорачивались в соответствии с модой; мелькнула и исчезла кожаная куртка, сюртук, пиджак, комбинезон. Едва ли машина предсказывала тоитские моды. По всей вероятности, она черпала материал в истории земной одежды, облачая Клаккла, словно портняжный манекен. После пиджака появились какие-то дутые пузыри из цветной пены, потом белой и даже прозрачной. И вот Клаккл номер сотый, в пене и пузырях, заговорил:

— Все наши предки, начиная с Эры Знакомства, в течение ста поколений стояли перед выбором. Два было выхода: назад — в обширный мир медлительного времени, или вперед и вглубь — к новому ускорению. Но хотя космос бесконечен и бесконечно просторен, никто ни разу не захотел переселиться в сонно текущее время планет, безнадежно отставая от своих соплеменников, превращаясь в живой экспонат для музея старого быта, устаревшего мышления. Вперед и только вперед. Если в прежних темпоградах тесно, если грядет катастрофа, мы уходим в новые города, где за секунду проходят не сутки, а год, век, века...

Гранатов щелкнул выключателем.

— Давайте думать, — повторил он, — давайте думать напряженно. Следующая встреча в 20 часов 29 минут 35 секунд по московскому времени. Через час.

Напоминаем: за час в Темпограде проходило пятнадцать суток.

23 мая. 19.30—20.30

Четыре минуты были в темпоградских сутках: минута ночная, утренняя, дневная, вечерняя...

Поскольку освещение было искусственным, день от ночи отделяла электростанция. Днем уличные лампы горели в полный накал, с половины вечерней минуты — вполнакала. В своей же комнате каждый распоряжался по собственному вкусу, включая дневные лампы в любое время. Но обычно темпоградцы соблюдали режим: ложились в постель, когда меркли уличные лампы. Именно это мигание света заметил Лев, глядя на Темпоград снаружи, с вокзала.

Сейчас и он ложился соснуть минутки на полторы, проснувшись, делал основательную трехсекундную зарядку, завтракал за три секунды, шел поработать минутку-полторы.

А в большом подмосковном мире в это время был майский вечер, на синем небе проклеивались первые звездочки, молодые соловьи пробовали неокрепшие голоса, прячась за кулисами, — в темных кронах, еще не решались выводить рулады на авансцене. И молодые парочки млели прислушиваясь; им казалось, что соловьи поют об их любви. Юноши гордо расправляли грудь, как будто это они сами организовали серенаду, а девушки благодарно вздыхали, прижимаясь к своим всемогущим спутникам.

«Рли-рли», «вить-вить», «чок-чок-чок». Вздохи. Долгий поцелуй.

А у Льва — сутки, сутки и еще сутки...

Утреннюю минуту, как полагается, он проводил на работе, при Клактле. К тоиту за разъяснениями и уточнениями с утра спешили представители всех групп спасения: эвакуаторы Баумгольца, подводники Катаямы, глобальники Ганцевича и Вильяновы, гранатовские беглецы в быстрое время. Клактл с охотой рассказывал подробности о своей милой планете: о растениях, животных, ландшафтах, жрецах, владыках и простолюдинах, обычаях, обрядах, храмах, дворцах и хижинах. Издалека все казалось прекрасным. Клактл старался описать как можно выразительнее, Лев силился перевести поточнее, но иногда слов не хватало. Не только ему не хватало, не было соответствующих слов в земных языках. «Хаиссауа», например. Выше говорилось уже об узорах из мокрых камешков. Высыхая, они, естественно, меняют цвет. И опытные мастера умеют так подбирать камни, чтобы мокрое изображало одно, а сухое — совсем другое. Иногда удается при высыхании создать иллюзию движения. Вот эта движущаяся, изменяющаяся мозаика и есть хаиссауа. В переносном смысле — высшее мастерство. Не надо путать с «хаиссаутл». Это уже слуга, наемник или раб, чья обязанность увлажнять хаиссауа в богатых домах. В переносном смысле — легкая работенка.

Или «шашшаш». Лев все порывался перевести как «шашни». Действительно, иногда это флирт, интимные излияния, но подводные. У тоитов с их земноводными лапами плавание и ныряние первый, простейший вид спорта, как у нас бег на сто метров. Ныряльщика под водой видно плохо и совсем не слышно. И вот рабы, строители каналов и плотин, скрываясь от глаз надсмотрщиков, устраивали заговоры под водой. И выработали безмолвный язык прикосновений — к локтю, к плечу, одним пальцем, двумя, ладонью, щепоткой... Конспиративный

язык рабов переняли проказливые мальчишки, а потом он распространился и на ухаживанье, стал вторым языком тоитов, получил грамматические правила, проник в искусство, сделался подводным танцем, во дворцах появились подводные сцены. Все это называется «шашшаш». Каким словом перевести?

Лев с интересом вникал в подобные тонкости, без усталости повторял объяснения. Но всегда как тень за спиной стояло мрачное: «Все это обречено, доживает последние недели. Не позже, чем 18 июля вспыхнет слепящим светом небо, огненные языки прокатятся по городам и полям, слизнут дворцы с узорами хаиссауа и хаиссаутлов, лениво помахивающих мокрыми щетками, сварят заживо возмущенных рабов, юных озорников и влюбленные парочки, затеявшие шашшаш под водой. Все исчезнет, все станет прахом — хорошее и плохое. Спасать надо, спасать, торопиться! И Лев придиричливо допрашивал себя: все ли он делает, чтобы спасти Той и тоитов?

А Клаккл думал о другом: кого спасать?

Пять раз (пять раз, не преувеличивая!) Лев пересказал ему дискуссию в Малом зале, прежде чем Клаккл уловил суть. Но, уловив, воспринял по-своему: тонконогие — народ добрый, честный, но отнюдь не всесильный. Хотели бы помочь, но не могут, вот и тешат себя сказками вроде крыши над целым миром.

— Я вам подскажу, — сказал он Льву. — Вы в затруднении, потому что хотите спасти всех. Не надо всех. Чернь — это стадо, грязные ноги и мозолистые спины. Спасать надо мудрые головы. Даже не мудрые, наимудрейшие. Среди жрецов есть носители тайн, есть и носители факелов, чаш и священных сосудов. Носителей тайн не так много. Верховный жрец Гранатов сказал, что тысячу вы увезете. Я назову вам тысячу наимудрейших.

Высказавшись, Клаккл горделиво уставился на Льва, ожидая, что его похвалят за сообразительность. Гениальное же решение. Здешние мудрецы ломают головы, как

увезти двадцать тысяч раз по тысяче, распутывают узел, а он взмахнул мечом и разрубил: «Всех не надо. Спасайте одну тысячу. Я назову...»

Лев отвел глаза. Ему было совестно. Так бывает со-
вестно взрослому, столкнувшемуся с жестоким ребенком. Вот подарила ему мать аквариум, рассказывает, как чистить, воду менять, кислородом освежать, как рыбок кормить. А он возьми и брякни: «Мама, изжарь мне этих рыбок. Они вкусные?»

В данном случае: «Изжарьте двадцать миллионов. Они невкусные: ноги грязные, спины мозолистые!»

— Хорошо ли, Клактл, бросить всех на произвол судьбы? У всех жены, дети, старики родители. По вашим понятиям, душа у каждого.

Нет, Клактл считал, что душа есть только у посвященных. У прочих не душа, а пар. У рабов и пара нет.

— Несправедливо же, Клактл. Посвященные хотят взять свои семьи: жен, детей и рабов заодно. Значит, не тысяча посвященных, а двести. Для остальных места нет. Споры, обиды, драки. Двести спасенных — так мало!

— Мало! И пусть будет жесткий порядок. Я напишу имена двухсот и первой тысячи, и второй. Сколько успеете, увезете. Но начинайте сразу.

Отныне, каждый день, покончив с ответами на вопросы о планете, Клактл усаживал Льва за стол и начинал вслух рассуждать, кого из посвященных надо спасать в самую первую очередь.

— Гезогза? Гезогзе ведомы тайны трав, он лечит глаза и уши, исцеляет рези в животе, избавляет от бесплодия. Запиши — Гезогза. Правда, он стар. Забывает молитвы, забывает и травы. Послушникам поручает лечить. И немощен, род не продлит, потомства не оставит. Зачеркни Гезогзу. Или нет: запиши, но одного — без семьи. Потомства не оставит, значит, жена ему не нужна. Гезогза, посвященный в тайны трав. Записал?

Хенна, посвященный в тайны меди.

Хартхл, посвященный в тайны огня.

— Все это напрасный труд, Клактл, — уговаривал Лев. — У вашего властителя сила, полки стражников, всадники, копыеносцы. Он прикажет, и жрецы впишут: «Владыка — номер первый, жены, наложницы, дети, слуги, любимцы, охрана...» Вот и вся тысяча!

И тут Лев услышал неожиданное:

— А вы на что? Корабли ваши. Кого хотите — пускаете.

Оказывается, список составлялся для землян. Клактл опасался, приглядывался, сомневался, но все-таки чужеземцам доверял больше, чем своим. Точнее, своим не доверял вообще. Знал, что каждый властелин и каждый жрец будут заботиться только о себе. Так пускай земляне и наводят порядок... по его, Клактла, списку.

— Пиши, Левтл, пиши: «Хартхл, посвященный в тайны огня».

Утомившись от бесконечной возни с очередностью на спасение, после обеда Клактл ложился вздремнуть. Лев же уходил, в душе осуждая тоита. Он не понимал возрастную лень, не понимал, как можно тратить на сон драгоценное время пребывания в незнакомом городе, да еще таком необыкновенном, как Темпоград. Сам он все свободные секунды проводил, бродя по ярусам, выискивал необследованные закоулки, запоминал исхоженные. Не было у Льва усталости от городского шума, не тянуло его в тишину, на травку, к заросшему ряской пруду. Грохот бодрил его, сверхурбанизм трехмерного Темпограда вселял только гордость: «Экие молодцы мы, люди, такую махину взгромодили!»

В начале вечерней минуты старожилы стекались в парк: хоть какая-то зелень, видимость природы. Лев значился, расспрашивал; темпоградцы охотно рассказывали о своих достижениях. Лев поражался: и это открыто? И это? И это уже открыто? Естественно: в учебники не вошло то, что темпоградцы нашли за последние десять

дней — за десять рабочих лет по-местному. И, вернувшись с прогулки, Лев с восторгом (впрочем, «восторг» не то слово. Бурных эмоций не было. Лев испытывал глубокое удовлетворение, ликовал молча)... итак, с молчаливым ликованием Лев вписывал в свои таблицы очередное достижение Темпограда. Выполнена его детская мечта: синтезирован элемент № 200 и даже № 202 и № 203. Молодцы какие! Обязательно он расскажет об этом достижении Винете. А Винета оценит? «Конечно, оценит, — сказал он сам себе. — Винета умница, она все понимает. К тому же Винета спортсменка, для нее рекордные показатели не пустое. Не так давно с восторгом, с шумным восторгом рассказывала она о знаменитой Ане Фокиной, которая в прыжке с переворотом взяла высоту 246, повторив мировой рекорд. Видимо, в ближайшем сезоне перейдет-таки через рубеж двухсот пятидесяти. Два с половиной метра! Под самый потолок! Казалось, нет принципиальной разницы: 246 или 250? Но в круглых цифрах таится некая магия. Каждая десятка — порог, следующая ступень. И главное, мы превзошли себя и потеснили неуступчивую природу. Пусть не Винета, пусть Аня Фокина; пусть не Лев, пусть темпоградские физики! Мы — победили. Мы — люди! Конечно, Винета оценит!»

Скоропалительно отправившись в Темпоград на часок, Лев ничего не взял с собой: ни смены белья, ни зубной щетки. Конечно, и заветную папку с графиками осей оставил на полке над столом. Но здесь он завел новую папку, восстановил цифры по памяти, сверил по справочникам и с удовольствием жирной красной чертой отметил, на сколько продлилась каждая ось в Темпограде.

Об оси атомов сказано только что. А вот события на оси искусственной жизни. В 1970 году Хобана синтезирует первый ген, один-единственный, не очень нужный ген кишечной палочки. Сто лет спустя спроектирован синтефаг — целая бактерия — согласованный комплекс

из сотни генов. Между прочим, очень полезная бактерия — питается синтетикой, поедает целлофановый мусор. К сожалению, не только мусор, не брезгает и нужными пакетами, дырки прогрызает раньше, чем следует. Но вот в Темпограде спроектировано уже и одноклеточное — амeba, питающаяся синтефагами. Бактерия уничтожает, амeba предохраняет. В ее ядре комплекс из тысячи генов.

Было сто генов, стала тысяча. Темпоград продвинулся на целый порядок.

А что творится на оси температур? Казалось бы, тут ждать нечего. Еще в XX веке физика почти вплотную подошла к абсолютному нулю — осталась миллионная доля градуса. В XXI веке в учебниках Лев читал о триллионной доле. Чистейший нуль не получался, какие-то атомы все-таки колебались, сохраняя память о тепле. И что же в Темпограде? Оказывается, пересекли абсолютный нуль, попали в область отрицательного тепла, мнимых температур. Что такое мнимая температура? Этакое состояние, когда греешь-греешь вещество, а оно не нагревается. Некое подобие льда. Лед нужно растопить сначала, превратить в воду; вода уже начнет согреваться. Лед при нуле — несогревающееся вещество.

В Темпограде получен несогревающийся металл.

Это уже новинка на оси. Не прямое продолжение, а крутой поворот.

И за поворотом — сверхпроводимость. Передача тока без потерь.

А какие события на оси скоростей?

Что творится на оси давлений?

На оси малых величин?

На оси сложности?

Как коллекционер на поиски редкостей, отправлялся Лев в парк у Часов. Особенно много народу, чуть не весь город стекался сюда на четверку, то есть к началу четвертой минуты темпоградских суток — вечерней, когда

передавались последние известия. Вообще-то поток спрессованной информации шел из внешнего мира беспрерывно, но другие минуты и секунды отводились специалистам. В начале же четверки приходила информация, интересующая всех поголовно: новости общественной жизни — космические, географические, литературные, спортивные.

Своеобразный колорит был в этих новостях. Ранее, включая в Москве радио или телевизор, Лев узнавал, например, что сегодня принято решение осушить Северное море, отправлена экспедиция на Капеллу, умер известный аргентинский композитор Гарсиа. Стрелецкий и Скорсби согласились на ничью, невероятной силы ураган обрушился на Хакодате...

Все это передавалось в Темпоград, но в иной форме: расщепленное на четырехминутные отрывки и переведенное из прошлого времени в настоящее.

Представитель Голландии на обсуждении высказывается против осушения Северного моря, настаивая, чтобы его страна осталась традиционно морской державой. Регламент он исчерпал, но попросил еще десять минут.

Капитан экспедиции, отправляющейся на Капеллу, прощается с семьей.

У известного аргентинского композитора Гарсиа — дыхание прерывистое, с долгими паузами. Возможно, начинается агония.

После тридцать первого хода Скорсби на доске установилось равновесие. Специалисты считают шансы сторон равными.

Ураган, бушующий в городе Хакодате, надламывает вековую сосну.

Но ураган бушевал вчера — четыре минуты назад позавчера — восемь минут назад, весь год умирал и никак не мог умереть аргентинский композитор. Новости перестали волновать. Собравшиеся переходили к экранам искусства и спорта. Но и здесь не все привлекало

внимание. Не было никакого интереса целый час (шесть земных секунд) смотреть в открытый рот певицы, героически доставшей верхнее «ля». Другое дело — балет: какие-то события происходят, позы меняются. И спорт отбирали придирчиво. Темпоградцы предпочитали не игры — игры тянулись слишком долго, а соревнования: бег на короткие дистанции, прыжки в воду... или же в высоту. Хоть и замедленная съемка, а все же какое-то движение. Вот, например, идет на рекорд та самая Аня Фокина — любимая спортсменка Винеты. Обязательно перед экраном толпа.

— Товарищи, я не опоздал? Еще разбегается?

— Уже оттолкнулась. Начинает замах.

— Хорошо пошла.

— Нет, слабоват толчок. Не дотянет.

— Вытащит. Я верю в Аню.

— Не вытащит. Хотите, измерим? Можно рассчитать скорость.

— Глядите, какой переворот. Плашмя над планкой.

— Заденет левой ногой. Носок вытянула бы.

И так хочется подойти к экрану, ладонью подтолкнуть Анину ногу.

Однажды (в какую-то из четвертых минут) рядом со Львом у экрана «болел» лохматый хмурый мужчина. Потом выяснилось, что он поэт. В Темпограде переводил индийский эпос «Рамаяну» — работа на несколько лет.

— Час убил на один прыжок, — проворчал он.

— Зачем же убивали? — спросил Лев. Сам он подошел в последнюю секунду, когда сбитая планка уже висела в воздухе.

— Движения хочется, — вздохнул поэт. — Пусть замедленного, хоть какого-нибудь. Надоели фотографии. Жуткое чувство: весь мир заснул, а мы ночные дежурные. Временно выключились из времени. Скорее бы назад, в нормальную жизнь! Вот истекут мои третьи сутки и в ту же секунду сорвусь.

— А кто вас держит? — спросил Лев. — Разве обязательно надо досиживать трое суток?

— Совесть держит, — сказал поэт мрачно. — Такое вредное чувство. Взялся, подрядился, обещал, не могу не выполнить. Клянусь себя, но корплю, терплю и корплю.

— Но здесь так интересно, — сказал Лев. — Передний край науки. Все открытия делаются здесь. Центр мысли.

— Ну да, мысли здесь, а жизнь там. Мой совет, не застревай тут, молодой человек. И не проси продления, не умоляй. Впрочем, все равно не дадут. Трое суток — и точка.

— Я не застряну, — сказал Лев извиняющимся почему-то тоном. — Меня привезли на три часа, сегодня же отправят обратно.

— Счастливчик! Почему так скоро?

Лев объяснил.

И тогда лохматый поэт сказал сурово:

— Никуда ты не уедешь, парень. Тоже застрянешь, по глазам вижу.

— Почему по глазам?

— Потому что не сволочь, — отрезал поэт. — По глазам это видно.

Он оказался пророком, этот мрачный скептик.

23 мая. 20.30—21.18

Лев составил свои списки, а Клаккл — свои, и дело у него подвигалось, тем более что гости приходили все реже и реже. Видимо, основные вопросы исчерпали, а до уточнений еще не дошли. В результате Клаккл без помех мог с самого утра сидеть со своим секретарем-переводчиком, обсуждая каждую кандидатуру на спасение из тысячи наинужнейших.

Сам себе Клаккл казался очень принципиальным, но при всех своих благих намерениях все же был пристрастен. На тысячу очередников — первой и второй очереди — пришлось девятьсот жрецов, прочие места были отданы властелину, его родне и придворным. Среди жрецов в подавляющем большинстве были младшие, практики, Лев сказал бы «технари» — посвященные в тайны звезд, чисел, руд, камней, дворцов и мостов. И конечно, все поголовно были из Нижнего царства. Клаккл просто не знал никого в чужих странах. Конференций на Тое не было, монографии не издавались и не переводились; тайны передавались изустно, шепотом, чужестранцам не выдавались даже под пыткой.

— А простые люди? Мастера? Земледельцы? — напоминал Лев.

— Серая скотинка, — отмахивался тоит. — Роятся в грязи, храмов не видят даже.

— Но храмы-то они строили.

— Храмы создавали жрецы. Волю богов воплощали в камне.

Лев вспоминал некрасовское: «Папаша, кто строил железную дорогу?» — «Инженеры, душенька».

В конце концов десять раз перечеркнутый и переправленный список был переписан набело. Клаткл потребовал аудиенции у «верховного жреца волшебного города под колпаком». Имелся в виду Гранатов.

Лев пожал плечами, но пошел к секретарю Гранатова. Результат получился неожиданный. Президент пригласил к себе Льва без тоита.

Польщенный юноша добрых пять секунд просидел в кабинете Гранатова, восхищаясь быстротой и точностью президента. На селекторе один за другим вспыхивали экраны. Гранатов выслушивал, давал четкие указания, тут же сам кого-то вызывал на экран, мгновенно переходя от одного дела к другому, казалось бы, противоположному. Лев дивился, сколько знаний вмещается в этой седой с залысинами голове и сколько тем эта голова может держать в себе одновременно. По любому вопросу Лев попросил бы неделю на размышление.

Впрочем, как выяснилось, и Гранатову требовалось время на размышление.

— Я просил вас зайти, — сказал он, выключая все экраны, — чтобы заранее узнать, что хочет наш гость. Вероятно, вы в курсе. Не хотелось бы обидеть его недоразумением.

Лев рассказал про списки.

— А зачем эти списки?

Лев объяснил:

— Клаткл не верит в будущие открытия. Заботится об элите. И очень боится, что властитель и его солдаты отстранят жрецов — носителей культуры, по его мнению.

— И в списке жрецы?

— Почти одни жрецы.

— А женщины? А дети? А рабочие?

Лев повторил слова Кляктла о серой скотинке.

Гранатов усмехнулся с горечью:

— Значит, жрецы — всё, землекопы — ничто. И владыки отстраняют жрецов, а те отпихивают землекопов. Хороша компания... Нет, без сомнения, надо спасать всех поголовно. Вы растолкуйте этому жрецу-технократу, что мы можем спасти всех до единого. Объясните понятнее. Если слов не понимает, нарисуйте картинку. Помните, я говорил про зайца и орла: можно убежать, можно спрятаться. Может быть, так дойдет?

Можно представить, как старался Лев. Он подготовил лекцию для Кляктла, отредактировал, прорепетировал. Высокохудожественную картину «Заяц и орел» не грешно было бы повесить на стену Малого зала. Но безуспешно. Кляктл выслушал, но не поверил.

— Я жрец, посвященный в тайны, — сказал он. — Я умею отличать правду от сказки. Вы добрые люди с добрыми намерениями, но вы не боги. Силы смертных ограничены. У вас есть один корабль на тысячу тоитов. Вы постройте еще один, еще один, но не тысячи. Иди еще раз, мальчик, проси прием у хранителя тайн вашего города.

Аудиенция состоялась с теми же самыми разговорами об избранных и серой скотинке.

— Списки не понадобятся, — уверял Гранатов. — Мы спасем всех ваших соплеменников и всех сопланетников. Тоит стоял на своем:

— Прилежный всадник пускается в путь на рассвете. Нехорошо задерживать его напутствиями и обещаниями. У вас есть корабль, вывозите первую тысячу. Не надо терять дорогие дни.

— По списку, составленному вами лично? — спросил Гранатов не без язвительности.

— Добавьте по своему списку, — ответил Кляктл.

Гранатов положил бумагу в стол.

— Хорошо, обещаю вам, что через три дня, если не будет ощутимого успеха, мы приступим к эвакуации.

— Какая цена трех дней?

— Я имел в виду темпоградские дни. Вы же убедились, что у нас время идет иначе.

Клаккл вежливо промолчал. Он не верил, что время идет иначе где-нибудь. И тут же неожиданно для Гранатова и для Льва объявил:

— Прошу меня немедленно отправить к Верховному толкователю. Я не могу ждать три дня.

Гранатов привстал, несколько смущенный:

— Разве мы плохо вас принимаем? Если нуждаетесь в чем-либо, скажите. Вы нам очень нужны, вы незаменимый консультант. Спешить некуда, в Москве уже темно, вы вернетесь ночью. Все равно ваши товарищи спят уже. Побудьте у нас до утра хотя бы.

— Отправляйте немедленно, — требовал тоит, важно глядя снизу вверх на Гранатова. — Толкователь отпустил меня только на один день. За послушание у нас рубят голову. Кроме того, я болен. Здешний воздух меня отравляет. — Клаккл, засучив рукава, показал какие-то пятна на локтях.

Гранатов вопросительно посмотрел на Льва: «Что за пятна?» Но Лев не замечал их раньше, не знал, болезнь это или предлог.

— Немедленно! — повторил тоит и вышел за дверь, как бы отсекая возражения.

Президент жестом остановил Льва. Прошелся по кабинету в волнении:

— В чем дело, дружок? Мы обидели гостя?

— Он просто не верит нам, — сказал Лев. — Не верит в ускорение времени. Вообще думает, что мы преувеличиваем свои силы, нечаянно или нарочно.

— Не верит! А может, и в самом деле болен? Тогда удерживать нельзя. Обойдемся как-нибудь. Заставим их в Москве дежурить посменно, чтобы отвечать на наши

вопросы. Но вас, друг мой, придется попросить посидеть у нас до утра. Сами понимаете, заменить переводчика не так легко. Надеюсь, не подведете?

Лев вспыхнул:

— Я не тоит, я гражданин Земли. Буду там, где нужен.

— Ну вот и хорошо, оставим вас до утра. Не бойтесь, зря время не пропадет. Ведь вы студент, кажется. Вот и занимайтесь в свободное время. Подыщем вам консультантов, найдется кому зачеты сдавать. Договорились?

Гранатов протянул руку на прощание... и тут Лев решился. Невозможно было откладывать. Без Клакта едва ли он попадет в этот кабинет... а другие поймут ли? Но все-таки страшно было начинать разговор. Вдруг президент рассердится, высмеет, выгонит...

— Извините, я хотел бы, если вас не очень затруднит... конечно, это слишком смело с моей стороны, но, если вы позволите, я скажу... я займу не слишком много времени....

— Соберите мысли, молодой человек. Говорите четко.

— Мне кажется, вы упустили из виду одну возможность.

— Упустили? Мы? Что именно?

— Охотника.

— То есть?

— Вы сами сказали: когда орел нападает на зайца, у косоного два пути спасения: убежать или спрятаться. Но если рядом охотник, он может вмешаться...

— Хм! — сказал Гранатов. — Ну и как же вы собираетесь подстреливать... Лямбду В? Взорвать? Поздно. Она уже близко. Взрыв уничтожит Той все равно.

— Извините, Юрий Валентинович, я сейчас объясню. — Лев заторопился, боясь, что президент отошлет его, не давая досказать. — Я сказал «вмешается», а не «подстрелит». Я имел в виду «прогонит». Профессор Юстус, когда он выступал в Академии Времени, несколь-

ко раз повторил, что первопричина взрыва новых — излишек гравитации. Говорил, что взрыв прекращается, как только новая теряет часть массы, примерно тысячную часть, и этот излишек снимается. Значит, если мы снимем его заранее как-то, взрыва не будет.

Лев выпалил все это разом и отступил поеживаясь. Сейчас великий ученый поморщится, усмехнется, снисходительно похлопает его по плечу, дескать, учись, мальчик, сначала, потом лезь с советами. И, протянув руку на прощание, презрительно процедит: «Не забывайте, что я не школьный учитель. Не мое дело ошибки подчеркивать, детские недоумения разрешать».

— Хм, — сказал Гранатов на этот раз озадаченно. — Ну а как же вы будете уменьшать тяготение? Отколете кусок звезды? Тоже взрыв. Взрывать уже поздно; Той сгорит все равно.

— А нельзя ли попробовать? — Лев уже спрашивал, а не предлагал: — Нельзя ли поставить щит против тяготения, такое зеркало, как у профессора Ганцевича?

— Щитов против тяготения нет, молодой человек. Разве вы этого не проходили в школе?

— Проходили, безусловно, проходили. Но, Юлий Валентинич, вы простите, что я возражаю, но вы сами говорили, что у вас в запасе десять лет темпоградских. Можно что-то придумать за десять лет.

Гранатов молча смотрел на него с легкой улыбкой, не то иронической, не то снисходительной. Лев молчал. Стоял, понутив голову, ждал, что его прогонят.

— Садитесь, юноша, — сказал Гранатов. — Рассказывайте, как это вам в голову пришло.

— Все после разговора с вами, — начал Лев, взывав духом. — Вы велели объяснить тоиту как можно нагляднее. Ну я начертил таблицу по вашим словам: два столбца — бегство и укрытие, две строки — для населения, для всей планеты. Но Клаккл таблицу не понял. Тогда я нарисовал картинку — с зайцем и с орлом.

Там все было: заяц убегает, заяц прячется в норку, заяц прячется в быстрое время — маленький такой становится, что орлу его и ловить незачем. Ну и сбоку пририсовал человека с телескопом, который смотрит на крышу, на зеркало профессора Ганцевича. Кляксл опять не понял, телескопов у них нет. Спросил: «Что это, копые такое? Орел улетит, испугается?» Ну я начал разубеждать, а потом подумал: «Верно, и такая возможность может быть — воздействие на звезду: охотник пугает орла, охотник стреляет в орла. Третий столбец должен быть в таблице — воздействие на Лямбду В. Начертил, начал думать: как заполнить? А у вас две строки — «полностью» и «частично». Полностью — взорвать звезду. Частично — уменьшить тяготение. Как?

— Вас так учили — рассуждать, заполняя таблицы?

— Нет, это я сам... вычитал у Яккерта, в книге о Менделееве.

Лев и сам не заметил, как рассказал всю свою коротенькую биографию: про оси изведенного, упирающиеся в неведомое, про берега познания, даже про неоткрытые элементы — мальвиний и януарий, про неоткрытые планеты — Мальвинию и Януарию. Только о Винете Лев умолчал. Впрочем, Гранатов и так догадался.

— Вас понял, — прервал он неожиданно. — Значит, договорились: до утра вы остаетесь. Как переводчик вы незаменимы, говорю откровенно. Гордиться тут нечем — это не ваша заслуга, а темпоградская. Вы больше месяца изучаете тоитский язык. А столбец охотника мы обдумаем, обсудим, просчитаем...

— Если бы вы разрешили мне... — начал Лев.

— Принять участие? Нет, не разрешу, — сказал Гранатов резко. — Не считаю целесообразным. Вы не физик, не математик, не конструктор, опыты ставить не умеете, командовать не сможете — это вам не по плечу. Да и не надо вам конструировать приборы, у вас способности иного рода. Вы по натуре универсал, все-

охватник — «омнеолог» — по терминологии вашего любимца Яккерта. Учитесь охватывать все — к этому у вас склонность. Руководителя подберем, программу составим, я сам буду давать вам задания время от времени. За три дня — за четверг, пятницу и субботу кончите курс. Явитесь к девушке уже с дипломом. Надеюсь, она не разлюбит вас до воскресенья. Но чур, условие: прошу не зазнаваться. Впрочем, если зазнаетесь, пользы от вас не будет, отправлю раньше. А сейчас идите к моему секретарю и пишите заявление: «Я, такой-то, прошу разрешить мне работать в Темпограде в течение трех суток...» — трое суток, больше не полагается... «в качестве», скажем, «переводчика с тоитских языков...».

Лев вылетел из кабинета на крыльях. Сам Гранатов похвалил, увидел способности, назвал незаменимым, обещал давать личные задания. Тело исчезло. Лев парил в невесомости; голова кружилась, как некогда, в незапамятные времена — сегодня днем по московскому времени, когда он сидел рядом с Винетой.

Три года терпения... и через три дня (московских) он явится к Винете, размахивая новеньким дипломом. Поздравь меня — я специалист-омнеолог. Не веришь? И расцелует удивленные и сияющие глаза.

А если бы Лев слышал еще, что говорил в это время Гранатов своему исполнительному помощнику:

— Кажется, у меня находка, Гельмут. Студент, мальчишка, знаний кот наплакал, опыта никакого, но любит думать. Со вкусом мыслит. Такое и у научных сотрудников не всегда встречаешь. Сколько у нас торопыг, которые хватаются за арифмометр, даже не продумав условия задачи. Складывают, вычитают, умножают и полагают, что это и есть вся научная работа.

— Верхоглядства не получилось бы, — проворчал Баумгольц. — Перехвалишь мальчишку, возомнит, голова закружится. Вырастим Манилова. Портишь ты людей. Посмотри-ка лучше смету!

Винета знать не знала, ведать не ведала, что ее друг в другом городе, да еще в другом времени вдобавок. У Винеты дни заполнены до отказа, дела, дела — общественные, домашние, спортивные, артистические, студенческие... Приближалась весенняя сессия, пора было готовиться к экзаменам, анатомию зубрить. Студенты XXI века все еще учили наизусть латинские названия 218 человеческих костей и 440 мускулов. Ради сессии приходилось манкировать необязательными предметами. И Винета с легким сердцем поручила Льву факультатив по лингвистике, быстренько простилась, условившись о вечерней встрече, и помчалась... на стадион, в баскетбол играть. Не могла отказаться, ребята очень просили. Заболела главная нападающая, надо было ее заменить. Винета ростом не вышла, не так уж часто укладывала мячи в корзину, но бегала она резво, пасовала точно, успевала блокировать. В общем, полезно работала на поле. А Лев в это время убеждал в Космограде тоитов, что люди Земли желают им добра.

...Все равно медики проиграли с обидным счетом 64 : 66. Поражение надо было обсудить в кафе за пломбиром с клубникой. Винета не уклонилась. Некрасиво было бы убежать, когда товарищи огорчены, некрасиво уклониться от упреков в промахах. В какой-то момент Винета вспомнила про Льва, отошла в сторонку, чтобы

перекинуться с ним словечком, но номер не отвечал. Лев уже был на пути в Темпоград, исходил потом в сухой бане разновременной однопространственности. Винета не стала тревожиться, она и сама выключала видеофон на стадионе. Мало ли что бывает, не всегда удобно отвечать. Вернется домой, позвонит еще.

Но вернуться сразу после кафе не удалось. Катя, капитан их команды, пригласила Винету в концертный зал. Винета не устояла. Дома слушаешь урывками, тысяча хозяйственных дел: то мать подзывает, то видеофон. К тому же Винета любила толпу, наслаждалась многолюдьем, нарядной пестротой платьев, всеобщим оживлением в фойе, ты смотришь, на тебя смотрят. И главное: во втором отделении должен был выступать самолично Олег Русанов — ее любимый поэт.

Второе отделение начиналось как раз тогда, когда Лев прибыл в Темпоград.

Поэт вышел на сцену с гитарой, инструмент положил на стул, а сам подошел к микрофону, постучал ногтем, кашлянул и, глядя прямо в глаза Винете, сидевшей в первом ряду, сказал:

— Я прочту стихи из нового цикла. Вероятно, я назову его «Стекла вдребезги» — в таком роде. Почему? Я полагаю, что в нашей жизни слишком много стекол — микроскопы, телескопы, очки, окна, витрины, шкафы стеклянные, зеркала, всякие приборы с циферблатами. Мы смотрим на мир через стекло. Мысли наши витают в зателескопном, замикроскопном зазеркалье. Сами себя загнали в стеклянную клетку. Без стекла не умеем видеть... не замечаем самого интересного.

«Стекла вдребезги» — так и называлось первое программное стихотворение.

Предгрозовой порыв ветра вырвал ставню из рук, стекла посыпались на пол, и в душную комнату ворвался аромат сада: запах свежести, мокрой листвы, мокрой зелени и бодрящего озона.

...«Капельки крови» — о том, как сверкает красное на зеленом. На листе подорожника капля крови из порезанного пальца. И не капельки ли крови живой природы превратились в бусинки смородины, в искорки земляники в густой траве?..

...«Гимн сойке» — песнь о хлопотливо крикливой мамаше-наседке, отважно налетающей на вороватого кота, который улепetyвает по дорожке, прижав уши.

И опять о грозе — ночной, зловещей, когда деревья качают головами-кронами, хлопают крыльями-ветвями и мрачно гудят. Деревья или лесные демоны?

Стих о шиповнике. О душистом горошке. О рябине, до зимы доносящей алые блики летнего солнца. О первом снеге. Об оттепели. О белозубой девушке. О курносой девушке. О кудрявой девушке. О быстроглазой девушке. О любви, о любви, о любви...

Из затемненного зала сыпались на сцену записки. Русанов развернул одну:

— Меня тут просят спеть. Что именно?

— «Не понимают», — чей-то голос из тьмы...

Поэт взял гитару со стула, прошелся пальцами по струнам и, наклонив голову, как бы прислушиваясь к мелодии, запел хрипловатым тенором:

Он говорил: «Меня не понимают,

Я окружен холодными людьми,

Они меня за цифру принимают,

О милая, пойми меня, пойми...»

И вздыхали в зале непонятые юноши, достойные любви и угнетенные экзаменами. Утирали слезы растроганные девушки, готовые понять и оценить. Винета тоже шмыгала носиком и качала головой сочувственно: «Да-да, именно так, Льва тоже трудно понять, но она приложит усилия, постарается. Кстати, кажется, пора, как бы не опоздать. Но очень хочется послушать до конца. Пусть подождет немножко, пусть помучится, радостней будет встреча».

Пока Русанов выступал, Лев знакомился с Темпоградом, составлял с Клактлом списки жрецов первой очереди и додумался до идеи охотника.

В раздевалке после концерта Катя призналась, что у нее не случайно оказался лишний билетик. Неожиданно Он не захотел пойти. И надо было всесторонне обсудить, почему Он ведет себя так странно и непоследовательно. Винета советовала спросить напрямую. Она была решительным человеком, сторонницей активных действий, презирала выжидательную политику, тогда как рослая Катя, звезда стадиона, королева баскетбольной корзины, проявляла робость и плаксивую пассивность. В конце концов Винета сама вступила с Ним в переговоры; Катя же смотрела через ее плечо на экранчик. После этого надо было еще обсудить Его неопределенные слова и странную мимику, найти оправдания Его уклончивости. Винете было ясно, что Он не любит Катю, но нельзя же было повергнуть в отчаяние королеву баскетбола, все искавшую намеки на чувство там, где не было ничего. И счастливая Винета стеснялась торопить неудачницу, тратила время, урезая часы собственной любви. Наконец, простившись, примчалась домой уже в одиннадцатом часу. (Лев был в это время в кабинете Гранатова. А в саду под сиренью его не было.)

Но Винета не волновалась. Договорились неопределенно — «вечером». Даже хорошо, что Лев придет позднее: есть возможность умыться, переодеться, перекусить не мешало бы тоже. Винета умылась и переоделась с редкостной для девушки быстротой — за каких-нибудь четверть часа. Поужинала — еще четверть часа. Что же Лев опаздывает? Если не мог прийти, надо было предупредить. Винета схватилась за видеофон. Да он у нее выключен! Как села в кресло в концертном зале, так и выключила. Наверное, бедняга звонил тысячу раз. Винета сама попыталась вызвать Льва, безуспешно, разумеется. С Темпоградом не было прямой связи, да и все

равно, при разнице темпов разговора не получилось бы.

И усталая Винета почти с облегчением легла в постель. Засыпая, мысленно послала Льву тысячу поцелуев. Подумала: «Я виновата, может быть, но ты у меня хороший, не станешь дуться по пустякам. Завтра я увижу тебя обязательно».

Назавтра продолжалось то же коловращение. Конечно, Винета проспала, пренебрегая завтраком, помчалась в клинику. Потом в общежитии готовились большой компанией, натаскивали друг друга по анатомии. Потом надо было навестить Геруту в родильном доме, а для Саны подобрать иллюстрации. Такая дуреха эта Сана, потеряла курсовую работу по дороге в типографию, всей группой ее выручали. Винета распределяла, кому что сделать, на себя взяла самое трудоемкое. Только перед сном вспомнила о Льве и даже обиделась немножко. Да, она виновата, не подумала о нем, не позвонила, но ведь это видеофон не выключался. Почему негодный мальчишка молчал? Зазнался, понравилось, что к нему бегают с извинениями. На этот раз не дождется. Надо его проучить. Пусть помучится, авось догадается набрать номер.

Винета решила не притрагиваться к видеофону. И не притрагивалась два дня — весь четверг и пятницу — до позднего вечера.

Ей нетрудно было выдержать характер. Дел невпроорот, зовут туда и сюда, некогда задумываться и терзаться. Да и не терзалась она никогда, как Катерина. Винета и представить себе не могла, что кто-нибудь, полюбив ее, потом разлюбит.

К вечеру пятницы, сдав анатомию, Винета забеспокоилась. Почему такая упорная невнимательность? Может быть, Лев нездоров. Набрала номер. Ручной видеофон Льва все еще был выключен. Поколебавшись, Винета запросила в справочной номер матери Льва. Мама долго выпрашивала, зачем нужен Лев, по каким де-

лам — служебным, учебным, личным, просила стать против света, чтобы рассмотреть лицо знакомой сына. Одинокая женщина ревниво относилась к сверстницам сына, в каждой девушке видела потенциальную разлучницу. Нехотя выдавила наконец, что Левушка в научной командировке, где-то под Москвой, вернется, вероятно, в воскресенье. О том, что Лев находится в Темпограде, она не знала сама, сын предпочел ее не беспокоить.

В командировке? И не сообщил об отъезде? Ах, нехороший ты, Лева, заслуживаешь сурового наказания. Когда вернешься, окатят тебя ледяным душем. Впрочем, может быть, ты и пробовал сообщить, легко ли связаться с Винетой? Главное, что жив и здоров, а чувства выяснятся при встрече.

И успокоенная Винета улеглась в постель с томиком Русанова. Она любила почитать на сон грядущий.

Лев в это время уже приступал к своей дипломной работе. Она называлась «К вопросу о перспективных открытиях на оси малых размеров». Гранатов сам утвердил эту тему. Все время направлял его на общий обзор, прогноз путей развития науки. Лев трудился с охотой и усердием. В сущности, он дополнял свои любимые тетрадки и графики с осями Жерома. В данном случае продолжение оси размеров — самой интересной для Темпограда — на ней и уменьшение и ускорение времени. На оси всякая мелюзга — мышки, птички, жучки, червячки, инфузории, бактерии, вирусы, молекулы. За молекулами атомы — достижения XIX века, XX век пошел глубже — открыл атомные ядра и оболочки, затем частицы атомного ядра. Из чего состоят частицы? XXI век добавил невыразительные цифры: сотые, тысячные, миллионные доли электрона. А доля минус двадцать четвертого порядка была получена в лабораториях Темпограда. А еще глубже? Ничего устойчивого, ничего определенного, утверждали теоретики. Не имеет смысла копать дальше.

Конечно. Лев ратовал за продолжение опытов. От этих опытов теперь тянулась ниточка к планете тоитов. «У окна стоящий» всегда уверен, что самое интересное за горизонтом впереди.

В Темпограде было мало развлечений и много времени для работы. Хотя Льву пришлось вернуться на первый курс и начать заново, все равно за три дня — за три темпогода — он прошел весь курс омнеологии и благополучно защитил диплом в ночь с субботы на воскресенье, в 4 часа 22 минуты с секундами. Винета в это время сладко спала, свернувшись калачиком. Томик Русанова — рядом, на полу. И Винете снился Лев. Будто бы стоит в дверях, в синем с белым вязаном костюме и торопит: «Скорей, скорей, уже гребной сезон, лодки надо захватить получше». А у Винеты, как назло, именно в этот момент что-то случилось с блузкой... Она суетится, а Лев торопит: «Скорей же, я так спешил к тебе...»

Не в руку сон.

Отложил Лев свой приезд. Решил задержаться на все воскресенье, еще на темпогод.

Вообще-то не полагалось превышать трехгодичную норму. Медики возражали, они еще не проверили, как скажется на здоровье длительное пребывание в быстром времени. Но Гранатов имел право в исключительных случаях давать отсрочку самым нужным, оставлять еще на три темпогода не более одного процента ученых. Имел такое право. Не обращаться же каждый раз в Академию Времени. Там прочтут через полгода, а ответят через полтора. Вот время и прошло.

Конечно, Гранатов очень был доволен, что его протезе не хочет расставаться с Темпоградом.

— И чего они угнетают нас, в сущности? — ворчал он, подписывая разрешение. — В космосе испокон веков люди работают месяцами и годами. Сколько нужно, столько работают. Крутятся на околопланетных орбитах, сидят на станциях, к звездам летят-летят-летят.

По двадцать лет летали, пока не появился МЗТ. У нас же условия куда легче — город, а не каюта. А надоело — уходи, отправляйся домой в любую минуту. У астронавтов нет такой возможности. Из корабля не выскочишь, как бы ни тосковал по Земле, по дому.

Темпоградцы сами заваливали Гранатова заявлениями об отсрочке. Увлеченному исследователю трудно было расстаться с быстрым временем. Отсюда уезжать приходилось навсегда, бросать работу, не рассчитывая на продолжение. Невозможно было отлучиться на месяц в отпуск, даже на недельку для лечения. «Неделька» — это семь дней, семь лет темпоградских, а семь лет — эпоха в науке. Погулявший семь лет дисквалифицировался, ему приходилось учиться заново. На свое место уже не вернешься; твои задачи давно решены, появились новые задачи, новые методы, новое оборудование; все надо осваивать заново. Отлучиться же на полдня было невозможно практически. Межвременное перемещение выматывало; Лев на себе испытал. Дорога в Темпоград выпаривала, возвращение в Большой мир промораживало. После такой экскурсии отсыпаться надо было двое суток. Ты отсыпался, а в Темпограде шли годы. Вот и отстал, выбыл из дела. И темпоградцы знали, что туда-обратно из одного времени в другое не покатаешься. И если ты нужен, если не завершил дело, если у тебя совесть настоящего ученого — повремени с отдыхом. Со скучился, надоело, устал, рвешься к родным или на природу — потерпи, поступи своим нетерпением. В Т-граде от твоего бегства будет явный ущерб, а в Большом мире ничего не изменится. Ждут тебя три дня, подождут четвертый.

И тут еще припутывалась суточная инерция. Не во всякий час удобно возвращаться. К чему спешить, если снаружи середина ночи, или же раннее утро, или начало дня, когда близкие на работе. Все равно придется ждать их, сидя в пустой квартире. Прямой смысл отложить

отъезд часика на четыре, на шесть или на восемь. А восемь часов — это четыре темпоградских месяца; четыре месяца не будешь сидеть сложа руки, начнешь какое-то дело, втянешься. И окажется, что в назначенную минуту нельзя уезжать, товарищей подводишь. Провозишься час-другой-третий, а в Большом мире уже ночь. Стоит ли торопиться на ночь глядя?

Оттягивались свидания, откладывалась и переписка. Из Темпограда посылали письма, поскольку прямой связи не было — ни видеофона, ни телефона. Говорилось уже, что, живя в разных временах, нельзя беседовать друг с другом. И темпоградцы вынуждены были, как в прошлом веке, садиться за стол или магнитофону диктовать отчеты о своем здоровье, времяпрепровождении, делах, планах, намерениях, любви и тоске...

Но и письма откладывались из-за суточной инерции. Стоит ли садиться за стол именно сейчас, на ночь глядя? Все равно почта доставит отчет к утру, читать будут утром, часов через восемь. А восемь часов — это четыре темпомесяца, до той поры столько событий произойдет, столько раз изменится самочувствие и настроение.

Лев прибыл в Темпоград в среду после семи вечера, рассчитывал через два-три часа вернуться в Москву, примчаться к Винете, огорошить ее сенсацией: «А ты знаешь, где я был? Угадай попробуй!» Не хотел он ничего сообщать, сюрприз портить. Решающий разговор с Гранатовым состоялся в одиннадцатом часу по московскому времени. Пожалуй, о трехсуточной задержке имело смысл известить, но телеграмму доставили бы к часу ночи, разбудили бы Винету. Нет, пускай она поспит спокойно. К утру там видно будет, может, и сорвется этот удивительный трюк с превращением студента в специалиста за три дня. К утру, однако, оказалось, что ученье идет успешно, к воскресенью у Льва будет диплом. Сцена с сюрпризом казалась все заманчивее. Лев

решил ничего не писать, явиться неожиданно. «В самом деле, не разлюбят же за три дня», — думал он.

Он защитил диплом своевременно, как выше сказано: в ночь на воскресенье, в 4 часа 22 минуты с секундами. Защитил, отпраздновал, мог бы вырваться из Темпограда... но не вырвался. Очень уж волнующий был момент. Как раз в это время разгорелась дискуссия: «Зонт против Меча». «Зонтиком» называли идею, предложенную Анджеем Ганцевичем — создание непроницаемой крыши над планетой Той, а «Меч» подсказал Лев: рассеечение звезды или поля ее тяготения. Технически они оказались сходны, даже аппаратура сходная, хотя Зонт требовал уплотнить вакуум, а Меч — рассечь. Но все же идеи соперничали, потому что технику, достаточно громоздкую, надо было изготавливать на тех же заводах и пересылать по одной-единственной ниточке МЗТ. Что же лучше? Яростные споры не прекращались в кабинетах и аллеях. Лев, инициатор и вдохновитель Меча, не мог остаться в сторонке. Он рвался в бой даже с самим Гранатовым. И решил задержаться до вечера или даже до утра понедельника. Вероятно, Винета ждала его в воскресенье, можно было бы известить о задержке. Но Лев не стал извещать. И не только ради сюрприза.

В школьные годы, увлекаясь фантастикой, Лев не раз читал героически-сентиментальные истории о космонавтах, умчавшихся к звездам с субсветовой скоростью, проживших в замедленном времени ракеты десятки земных лет за несколько суток, и об их долготерпеливых невестах, верно ожидавших суженого десятки лет. Впрочем, чаще космонавты женились на молоденьких внучках своих бывших невест, на девушках, как две капли воды похожих на бабушек в юности.

Темпоград вывернул этот сюжет наизнанку. От девушек Земли не требовалось никакого геройства, им ничего не стоило дожидаться. Вся тяжесть — и труд и ожидания — ложилась на путешественника во времени — тем-

понавта. Ему доставались годы и годы ожидания, его долготерпение испытывалось. И хотя соблазнов было не так уж много в Темпограде, своим чередом шло время, выветривающее горы и чувства. Сам Лев изменялся, вырослел, становился рассудительнее. Робкий и восторженный студент превратился в уверенного специалиста, влиятельного референта самого Гранатова. Президенту он писал докладные записки, для президента составлял обзорные таблицы с выводами, мысленные отчеты о виденном, прочитанном и продуманном готовил для президента, не для Винеты. И не так уж часто, не каждую минуту, даже не каждый день, вспоминал о девушке. Не без труда вызывал в памяти загорелые щеки с персиковым пушком, прищуренные смеющиеся глаза. Ведь фотографии у него не было с собой. Прежнее чувство казалось теперь таким детским и наивным, немного надуманным. Была ли это настоящая любовь? Льву хотелось проверить сердце, встретиться, посмотреть на Винету взрослыми глазами. Вспыхнет ли прежнее волнение? Встреча покажет. И незачем оповещать Винету заранее, не надо ни обещать, ни отпугивать, решая свою судьбу заочно. Все решит встреча. А состоится она в воскресенье или в понедельник, для Винеты не составляет разницы.

Меч или Зонт, Зонт или Меч? — только об этом и шли споры всю ночь на понедельник. Либо Меч, либо Зонт. Казалось, безнадежно забракованы все другие проекты: «Камбала» — подводные убежища, «Крот» — подземные, «Мини-норка» — гранатовское бегство внутрь секунды, не говоря уже о «Дилижансе» — перевозке тоитов на Землю, которую все еще отстаивал неговорчивый Баумгольц.

Но в понедельник утром вдруг, неожиданно для всех, группа Баумгольца вырвалась вперед. Ей удалось сочетать МЗТ и МВТ. Что это означало? Отныне отменялись изнурительные, для пожилых ученых небезопасные путе-

шествия в однопространственном безвременье. Теперь можно было перебираться мгновенно из Темпограда в Москву, в Америку, на Луну или на Той, а с планеты Той — в Темпоград. И можно было хоть сейчас начать эвакуацию, превратив Темпоград в перевалочный пункт.

Однако случилось — бывают такие парадоксы в технике — что изобретение Баумгольца помогло не ему, а его соперникам. Ведь объединенный транспорт при всех своих достоинствах облегчал только перевозку, но не снимал всех прочих трудностей эвакуации: сбор рассеянных племен, расставание с родной планетой, расселение на чужой, непривычная жизнь, шероховатости несовместимости. Перевозка облегчалась технически, оставалось нелегкое вмешательство в двадцать миллионов тоитских судеб и миллиарды человеческих.

Зато отменялось соперничество Меча и Зонта. Транспортировка грузов перестала быть проблемой. Можно было переправить на Той аппаратуру для обоих проектов. Так и было решено: и Меч и Зонт для верности.

Рабочие чертежи были изготовлены, размножены, ушли на заводы Большого мира. Начали подбираться бригады монтажников и группы действия. Лев попросился в группу Меч, конечно.

— Жалко отпускать тебя, — сказал Гранатов. — Честно говоря, готовил я тебя в помощники Гельмуту. Ему нужны люди с идеями. Сам он может придумать что угодно, но не решается придумывать. Однако насильно держать не буду. Отпущу. Но подготовь себе смену. Нам необходим хороший переводчик с тоитского. Сам знаешь: равного тебе нет на Земле.

Лев знал и не гордился. Земля третью неделю изучала тоитские языки, а он уже четвертый год возился с фонограммами, поступавшими в ответ на запросы Темпограда. Без сомнения, он обязан был подготовить смену. Из-за смены и вышла новая задержка.

Льву дали трех учеников — двух аспирантов-лингвистов и молодую женщину, Сусанну, или просто Жужу.

В маленьком скученном Темпограде Лев не раз встречал ее раньше: в парке, на концертах, праздничных вечерах; давно уже обратил внимание на ее пышные черные волосы, широко открытые темные глаза, на выпуклые губы, тоже казавшиеся темными на бледном, скульптурно очерченном лице. Конечно, Жужа была одной из самых красивых женщин Темпограда. Впрочем, в этом городе не так уж много было женщин.

Но ослепительные красавицы редко бывают прилежными. Лев без энтузиазма принял чернокудрую ученицу и был приятно разочарован. У Жужи оказалась превосходная память и абсолютный музыкальный слух (немаловажное достоинство для языковеда). Кроме того, она старалась: упражнялась гораздо больше и вела записи аккуратнее, чем аспиранты, для которых тоитский язык был добавочной, побочной нагрузкой. Со временем Жужа даже превзошла своего учителя. Лев не слишком доверял своему слуху и голосу и предпочитал изъясняться с помощью магнитных лент.

Жужа жила чувствами, не рассудком. О проблемах и принципах размышляла редко. Как и все современники Льва, в школе твердо усвоила, что смысл жизни в труде, в том, чтобы делать подарки. Слыхала, что самый

радостный труд — творческий, но в силу пассивности своего ума не склонна была творить и всякую работу считала творчеством. Училась прилежно, поскольку полагалось учиться, но до конца года не заглядывала в последние главы учебника. Знала, что все люди друзья, но любовь выше дружбы. С нетерпением ждала, чтобы настоящая любовь пришла к ней.

Все эти истины о любви, дружбе, творчестве и труде она принимала, считала неоспоримыми и потому не требующими внимания. Истины были, как небо над головой, нечто великолепное, но слишком далекое, недоступное... Образно говоря, Жужа не рвалась в космос, предпочитала ходить по земле. Разумные принципы она признавала, но жила все же чувствами. И они управляли ею...

Да, Жужа старалась привлечь к себе внимание. Жаждала любви, торопила любовь, в 19 лет влюбилась в своего профессора — 47-летнего темпераментного перуанца, блестящего лектора, кумира студенток, и... вышла за него замуж. Была ли это настоящая любовь? Да кто же знает точную меру любви?.. Жужу привлекали умные и красноречивые мужчины. И льстила зависть подруг, и нравилось, что муж собирается в Темпоград, возьмет и ее с собой в этот город из легенды. Жужа была влюблена, сомнений у нее не было.

О своем решении Жужа не пожалела. Жизнь в научном микрогородке оказалась приятной... Она была в центре внимания. За это приходилось платить стеснениями: не выезжать за пределы Темпограда, не купаться в море, не путешествовать, гулять только в парке у Часов. Но Жужа и раньше предпочитала многолюдное общество сентиментально-романтическим ручейкам и гротам.

Потом муж умер. Внезапно. Лег и не проснулся.

Она плакала безутешно и искренне. Ей было жалко его и страшно за себя. Страшно быть одинокой, страш-

но оставаться в Темпограде и еще страшнее уезжать в другой, Большой мир. Кому она нужна там, бывшая подруга девятнадцатилетних девчонок? Здесь по крайней мере ее знают, ее поддерживают...

Кроме того, Жужа говорила себе, что обязана довести до конца труды мужа.

Конечно, довести не смогла бы. Супруг ее был историком, специалистом по культуре инков. Доводили ученики. Жужа напоминала, торопила, готовила материалы.

Так прошел темпогод, другой. В очередной кабине МВТ в Большой мир отплыл труд покойного инковеда. Труд отплыл, Жужа сумела остаться. Не захотела переселяться в страну бывших сверстниц. И вот подвернулась работа переводчицы с тоитского, и Жужа пошла в ученицы. Занималась добросовестно, как занимаются взрослые люди, которым нужна профессия, а не диплом. И вообще, лестно было заниматься у «этого молодого многообещающего Январцева, с которым сам Гранатов носится». Жужа старалась понравиться своему учителю, заслужить его одобрение.

И понравилась.

Не вижу оснований упрекать Жужу. К пожизненному монастырскому оплакиванию умершего в XXI веке не призывали. Лев и сам нравился Жуже (она всегда восхищалась умными мужчинами). К тому же он высок и строен, с чистым высоким лбом и вдумчивыми глазами. Был он на два года моложе ее (имеется в виду, разумеется, биологический возраст). Год рождения у них совпадал, но Жужа прибыла в Темпоград на два дня раньше, стало быть, прожила на два года больше.

Тогда Январцев не знал еще, что люди по-разному любят в 19 лет и в 24. Будь Винета рядом, и чувства, наверное, были бы иные. А получилось так, что у Льва в жизни были две первых любви: первая юношеская — к Винете и первая взрослая — к Жуже. Одна, как цве-

точные лепестки — нежная и непрочная, другая, как виноградный сок — знойная, хмельная. Супружество.

...Были медовые секунды, медовые минуты и часы, был медовый год — вторник 29 мая.

Но не любовью единой жив человек. Лев не мог пренебрегать работой. Приходили послания от тоитов, их требовалось перевести, а Жужа так и не сделалась переводчицей. Кроме того, Лев все еще был референтом. И Гранатов давал Льву задания. И преинтересные, крупномасштабные. Лев был в курсе главных работ Темпограда, принимал участие во всех заседаниях президиума, почти на каждом выступал.

В результате он все чаще пропускал семейные обеды, а то и ужины, вообще не являлся ночевать, жену оставлял в одиночестве, в одиночестве отправлял на концерты и в гости. А вокруг все такие же одержимые, влюбленные в формулы и графики, живых жен забывающие ради невыразительной техники.

Жужа захотела ребенка.

Какие могут быть возражения? В третьем тысячелетии, как во втором, как и в первом и во всех предыдущих, женщина не чувствовала, что ее жизнь полноценна, если не удалось понянчить живую куклу, которую можно раздевать, одевать, укладывать и будить, кормить, мыть, следить, как она совершенствуется, учиться держать головку, садиться, стоять, кроватку трясти, ножки переставлять, произносить слова, орудовать ложкой, щеки мазать манной кашей. Допускаю, что некоторую роль играла тут и неосознанная ревность к работе мужа. Возможно, что в глубине души, подсознательно, Жужа хотела стать снова центром внимания, стержнем семьи, предметом главных забот, а не безликим спутником умного мужа.

Так оно и полагается по проектам природы. Но, увы, мужчины и в прошлые тысячелетия иногда разочаровывали своих жен. Они уходили в себя, предпочитая на-

сущным заботам о маленьком человечке игры для мускулов и тренированного ума, гонялись за журавлями в небе, забывая о синице в колыбели.

Узнав, что он скоро будет отцом, Лев всплеснул руками, расцеловал Жужу, воскликнул: «Вот и хорошо, теперь ты не будешь скучать», — и побежал на очередную дискуссию. Жужа осталась в пустой, тихой квартире... и подумала, что надо уезжать из Темпограда.

От минуты к минуте решение крепло, тем более что в Темпограде вообще не рекомендовалось растить детей. Атмосфера безвредная, но запыленная, даже чуть затхлая из-за полнейшего безветрия. Ни солнца, ни воды, ни рек, ни лесов, лифты вместо гор, искусственная гравитация, пониженная, впрочем, — не лучшие условия для нормального роста. Увезить же ребенка после родов в первые дни было бы просто опасно. Новый транспорт с золотыми ленточками, как в Межзвездной передаче, все еще проектировался, а однопространственность и взрослые люди переносят нелегко.

Врачи настойчиво советовали Жуже вернуться в естественное, реальное время. Жужа потребовала, чтобы и муж сопровождал ее.

Но как раз именно в эти часы и развернулись события, которые будут изложены в следующей главе. Лев никак не мог покинуть Темпоград, это было бы неуместно, некрасиво, даже неприлично для ученого, для референта Гранатова тем более. Лев обещал приехать через день-два. Он завершит дела и поспешит к жене. Опасаться ей нечего. Она будет у родных, в благоустроенной Москве.

Жужа обиженно напоминала, что кабина МВТ — сама по себе — нелегкое испытание, а женщине в ее положении требуется постоянный уход и забота.

— Потерпи немного, — говорил Лев. — Через полтора часа в Москву отправится группа медиков. Это идеальные спутники, куда полезнее мужа. В сущности,

что может сделать муж? Разве что врача позвать?

— Ты просто разлюбил. Хочешь от меня избавиться.

— Но пойми: у меня обязанности.

— У тебя есть обязанности по отношению к жене и будущему ребенку, Решай: служба или семья?

— Жужа, милая, нельзя так ставить вопрос. Для тебя речь идет о двух-трех днях, а здесь за два-три тем-погода я переделаю кучу дел.

В конце концов все решилось как-то случайно. Уезжал врач, и было свободное место... Не стоило упускать okazji, на семейные объяснения даже не хватило времени. Лев позвонил с работы, чтобы Жужа собирала чемоданы, через три секунды прикатил сам.

— А ты?

— Я даю тебе самое честное слово, что через полдня, максимум через сутки...

— Можешь не приезжать вообще, — отрезала Жужа и отвернулась.

Они даже не поцеловались на прощание.

И семья разделилась. Жужа ушла в нормальный неторопливый мир, где за сутки проходят сутки, Стрелецкий и Скорсби все еще играют матч на первенство мира, умирает, но не умер пока попавший в аварию аргентинский композитор, сдает, но не сдала весеннюю сессию хлопотливая Винета. Лев же остался в Темпограде, городе содержательных секунд, емких минут, результативных часов, складывающихся в очень существенные дни, где так важно для дела задержаться на часок, на денек и еще на денек и еще...

Но много ли темпоградских дней в молодости, много ли во всей жизни!

31 мая. 6 часов 9 минут

Милости просим в корабль!

Конструктор, похожий на врача в своем белоснежном халате, посторонился, пропуская на лестницу гостей. Впрочем, и корабль не был похож на корабль, ни на океанский, ни на космический. Громоздкий трехэтажный резервуар с чугунными решетками, весь обмотанный проводами, медными и цветными, и установленный на пьедестале в темпоградском парке, скорее наводил на мысли о кафе или аттракционе «Испытайте ваши нервы».

Снаружи громоздкий бак, а внутри — теснота. Заставлено все, каждый сантиметр использован, словно в подводной лодке. Шкафы, шкафчики, ящики, ящички, все позолоченные. (И тут золото — обязательный материал для пополнения потерь при ретрансляции. «Потеряешь голову — восстановим», — шутил некогда диспетчер межзвездного космодрома.) На ящиках броские наклейки всех цветов радуги, вдоль стен золотые или позолоченные трубы, белые щиты с цветными кнопками, подрагивающие стрелки на циферблатах, панно с бегающими цифрами.

— Средний этаж — это служба жизнеобеспечения, — сказал конструктор. — Ведомство Марины. Объясняйте, Марина, вы тут разбираетесь лучше всех.

— Служба обеспечения предназначена для сохране-

ния здоровья и создания условий для нормальной деятельности экипажа, — затараторила тоненькая светловолосая девушка в халате, туго перехваченном пояском. Она выглядела совсем девчонкой, сыпала слова как школьница, вызубрившая длинный стих наизусть и старающаяся досказать, пока не вылетело из головы. Сыпала словами, чуть заикаясь от волнения и встряхивая головой, чтобы убрать волосы, лезущие в глаза. Почему-то ей никак не удавалось запрятать челку под косынку.

«Совсем девчонку выбрали», — подумал Лев снисходительно и с завистью. (Его-то Гранатов не захотел взять.) Но Марина была обязательным и необходимым членом экипажа — врачом. Молодой врач, не слишком опытный врач, но Гранатов предпочел взять старательную, исполнительную девушку, а не опытную и требовательную знаменитость.

— Жизнеобеспечение, — продолжала объяснять Марина, — включает отсеки дыхания, питания, сна, личной гигиены, переработки отходов. В данный момент мы находимся в отсеке дыхания. В баллонах запасы кислорода из расчета суточной нормы 0,9 килограмма на человека. Кислород хранится в жидкой фазе под давлением в 60 атмосфер и при температуре минус 200. Запас рассчитан только на 15 биологических суток, но, поскольку система жизнеобеспечения построена по замкнутому типу с полной регенерацией, возможно продлить путешествие до десяти биологических лет.

В основу проекта положен принцип: экономия вещества за счет расхода энергии. Затрачивая энергию, мы получаем необходимый для дыхания кислород из выдыхаемого углекислого газа. Для регенерации весь воздух, находящийся в корабле, раз в сутки пропускается через фильтры. Первый из них улавливает пыль, второй — влагу, третий — сероводород и ему подобные, вредные, дурно пахнущие газы, четвертый — поглощает угарный и углекислый газы. Последний и разделяется на углерод

и кислород электролитически, причем кислород возвращается в помещения. В качестве газа-заполнителя используется азот. В дальнейшем, если возникнут явления невесомости, азот, легко вскипающий в крови и вызывающий подобие кессонной болезни, как у водолазов, может быть заменен гелием.

Теперь перейдем в отсек питания...

Гости бочком-бочком продвигались по коридорчикам, рассматривая коробки с тюбиками: пасты мясные, рыбные, овощные, белковые, витаминные, бульонные кубики и прессованные порошки, одинаково серо-коричневые, одинаково неаппетитные на вид, но способные, если верить надписям, превратиться в превкусные рагу, котлеты, солянки и отбивные, как только польешь их водой и поставишь в печь. Инфрапечи тоже были здесь, сковородки, кастрюли, чайники, тарелки, ложки, посудомоечные машины, приемники для очистков и объедков, а также пресс для упаковки этих объедков. В корабле все приходилось утилизировать. Отбросы служили для освещения внешнего мира. Атомы их, выброшенные наружу, превращались в снопы лучей.

Отсек водоснабжения. Снова нормы питья, мытья посуды, умывания, стирки. Снова фильтры: сложнейшая система утилизации воды. На Земле идет такой же круговорот. Правда, в масштабе планеты, океана, реки, поля орошения на худой конец.

Планета Земля тоже космический корабль и не может существовать без круговорота с полной очисткой.

Битый час вела экскурсию девушка, не снижая темпа своей скороговорки.

Отсек гигиены...

Отсек сна...

Отсек умственного отдыха...

Освещение...

Отопление...

Лечение...

Лев уже не слушал, устал слушать. Только думал про себя: «Ох и требовательное существо человек, трудно его обеспечить!» В повседневной жизни это не замечается. Что-то делается само собой в природе, остальное берет на себя коммунальное хозяйство, и возвышенные мыслители имеют возможность не думать об этом. Но как только они выходят на природу или за пределы земной природы — в космос или же в изолированный мирок гранатовского корабля, — приходится каждый вход-выход подсчитывать.

Марину сменил инженер экспедиции — широкогрудый негр в коротеньком халате. Из среднего этажа он повел гостей в нижний — технический. Так же подробно рассказывал о силовых установках — получении энергии, хранении энергии, про двигатель и движители — гусеничные и реактивные (поскольку внешняя среда могла быть самой разнообразной — квазигазовой, квазжидкой и даже твердой). Хотя Гранатов бывал здесь несчастное число раз, он все включал и выключал, доискивался, нет ли где недосмотра. А Лев, вспоминая хлопоты подготовки, вздыхал: «Требовательное существо человек!»

— Теперь прошу наверх, в рубку-лабораторию.

Верхний этаж, к удивлению, оказался совсем просторным. Круглая открытая площадка без потолка, огороженная со всех сторон шкафами, тоже позолоченными. Шкафы были выше человеческого роста, со всех сторон загораживали парк, только Дворец Часов виднелся на фоне красноватого неба — символ и украшение города.

Хозяин этой площадки физик Чанг — приземистый, узкоглазый, с тонким, детским голосом, произнес одну фразу:

— Отсюда ведутся наблюдения. — И замолк, остановившись у столика, на котором стоял один-единственный стаканчик, тоже с решеточками и тонюсенькими проводами — миниатюрная копия корабля.

Оттеснив немногословного физика, Гранатов взял на себя роль экскурсовода. Впрочем, здесь показывать было почти нечего.

Оббитые кабелем цилиндры в шкафах— скафандры для вылазок. Амбразуры для наблюдения и освещения — в них телескопы и прожекторы. В некоторых оружии— лучеметы на случай встречи с живыми чудовищами и неживыми снарядами.

— А это наше копьё, — сказал Гранатов и потряс аппаратом, больше похожим на отбойный молоток, чем на копьё.

— А это наиважнейшее... — Он бережно взял со стола стаканчик, оплетенный золотой паутиной. — Рекомендую: наша первая станция назначения. Сейчас мы ее водрузим на место.

Бережно держа стаканчик в вытянутых руках, словно боясь расплескать, он стал спускаться по лестнице. За ним потянулись члены экипажа и гости, уставшие от долгой лекции. Так и шли гуськом Марина, Джон, Чанг, члены ученой семерки во главе с квадратным Баумгольцем, Вильянова в белом лабораторном халате, небрежно шаркающий ногами Ганцевич, Бхакти, Катаяма, а также Лев и многие другие, кого не приходилось упоминать в предыдущих главах.

Медлительно, размеренным шагом Гранатов пересек лужайку, где стоял корабль, похожий на парковый павильон, свернув с аллеи, спустился в сыроватый ложок, видимо, выбранный заранее, поскольку вокруг него были поставлены несколько скамеек и экраны с отражателями, нацелившиеся на кочки. Гранатов осмотрелся и осторожно вдавил стаканчик во влажный песок.

— Мурашки не наползут? — озабоченно спросил Баумгольц, указывая на ближайший муравейник.

— Заслон поставим немедленно. — Гранатов что-то сказал своему ручному видеофону; команда была принята, отдан радиоприказ, и пустой стаканчик тут же стал

матовым, словно его заполнили молочным киселем. И на поверхности его заплясали искорки.

— Видишь, пылинки аннигилируют. И чудовища будут аннигилировать, если сунутся.

Кто-то из гостей, самый неразумный, потянулся к стаканчику с травинкой. Гранатов проворно схватил его за локоть.

— С ума сошли. Вырвет руку из плеча. С мини-полем шутки плохи.

Обернувшись, объявил:

— Товарищи, всех прошу, очень прошу, даже приказываю, отойти на десять шагов. Понимаю ваш интерес, но для исследования нам нужна природа, а не утоптанная танцплощадка.

Тотчас же все отступили. Любители защелкали фотоаппаратами, загудели кинокамерами. Рядом с Гранатовым на скамейке оказался только Баумгольц, старший по должности.

Гранатов понизил голос:

— Ну что ж, Гельмут, поговорим. Всегда мы с тобой на людях, не улучил я времени для откровенного разговора. Слушай, если я не вернусь...

Баумгольц вскинулся. Даже удивительно, сколько волнения выразило его обычно неподвижное лицо.

— Что за глупости? Я уверен, что ты вернешься. Зачем впадать в панику заранее?

— Гельмут, ты знаешь, что мы идем в неведомое. Еще никто, никогда не погружался так глубоко. Всякие могут быть неожиданности. Конечно, наша экспедиция небезопасна. Не будем обманывать друг друга.

— Юлий, с таким настроением нельзя стартовать. Ты с самого начала настроился на гибель. Тогда откажись, пусть молодые рискуют. Останься. Ты же президент Темпограда. Ты незаменим. Ты здесь нужнее в тысячу раз.

— Ладно, Гельмут, кончай... — сказал Гранатов жестко. — Так вот, если я не вернусь...

— И слушать не хочу. Ты будешь здесь через три дня.

— Для вас — три дня, для меня — биогод, или три биогода, или десять биолет. Если так, я вернусь глубоким стариком. Возможно, захочу отдыхать. И тогда ты, как мой первый заместитель...

— Ни о чем не беспокойся, все будет, как при тебе.

— Не перебивай, Гельмут, мы зря теряем время. Как при мне, не будет, даже не должно быть. Предстоят большие перемены. Ты понимаешь, что в Т-граде назревает кризис?

— Кризис?! В каком смысле?

— Да, очередной кризис, требующий смелых решений и резких поворотов. Неизбежный, обязательный, запроектированный кризис, я бы сказал. Ты пришел к нам поздно, Гельмут, не знаешь всей истории проекта. Ведь как был задуман Т-град? Как город срочных дел, город скорой научной помощи. Но «Скорую помощь» не проектируют на стопроцентную нагрузку. Аварии непредвиденны, не расписаны равномерно по часам, и в гараже должны стоять наготове свободные машины. Стоят наготове, бездействуют. Ждет машина, ждет шофер, ждет дежурный врач, но не пострадавшие. Наш город скорой научной помощи тоже строился с резервами, для ожидания срочных дел. Это было незаметно в первые дни, потому что задания копились десятилетиями. Сначала нас завалили, мы справлялись с трудом. Расчистили завал. Что делать дальше? Тут появился Той со своим ворохом проблем. Разобрались, решили, сдаем рабочие чертежи, отсылаем в Москву, к вечеру сдадим все под ажур. И что тогда? Лаборатории начнут простаивать, пустеть, опытные кадры поплывут от нас в Большой мир, рассосутся. И в критический момент, когда появится новое задание, придется лихорадочно искать людей на всех материках, тратя время, полновесные земные дни, наши годы... Можешь ты вообразить себе «Ско-

рую помощь», которая начинает искать, кого из хирургов пригласить, когда больной лежит на операционном столе? Нет, Гельмут, нам нужно срочно, сейчас же, занять людей интересным делом, прежде чем они расплзутся.

— И в такой момент ты бросаешь нас?

— А я для того и покидаю, чтобы найти темы, Гельмут. Мы идем разведывать микромир. Это же второй космос... и более необыкновенный, чем планетнозвездный. Переселиться в микромир потруднее, чем построить сто и еще сто городов на любой планете. Если я вернусь, я привезу мешок проблем, Гельмут, и тогда выход из кризиса найден. Если не привезу... тебе придется искать. И потом... — Гранатов задумался, помолчал. — У нас нет другого выхода. И мы не имеем права медлить. На одной чаше весов — риск, наш риск, на другой, если угодно, — судьба цивилизации. Мы живем теперь с мыслью о тоитах, о чужой планете, но оттого, что эта планета чужая и далекая, наша ответственность не меньше, чем ответственность за планету собственную.

Друг мой, Гельмут, ты мой первый заместитель, ты всегда был самым надежным из помощников, лучшего я не нашел бы, без лести говорю. У тебя на редкость упорядоченное мышление, и я с охотой поручал тебе наводить порядок, потому что сам я человек вдохновения. Я не методичен, у меня другое достоинство, я умею находить людей, а ты умеешь распоряжаться найденными. Но без меня и тебе придется искать. Привыкай всматриваться, привыкай прислушиваться без пренебрежения, не только командуй, но и слушай, в особенности тех, у кого есть идеи, умение. Вот Вильянова — у него талант в пальцах, он чувствует материал и воображение у него трехмерное, четырехмерное. Ему можно поручать невозможное, он вообразит, сконструирует, смонтирует и все, чего он коснется, заработает. Слушай также Анджея; я знаю, что тебя шокирует наш генератор безумных идей,

но, увы, на проторенных путях получаются стандартные ожидаемые результаты и стандартные тупики. Выходы из тупика подсказывают только безумные идеи. Я знаю, что только одна из ста мыслей Анджея гениальна, остальные ничего не стоят, но ты научись находить, отличать эту гениальную сотую часть. Вильянову проси отличать, а также Бхакти и Катаяму. И еще, Гельмут, не стесняйся выслушивать Льва. Нам с тобой он кажется мальчишкой, но у него кругозорище, всеохватная голова. И в ней порядок: графики и таблицы, с заполненными клетками и пустыми. Природа не терпит пустоты, а этот мозг не терпит пустых клеток. Нюх у него на пробелы в науке, на несделанные открытия. Мы все здесь охотники за открытиями, а Лев, как охотничья собака, стойку делает над следом. Слушай Льва, Гельмут, не думай о возрасте. С возрастом приходит опыт, а не азарт и чутье.

Если бы только Лев слышал! Можно только представить, как бы он возгордился.

— Ну и так далее, — продолжал Гранатов. — Я оставил тебе целый трактат, характеристики на двести человек. Но о кризисе надо было сказать устно. Главное — возьми себе за правило: никому не отвечать поспешно: «Нет, ни в коем случае». Говори: «Подумаю, посоветуюсь». И советуйся. Что молчишь? Разве я сказал что-то новое для тебя?

— Кое-что неожиданное.

— Это плохо. Плохо, что нашлось неожиданное для тебя. Тем труднее будет перестраиваться.

— Вот видишь, Юлий, лишний раз убеждаюсь, что тебе никак нельзя покидать Т-град. Я тебя не заменю. И не вижу достойного заместителя. Ты прирожденный дирижер, без тебя оркестр разладится. В нашем городе сто тысяч человек. Какой интерес в том, чтобы командовать тремя?

— Есть интерес в том, чтобы не командовать вооб-

ще, — вздохнул Гранатов. — Иногда дирижеру хочется взять в руки скрипку.

Он мог бы отвечать подробнее, но понимал, что Баумгольц не поймет его. Баумгольц любил и почитал порядок. Порядок требовал, чтобы каждый знал свое место, подчинялся вышестоящим, всеми остальными командовал. Разве наука не требует порядка? Еще какого! Баумгольц любил командовать и с охотой подчинялся. Подчиняясь, он поддерживал дисциплину и показывал пример. Но никому не подчиняться и слушаться подчиненных — это было ни с чем не сообразно, противоестественно.

Гранатов жил в иной плоскости: не решал задачи, а ставил. Ставя их, думал об истории, о прошедшем и будущем. И знал, что у истории свой взгляд на ценность труда: может быть, и пристрастный, может, и не совсем справедливый. Современники ценят виртуозов-скрипачей, млеют, слушая теноров, но потомки знают в основном только композиторов. У науки свои пристрастия, она ценит первооткрывателей и пренебрегает продолжателями, хотя иной раз труд продолжателей куда сложнее. И ценит тех, кто сделал открытие, а не того, кто послал, поручил. В самом деле, кто вспоминает, что корабли Колумба были снаряжены по приказанию Фердинанда Арагонского и его супруги Изабеллы Кастильской? Кто связывает их имена с открытием Америки?

Наверное, подданные, гранды сочли бы своего короля сумасшедшим, если бы Фердинанд вздумал возглавить эскадру вместо Колумба.

Баумгольц был из породы грандов, Гранатов — из Колумбов.

— Извини, но мне хочется самому открыть этот Атомматерик, — сказал он.

31 мая. 6 часов 13 минут

За резкой вспышкой последовал удар. Словно шлепнули по воде мокрой простыней — простыней размером с озеро шлепнули по целому озеру. Это воздух вошел в опустевший темпоскаф. А над кронами поднялась пыль, и все галки, галдя, закружились в воздухе. Оказалось, что в Темпограде достаточно птиц, чтобы весь парк наполнить гвалтом. И согласно звякнули стекла во всех окнах верхнего яруса.

Со времен космических стартов наблюдатели не провожали корабли. Слишком горячий пар вырывался из труб космических «пароходов». Очевидцы сидели в удобных креслах в закрытых помещениях, за стартом следили через стекла или с помощью экранов. И в данном случае все они — и Лев среди прочих — находились в одном из кабинетов Дворца Часов. Перед ними светились экраны. На правом виднелся тот ложок, где вчера Гранатов вдавил стаканчик во влажный грунт. И стаканчик был виден, и лужица, и муравейник, встревоживший Баумгольца, даже муравьи, бегущие к ближайшей осине.

— Смотрите, наши там уже.

Стаканчик внезапно стал темно-красным, словно наполнился вишневым желе. В нем тотчас же замелькали темные силуэты. Стоящие или сидящие человечки то появлялись, то исчезали в разных точках желе. А на поверхности стаканчика, перед дырочками, неожиданно

возникали какие-то втулочки, выпрыгивали в траву и тут же возвращались.

— Суета какая-то, суматоха, — заметил кто-то неуважительно.

— Так и мы выглядим из Большого мира, — возразили ему. — Разница в темпах, разница в размерах.

Итак, Гранатов отправился в экспедицию в микрокосмос, в страну укороченных размеров и растянутых секунд. Стаканчик, вдавленный в песок возле лужи, был первой станцией на этом опасном пути — миниатюрная копия трехэтажного цилиндра в масштабе один к ста. Микронавты — путешественники в малое были пересланы сюда так же, как пересылались астронавты с Земли на Той.

— Дайте же звук! — распорядился Баумгольц.

Забормотал, залопотал репродуктор. Так бормочет лента старинного магнитофона, когда ее прокручивают в поисках полюбившегося танца. Микронавты не только двигались, но и говорили в сто раз быстрее.

Наконец электрики наладили замедленную ретрансляцию, из микрофона полилась знакомая неторопливая речь Гранатова. Торжество слышалось в его голосе:

— ...таким образом, мгновенная трансляция живых людей на уровень одной сотой, т'есть на вторую микроступень, прошла безупречно. Размеры уменьшились в сто раз, темпы увеличены в сто раз. Настроение бодрое, самочувствие превосходное. Впрочем, о самочувствии расскажет специалист. Передаю микрофон Марине.

Посыпались цифры. С присущей ей добросовестностью девушка-врач скороговоркой называла цифры кровяного давления, пульса, температуру, количество вдохов и выдохов, содержание гемоглобина, протромбина, кислотность крови и желудочного сока, рассказывала про коленные рефлексы, координацию движений, быстроту реакций, выполнение тестов всеми по очереди, включая и самого доктора, до старта, перед самым стартом,

сразу после перемещения, через десять биоминут и по прошествии биочаса.

Столь же обстоятельно, но голосом внушительным и размеренным, инженер Джон томительно долго докладывал о самочувствии аппаратуры — силовой, управляющей, двигателя и движителей, механизмов жизнеобеспечения, освещения, отопления, ограждения...

Чанг пока отмолчался. Физических наблюдений было мало на этой ступени. Слово опять досталось Марине, как специалисту, близкому к биологии:

— Команда приступила к изучению окружающей среды согласно намеченной программе. После включения цветковых преобразователей хорошо просматривается пространство диаметром до двух темпоградских метров. В поле зрения — край водоема и бугры, поросшие травой. Между ними пролегает тропа формика руфа, ведущая от гнезда, находящегося за пределами видения. Мы наблюдаем также значительное количество кулекс пипиенс, отдельные экземпляры копрофага из отряда жесткокрылых...

Внезапно Гранатов прервал ее:

— А еще говорят, что молодые — эмоциональный народ. Сухари несчастные! Стыдятся они своих переживаний, что ли, сухостью зрелость доказывают. Формика, копрофага и кулекс пипиенс! Сумели вы воспринять, что мы в другом мире, нисколько не похожем на Землю, хотя он находится на Земле? К счастью, я физик, неспециалист в этой микрзоологии, латынью щеголять мне незачем, поэтому я могу изложить свои человеческие впечатления, не боясь, что меня обзовут дилетантом. Я и есть дилетант в биологии. Впрочем, никогда не считал это слово унижительным. Можно с увлечением заниматься и чужим делом...

Итак, о здешнем мире. Думаю, что астронавты никогда не бывали в такой непривычной обстановке. На всех планетах небо прозрачное, мутное или звездное, на

поверхности у всех — моря или пустыни, пыльные или каменистые. Еще одна пустыня, еще одно море, в лучшем случае — еще одно человечество, как на Тое. У нас же не перемещение в плоскости, а вертикальный разрез природы — нечто принципиально иное.

Мир без неба, вместо неба зеленые горы, обсыпанные жесткими зелеными щитами — так выглядят обыкновенные кусты. На заднем плане оливковые башни, уходящие неведомо куда, — стволы тополей, для понятности Марина называет их «пинус». У нас кругозор без горизонта; мы в яме, окруженной холмами (для вас это кочки), заросшими бананоподобными джунглями.

Вы-то называете это травкой, но для нас это не трава, а деревья. Бананы... но больше, пожалуй, похоже на агаву. Какие-то зеленые ремни, жесткие и плотные, как бы сшитые из полос. Транспортёр напоминают. Так и ждешь, что заурчит мотор, поплывут по полосам ящики. А под этими живыми лентами, в диком беспорядке лежат бурые и серо-желтые прошлогодние, измочаленные, изжеванные. И наряду с ними торчат бамбуковые стволы — стебли той же травы.

Наверху же, над всей этой путаницей, раскачиваются такие воздушные беседки, белые, желтые или лиловые; целые комнаты подвешены на гнущемся вертикальном стебле. Да, мы помним, что это называется цветами, но где же нежные лепесточки? Вместо лепестков туго налитые баллоны с неживым восковым отблеском. Мне они напоминают резиновые надувные игрушки. И все это болтается у нас над головой на высоте пятого этажа. Посматриваем наверх с опаской. Нет, качается себе преспокойно. И незачем восторгаться инженерным искусством природы. Мы удивляемся, потому что у нас глазомер большого человека. Но в микромире иные пропорции, иные отношения между размером и прочностью, между весом и силой. Вы это знаете, мы ощущаем. Не ходим, парим, как в невесомости. Оттолкнулись и плывем-плывем

в воздухе... Парадокс блохи! Или коловратки в капле воды...

...Излагая свои впечатления, Гранатов, конечно, не объяснял этот парадокс, понятный всем жителям Темпограда. Все маленькие существа относительно сильнее, все маленькие растения относительно прочнее, потому что вес зависит от объема тела, а прочность стеблей и сила мускулов от сечения. Если дерево выше цветка в сто раз, ствол его должен быть толще в тысячу раз. Ствол с пропорциями стебля подломится. Стройные ноги подкосятся под слоном. Правило это работает в пользу малюток. Уменьшившись в сто раз, микронавты стали в миллион раз легче, а мускулы их слабее только в десять тысяч раз. Стократный выигрыш в силе! Теперь люди могли прыгать в сто раз выше, в сто раз дальше, в сто раз дольше держаться в воздухе.

— Кстати, и воздух непохож на воздух, — продолжал Гранатов. — Скорее это река, по которой течет, лучше сказать — несется всякий мусор: камешки, кристаллы, какие-то веревки, жидкие шарики, звездочки, елочки, спиральки, чешуйки, глянцевитые куски угля и целые булыжники. Марина утверждает, что все это пыль или пыльца. Местные же лупоглазые птицы летают, пробираясь сквозь этот песчаный град. Иногда довольно увесистый булыжник застревает у них в глазу, тогда они преспокойно протирают глаза ногой — передней, задней или средней.

Птицы эти и есть кулекс пипиенс — комары обыкновенные. Для нас они размером с гуся, но тощие-претощие — кожа да кости. (Марина поправляет меня, подсказывая, что у насекомых кожа и кости — одно и то же.) Жало внушительное, конечно. Этакое шило с мою ладонь длиной. К счастью, мы непробиваемы и в темпоскафе и в скафандрах. Сунется такой шилонос, пшик останется и от шила, и от него самого.

Гуси эти летят куда медлительнее наших, хотя кру-

тят крыльями словно пропеллерами. Мы почти не видим их крыльев, доносится только звук: комариный писк, но сдвинутый на шесть-семь октав — приятный сочный баритон. И поскольку в поле зрения всегда несколько комаров, одни приближаются, другие удаляются, тон меняется в соответствии с эффектом Допплера. Удаляющиеся съезжают на бас, налетающие на нас — ближе к тенору. Получается хор, несколько заунывный, тягучий, но с переливами. То одна партия звучит сильнее, то другая... (Мы записали на пленку, думаем ввести моду на комариные симфонии.)

Сейчас пролетает пчела (алис меллифика — на языке Марины). Неуклюжий медведь, мохнатое чудище! Бесшумно летит. Сдвинувшись на несколько октав, басовитое гуденье перешло в инфразвук. Пчелу мы не слышим, зато видим, как она работает крыльями. Именно работает, не машет, крутит словно летящая мельница. Раз-раз-раз-раз! Четыре оборота за нашу биосекунду. Глядя на эту пыхтящую машину, мы думаем, что и сами могли бы летать в этом облегченном мире. Ведь мускулы-то у людей совершеннее, чем у насекомых, обмен веществ идет энергичнее, нервный ток быстрее. Иные пропорции? Но сейчас у нас и пропорции подходящие.

И мы решились на вылазку.

Конечно, вылазка в скафандрах, в наших персональных темпоскафиках. Может быть, вы заметили, что у них пружины на подошве. Нажимаешь, вдавливаешь их в землю и отталкиваешься. Прыжки. Получше, чем с шестом.

И вот мы на экскурсии в травяных джунглях.

Не волнуйтесь, опасности никакой. Мы непроницаемы. Правда, опрокинуть нас может какой-нибудь жук-бегемот. Но здесь вес иной, падают не ушибаясь. Трещина? Трещина в скафандре смертельна и в космосе, смертельна и под водой.

Не опасны здешние чудовища, но очень уж неприятны на вид, иногда просто омерзительны.

Эти бронированные морды, эти мозаичные глаза! Нам они и глазами-то не кажутся, некие наросты, усеянные кнопками. Жвалы, челюсти, губы, хоботы, всякие клещи, долота, пилы, насосы вместо нормального рта. Тонюсенькие ножки с шипами и крючками, непонятно, как они удерживают провисшее брюхо.

Дождевой червяк нам встретился. Противнее не вообразишь. Живая кишка, толстенная, мне по колено, мокрая, скользкая, смазанная слизью, облепленная песком, полупрозрачная. Видно, как внутри по этой кишке перетекает из кольца в кольцо слизь. Нет, по-моему, беспозвоночные за пределами эстетики...

И испуг был у нас. Видим, лежит на зеленых ремнях травы блестящая черная змея. По нашим масштабам не слишком толстая, с палец, но длины неимоверной. И не шевелится, а дергается, как-то перебрасывается всем телом. Что за чудовище? Червь неизвестного класса? Как биологи прозевали? И не хищный ли? Захочет обвить, выбирайся потом вместе со скафандром. Все-таки догадались: волос! Волос кто-то из вас обронил, дорогие мои, когда вчера устанавливали наш домтемпокаф в этой низинке.

Случайность, верно. Но в случае этом разумная подсказка. Для будущих экспедиций надо готовить интересное. Расставлять поблизости препараты. Ведь природа стихийно не соберет сама по себе все занимающее науку.

Вот муравейник мы предусмотрели. Нарочно выбрали место поблизости от муравейника.

Итак, мы живем возле муравьиной пешестрады, возле тропы этих самых формика руфа. Они дефилируют мимо нас — шестиногие броненосцы. Грудь и щеки ярко-рыжие, брюшко черное с лакированным поясом, шея ниточкой, талия в ниточку, перед мордой наготове черные клещи, именуемые жвалами. Они не суетятся, как

представляется вам, полномерным. С нашей точки зрения муравьи еле-еле переставляют ноги: на четыре счета один шаг. Тянут-тянут свою ножку-стебелек, цепляют когтями за что попало, колышется тело на ногах враскоряку. И большинство этих олицетворений трудолюбия, к удивлению, тащатся налегке, плетутся туда-сюда без груза. Вот свернули под прямым углом, опять свернули, бредут назад. Марина говорит, что и ученые отмечали бестолковость муравьиной суеты, но ведь результат налицо — муравейник выстроен, кормом обеспечен, тли надоены, личинки ухожены, новое поколение выращено. Как из бестолковой суеты получается полезный итог? Видимо, не все мы понимаем в муравьиной цивилизации. Специальная экспедиция к ним нужна, и не одна экспедиция.

А на обратном пути была трагедия. Не с нами, не волнуйтесь. Плыл я в очередном прыжке, наслаждался своей силой. Бахх! Столкнулся. Что-то громоздкое рухнуло передо мной. Гляжу: уставилась на меня страшная морда — зеленая, лоб бронированный, голова с меня ростом. Смотрит обалдело бессмысленными своими глазами, пасть разевает, а в пасти не зубы, щипцы-кусачки, но с мое туловище шириной. Ам — и пополам!

Смотрим друг на друга. Я встал, жду, что дальше будет. И бык этот зеленый, локуста, кузнечик попросту, тоже стоит. Как будто ошеломлен. Брякнулся и не знает куда. Потом пошевелился, пасть распылил и щипцы свои вонзил в ближайший ремень, в молоденькую нежную травинку. Я только поежился, представив себе, как он живое тело тяпнул бы. Помню, что наше защитное поле непробиваемо, а все-таки страшно.

И тут гроза с неба.

Крутя крыльями, грянул с неба живой вертолет — полосатый, желто-черный — хищная оса.

И завязалась борьба гигантов — вертолета с бегемотом.

Земным энтомологам сражение это кажется очень быстрым, едва ли разглядишь, что произошло. Нам же напоминало схватку борцов-тяжеловесов, которые, сопя и обливаясь потом, «персжимают» друг друга.

Оса опрокинула на спину неповоротливого кузнечика, вскочила на него, уперлась передними ногами в его передние ноги, задними в задние, растянула тело жертвы и, акробатически изогнувшись, вонзила свое хвостовое копье — отравленное жало — в пасть кузнечика. Довольно долго копалась, нащупывала своим шприцем мозг, он у насекомых под глоткой. Голова замерла. Оса вонзила шприц в талию, замерли ноги. Соскочила, потерла лапами сетчатые свои глазищи и крылья, красоту навела, дух перевела и потащила тушу за усы в свою берлогу, детишкам на прокормление.

Марина поправляет меня, напоминает, что кузнечик не туша. На самом деле он жив, не убит, а парализован. И будет жить еще недели три, пока личинка будет грызть его. У ос так принято. Холодильников у них нет, и, чтобы пища не портилась, ее не убивают, а парализуют. Оса — великолепный хирург, умеет двумя уколами в тяжкой борьбе парализовать сопротивляющуюся добычу. Впрочем, и личинка ее — хирург не хуже: знает, в каком порядке надо выедать добычу, чтобы не убить живые консервы: сначала пожирает жир, потом мускулы, жизненно важные органы после всего.

— Между прочим, — говорит Марина, — голодающий человек худеет в той же последовательности: сначала исчезает жир, потом мускулы, сердце же и мозг не худеют почти до самого конца.

— Беда насекомых в том, что мозг у них — не существенно важный орган. Он ведает только движением, жить организм может и без него, — продолжал Гранатов.

Говорят, что в космосе люди ищут Землю: летают в чужие миры, чтобы сравнить их с нашим. В микрокосмо-

се. куда мы попали, есть что сравнивать. Здешняя жизнь — иной вариант, противоположный привычному. Зоологи это хорошо знают: дескать, азбучная истина. Но мне, дилетанту, азбука эта так и режет глаза. Словно нарочно, природа старается напомнить, что жизнь можно организовать по-разному.

Сами судите: у нас скелет внутри, у насекомых — снаружи. У нас спинной мозг, у них — брюшной, у нас — головной, у них — подглоточный. У нас мешок с воздухом — легкие, а кровь в трубочках. У них мешок с кровью — полость тела, а в трубочках — воздух. Мы дышим, вдыхая и выдыхая; можем этот активный аппарат использовать для речи. У насекомых дыхание пассивное, они кричат и поют... крыльями. Пчелы разговаривают танцуя. Язык жестов — любимое детище академика Марра! Муравьи же беседуют, скрещивая на ходу антенны. Что можно сообщить, прикасаясь усиками? Вероятнее всего — химический состав особых выделений. Муравьи анализируют друг друга на ходу: я голоден, я сыт, я болен, я устал, я возбужден, я кормлю личинку, я тащу добычу. Язык химического анализа! В какой словарь его уложишь?

Все у них не так, все наоборот. Поистине, природа как бы задалась целью разоблачить наш самодовольный антропоморфизм. Рядом с людьми поместила антилюдей, построила их тело совершенно иначе, дала иные размеры. Но и у наших антиподов — города, сообщество, забота о потомстве, земледелие и скотоводство своего рода, даже войны, даже рабы... И если бы в прошлом, XX веке люди позволили бы отравить себя атомной радиацией, на Земле остались бы муравьи с их жесткими ДНК, менее чувствительными к излучению. К тому же в их костях нет кальция, стронций тоже не накапливается.

Где-то я читал: будь муравьи ростом с собаку, они завоевали бы мир. Не завоевали бы. Собаки загрызли

бы их шутя. У муравьев медлительные нервы, тощие ноги и вялые мускулы, крупные насекомые не смогли бы сами себя носить по земле, не смогли бы пищу добыть. Я сколько угодно мог ахать: какой блестящий хирург оса! Но ведь она способна на одну-единственную операцию — на анестезию кузнечика. Оса — сверхузкий специалист (специалисты, не обижайтесь!), оса — тупой педант, не способный научиться ничему. Человек же может выучиться чему угодно. Победа теплокровных над насекомыми — это победа гибкой изменчивости над застывшей наследственностью. Победа человека — это победа гибкого универсала над застывшими в своей косности специалистами.

Так что я не воспеваю эти бронированные чудовища, которые ползают, носятся и прыгают у вас под ногами. Не то меня поразило.

Поразило, что мы отошли не так далеко, всего на два порядка, но уже попали в иной мир с иными законами жизни, иной тяжестью, иными формами и красками. Два порядка, и жизнь навыворот, если сравнивать с человеческой. Что же мы встретим на десятом или двадцатом порядке, где и физика принципиально иная? Что будет там — ничто или нечто невероятное? Может быть, принципиально иная, несусветная жизнь? Раньше я считал такие рассуждения пустословием, развлекательной чушью, но сейчас, присмотревшись к насекомым, я готов принять что угодно. Всякое может быть.

Гранатов помолчал и добавил суховатым голосом:

— Прошу простить мое отступление от точной науки, но полагаю, что выводы не менее важны, чем доводы, а для доводов впечатления не менее существенны, чем измерения. А теперь я передаю слово строгим специалистам — моим молодым соратникам.

В репродукторе загудел голос Джона.

Но — странное дело! — специалисты-слушатели про-

явили равнодушие к отчетам специалистов-путешественников. Даже Баумгольц, прослушав несколько цифровых столбиков, махнул рукой: «Потом, потом!» И распорядился пропустить все передачи вплоть до следующего выступления Гранатова:

« — ...наше пребывание на ступени второго порядка заканчивается. Сейчас мы установим приемник для броска на очередную станцию, на ступень четвертого порядка. Поставим его у самой воды. По плану на той станции полагается наблюдать микрожизнь в капле. Выходим. Следите за экраном».

Все вперили глаза в обзорный экран, где краснел стаканчик. Почти сразу же из него на траву выпрыгнули маленькие шпупелки, резво поскакали вниз по склону к ближайшей луже. Прискакали, замерли на миг и так же резво запрыгали в темпоскаф. Приемник четвертого порядка, к сожалению, нельзя было рассмотреть, он был около миллиметра высотой. Где-то у самой воды в мокрый песок темпонавты воткнули этот миллиметровый стаканчик.

Экран резко осветился. Пламя вспыхнуло и погасло.

Зрители замерли. Затаили дыхание, уставившись на экран. Шли решающие минуты.

Ведь уменьшение сопровождается ускорением времени; темпоградцы не могли забыть этого правила. На каждой станции путешественники должны были пробыть свои четыре биологических дня, но для наблюдателей срок все укорачивался. На ступени второго порядка — в гостях у насекомых — четыре биодня соответствовали темпоградскому часу, на ступени четвертого порядка — половине минуты, на следующих станциях — долям секунды. Стало быть, исчезнув из поля зрения, путешественники должны были тут же, не позже чем через секунду, через несколько секунд от силы, появиться снова.

Вспышка. Через полминуты огонек. Искорка. Па-у-за! И тут же искорки возвращения.

Вот вспыхнул огонек у лужицы. Покинут амебный уровень.

Искра. Покинута следующая станция — вирусогенная. Микронавты в мире молекул и атомов.

Молчание. Зрители не дышат. Не мигая, смотрят на экран.

Ну же!

Ну!!

Секунда. Другая. Третья. Еще теплится надежда. Микронавты еще могут вернуться, застрявши среди молекул, проведя там несколько биолет... всю свою жизнь.

Десятая секунда... двадцатая... минута!

Не вернулись!

Кто-то срывается, хлопнув дверью, бежит в парк. Приборам не верит. Может, экран врет, а люди уже на месте...

Нет искр. Тускло-серый, незаренный стаканчик стоит в ямке близ муравейника. Темпоскаф ждет возвращения хозяев.

Секунды! Секунды! Секунды!

Баумгольц, сгорбившись, поднимается, молча стоит, понутив голову. Шаркают отодвинутые кресла. Все стоят молча.

Слава памяти погибших героев...

Не вернулись. Затеряны в дебрях атомов.

31 мая. 6.13—6.23

Что же случилось? Почему не вернулись микронавты?

Умом все понимали, что надежды нет никакой, но сердце не хотело верить. Неужели они погибли, такие жизнерадостные, такие деятельные и крепкие: и сведущий Чанг, и могучий Джон, и молоденькая Марина. А мудрый Гранатов... Неужто и он не нашел выхода? Только сегодня утром с ними простились, только десять минут назад слушали их голоса. Чтобы поверить в потерю, нужно к ней привыкнуть. Пока что привычки не было, и рассудок, подчиняясь подсознательной надежде, конструировал какие-то обнадеживающие теории: а вдруг наука ошибается, на нижних уровнях время не ускоряется, а замедляется; а вдруг микронавты застряли на втором уровне, где можно протянуть и полгода, отремонтируют темпоскаф и появятся; а вдруг...

Ответ нельзя было получить сразу. Приходилось терпеливо прослушивать последовательные передачи с четвертого, шестого и прочих уровней, по несколько часов каждую. Ведь по своим часам микронавты на каждой станции прожили четверо биосуток, накопили впечатления, сменяясь у микрофона, наговорили отчетов.

Все эти отчеты ретранслировались по порядку со станции на станцию, с нижних уровней на верхние, и теперь поступали в порядке очередности.

Вот и выслушивали их в порядке очередности. Слушал постаревший Баумгольц, глотая таблетки от бессонницы, мрачно слушал Анджей Ганцевич, зажав руки коленями и раскачиваясь. Слушал Хулио Вильянова, то и дело воздевая руки к небу и хватая себя за шевелюру. Слушали заплаканные жены и дочери... И Лев слушал, опечаленный, подавленный, но не потрясенный, пожалуй. Он был молод, привык к мысли, что старшие поколения прокладывают дорогу, а потом уступают ее. Гранатов проложил и уступил. Лев готовился принять эстафету. Мысленно уже сочинял заявление с просьбой направить его во вторую экспедицию.

Но прежде всего надо было терпеливо слушать милый голосок Марины, повествующий о дыхании, кровяном давлении, самочувствии и аппетите всех членов экипажа. Джон своим густым басом докладывал о состоянии механизмов (какой из них отказал в конце концов?). Чанг излагал результаты измерений (очень-очень полезно, но с цифрами специалисты разберутся после, по каждой таблице диссертацию будут писать). Кроме того, Чанг, склонный к теоретизированию, перед стартом на следующую станцию высказывал свои предположения о будущих открытиях. А после Чанга с волнением и печалью слушали наследники Гранатова бодрые шутки своего президента. Чувствовалось, что он в восторге от путешествия, захлебывается от впечатлений, хочет все сообщить до малейших подробностей, но язык у него не поспевает за мыслями, а слова подбирать некогда, даже грамматикой иной раз пренебрегает. Некогда, некогда, не до стилистики, правка потом. Спешит, кипит, горит!

Неужели сгорел дотла?

Вот отрывки из передачи с шестого уровня (уменьшение в миллион раз, рост микронавтов около двух микрон, несколько меньше отдельной клетки; клетки и наблюдаются).

— Такое ощущение, будто смотрю в котел, где закипает густой суп или каша. Сплетаясь, завиваясь, расходятся и сходятся струи. Несутся в завихрениях какие-то комочки, песчинки, пленки, нитки, длинные, извилистые, перевитые и совсем куцые, как волоски, срезанные бритвой.

Ниточки и волоски — это молекулы, как вы догадались. Длинные и витые шнурки — молекулы белков и нуклеинов, коротенькие обрезочки — сахар, жиры, отдельные аминокислоты. Молекул воды не различаем, они слишком мелки. Вода образует общий точечный фон, как на гравюре.

Когда глаз привыкает к этой каше, начинаем выделять органоиды. В середине полупрозрачный мешок, в нем клубок спутанных канатов — прославленные хромосомы. Сейчас клетка готовится к делению, поэтому хромосомы в общем уже расставлены парами, как на музейной витрине. Присматриваясь к канатам, вижу, что они составлены из двойных ниточек, заплетенных косичками. ДНК — эталоны, проекты и программы живого тела!

К сожалению, деление клетки мы заснять не сумеем. Оно продолжается несколько минут, а для нас минута — это два года. Когда соприкасаешься с этим миром примитивных существ, прежде всего удивляешься его медлительности. Биогоды на деление! Роды, которые растянулись на десятилетие!

Но изготовление молекул мы успеваем проследить.

Прядильные станы белков у нас перед глазами — общеизвестные рибосомы. Этикие колесики, они медленно проворачиваются. На ободке накручена РНК. Это матрица — образец и штамп. На одной стороне выступ, на него чаще всего и натыкаются плавающие молекулы. Одна неподходящая, другая неподходящая, оттолкнись, плывут дальше. Но вот седьмая или семнадцатая пришлась как раз по мерке — эта прилипла. И тотчас выступ смещается, следующее звено на очереди, следующ-

щая молекулярная невеста ждет своего жениха. Один не годится, другой не годится, третий не тот. Разборчивая молекула, как Агафья Тихоновна. Но вот десятый пришелся по душе. Опять смещается выступ. Так до полного оборота. А когда весь белок склеен, голова упирается в хвост, и тот же выступ сталкивает готовую нитку. Тут же она сворачивается в клубок, словно спящая змейка, несется в общем потоке. Куда? Толкнулась в одно место, другое, третье. Поймана, приросла. Сюда и предназначалась.

Тысячи, тысячи веретен, и каждое прядет свой белок. Нет в текстильной промышленности таких сложных цехов. У нас массовое производство — однотипность. Живая клетка — цех с бесконечной номенклатурой изделий. А сама-то меньше типографской точки.

Но вот матрица соскочила с рибосомы, отправилась в путь. Куда ее несет? В ядро, оказывается. Приложилась к хромосоме, теперь плывет обратно. Видимо, контроль и проверка. И это тоже предусмотрено в живой фабрике белка.

Все это не новинка для науки, давно изучено биологами, рассмотрено электронными микроскопами, заснято рапидсъемкой. Я даже не хотел пересказывать, но подошел полюбоваться и удивился, опять удивился! Чему? Да многообразию природы, все тому же...

Мы с вами люди, и самое понятное для нас — разумный человек. Без сомнения, разум — самое удивительное в природе: материя, понимающая себя. Но рассудок есть у каждого из нас, все вокруг рассуждают, мы к тому привыкли. Инженер просидел год над проектом, создал план большого завода. Молодец, но чему поражаться? Голова на плечах есть, учился, выучился. Но тут передо мной без головы, без плеч, на пустом месте сам собой вырастает завод — пищевой, фармацевтический, со своей энергетикой, архивом, контролем, внутренним транспортом, складами топлива и готовой

продукции, самостоятельным движением, с охраной, добычей сырья из внешнего мира, да еще способный строить другие подобные заводы... и все это в крапинке, куда меньше булавочной головки.

Ну как не удивляться?

Какой инженер спроектирует все это за год? Десяти жизней не хватит.

Правда, у природы был не год и не сто лет. Добрый миллиард лет природа налаживала это производство в крапинке. Налаживала методом проб и ошибок, сгубила несчетное число неудачных вариантов.

Что же получается? Дайте время — и будет жизнь!

Но на нижних ступенях материи времени полным-полно. И чем ниже, тем больше. Может быть, в атомах есть вещи поудивительнее жизни?

Как видите, фантазирую. Полезно вырваться из привычной обстановки. Насмотришься чудес, сам начинаешь придумывать чудеса.

* * *

Восьмой уровень. Уменьшение в сто миллионов раз, рост микронавтов — сотые доли микрона, наравне с крупными молекулами.

Здесь было больше приключений, чем наблюдений. Плывущие точки молекул превратились в дробинки и камешки; на темпоскаф обрушился каменный град. Если же вспомнить, что скорость молекул раза в полтора выше скорости звука, как у хорошего сверхзвукового лайнера, и выше, чем у пули, можно представить себе, сколько вреда нанес этот сосредоточенный обстрел. Природа поливала непрошенных гостей целым ливнем крупнокалиберных пуль. И хотя защитное поле было рассчитано на этот ливень, хотя молекулы отскакивали от темпоскафа, как градины от тротуара, все равно энергия ударов передавалась внутрь: с внутренних стен осыпа-

лись полки, вешалки, приборы, трубки. Все дрожало, ходило ходуном, расшатывалось. Микронавты едва успевали ликвидировать мелкие аварии, пока досадные, но в дальнейшем и опасные.

Гранатов принял решение закопаться в твердое вещество, даже утопить темпоскаф в недра кристалла. В твердом веществе тоже была дрожь, но не хаотическая, а упорядоченные колебания, к ним можно было приспособиться. Кристаллы были рядом — кварц и алюмосиликат в песчинках. Гранатов предпочел кварц — правильный кристалл кубической формы. На экранах темпоскафа появились ряды плотно уложенных шариков — идеальная геометрия, такая, казалось бы, несвойственная природе. Микронавты медленно погружались в кристалл, выжигая себе нору. Шарики в рядах тоже колебались, но, по крайней мере, не плясали как попало, не выскакивали из своих рядов.

Все репортажи с восьмого уровня свелись к докладам о ходе внедрения в кристалл, попеременно с перечнями поврежденных и исправленных приборов, аппаратов, прожекторов, щупалец, манипуляторов, разбитого стекла, погнутого металла. Микронавты даже задержались на этой ступени на лишних четыре биодня. Зализывали раны, спрятавшись в своей коленчатой норе, прежде чем решиться на очередной прыжок — на десятый уровень уменьшения.

Самое же последнее сообщение пришло с двенадцатого уровня — внутриатомного (рост микронавтов — десятиллиардные доли сантиметра, время пребывания — десятиллионные доли секунды). Впрочем, в Темпограде не сразу узнали, что это последняя ступень. Устав от двухсуточного бдения, слушали, позевывая, потирая распухшие веки. Кое-кто задремал в кресле, кое-кто пил крепкий кофе в буфете, чтобы прогнать сон. Нервы уже притупились. Нельзя без отдыха горевать двое суток подряд.

— Итак, мы в атоме, друзья, — оповестил бодрым голосом Гранатов. — Выбрали кремний, чтобы рассмотреть ядро посложнее. Надеемся разобраться наконец, какой смысл в магических числах, почему это система из 16, 28 или 40 нуклонов прочнее всех промежуточных. Но это в будущем. Пока что для нас ядро величиной с орех, и орех этот довольно далек, еле виден в телескоп. Но точки разобрать можно — все 28 нуклонов. Пробиваемся к ядру, надеемся рассмотреть его на следующей станции. Пока об атоме в целом.

Как выглядит атом?

Самое важное, что он доступен наблюдателю, его можно видеть с помощью наших локационных телескопов. Конечно, картина условная, мы видим отраженные сигналы. Впрочем, всякая картина условна. Зависит не только от устройства вещества, но и от устройства наших глаз.

Так вот, наши технические глаза-локаторы не отмечают электронных облаков. Очевидно, электронное облако — условный энергетический график. Мы видим другое — некую пустоту, перламутровую, переливающуюся, а в ней течения, завихрения, водовороты, нет, правильнее сказать, «вакуумвороты» красоты неопишуемой. Они радужные, как нефтяная пленка на воде, как полярные сияния, как цвета побежалости на остывающем железе, как разводы на шлифуемом стекле. Я мог бы бесконечно описывать эту игру красок, но понимаю, что она рождается в наших очках, то есть в локаторе. Существенно другое: мы видим, что внутриатомное пространство неоднородно и изменчиво. И никакая это не пустота. Она тверда, как стекло, пожалуй, даже тверже алмаза. Мы с трудом проедаем в ней дорогу, тратя гораздо больше энергии, чем при внедрении в кристалл на восьмом уровне. Что же такое разводы в этой тверди? Не знаем. Но вокруг нашего корабля, протискивающегося в свой тоннель, тоже цветные разводы. Краски здесь

еще гуще, еще насыщеннее, калейдоскоп, вакханалия алого и фиолетового. Эти цветковые волны не расходятся далеко, плещутся у самых бортов темпоскафа.

Электронная орбита — тоже радужный развод. Повторяю: мы не видим электронного облака, однако орбиты различаются отчетливо. Вся даль исчерчена цветными эллипсами — и в нашем кремнии, и в соседних атомах кислорода. Серпантин! На ближних орбитах заметны золотые колечки величиной с орех — сердцевинки электронов. Колечки носятся вокруг нас и обметают небо своими золотисто-голубыми хвостами. Хвосты на всю орбиту — один перед колечком, другой — позади. Электрон — колечко и его орбита — кольцо, волна, бегущая по замкнутому кругу. Вспоминается, что именно так трактовал электроны де Бройль в начале XX века. Потом его модель отставили. И зря.

После Гранатова Чанг передавал свои таблицы, Джон басил, зачитывая инвентарные списки, Марина в который раз надрывала душу сообщениями о кровавом давлении Гранатова и легком насморке Чанга. Их слушали с горестной улыбкой, но невнимательно. Ждали, когда к микрофону подойдет Гранатов. И вот:

— Друзья, образно говоря, настоящая экспедиция на планету Той начиналась где-то здесь, на перепутьях электронных орбит. Только из темпоскафа и можно рассмотреть ее хорошенько, взвесить все «за» и «против», рассчитать варианты спасения планеты.

Мы отправляемся на четырнадцатый уровень. До свиданья, а может, и прощайте.

Молчание. Тягостная пауза...

— Почему я сказал «прощайте»? Потому что нет у нас, зачем же обманывать друг друга, нет стопроцентной уверенности, что мы вернемся оттуда.

Причины две. Одна была известна заранее. Здесь проходит порог. До сих пор мы переходили с уровня на уровень нашего обычного вещественного мира, сей-

час переходим в другой — ядерно-квантовый. Тот мир принципиально иной — это известно со школьной скамьи. Люди, металлы, земля, вода и атомы — все это тела одного порядка плотности, атомные ядра на четырнадцать порядков плотнее. И напряжение там на шесть порядков выше, и, что самое настораживающее, время тоже делает скачок. До сих пор все шло у нас по простому закону Аникеева — Жерома: ускорение времени пропорционально уменьшению. Но на пути к ядру перелом: там четырнадцатый порядок малости, но двадцать четвертый порядок темпа. Нет ясности, как мы преодолеем порог. Если наше время будет меняться плавно, мы ничего не разглядим в мелькании ядер. Если же оно изменится скачком, неизвестно, как мы перенесем его. И совсем неведомо, как мы вернемся. Природа что-то добавляет к нашим расчетам. Непонятно, какой темп будет нам сопутствовать, следовательно, нет уверенности, что мы точно прицелимся для возвращения.

Как осторожный и разумный капитан я должен был бы остановиться у этого порога... или непроходимой пропасти... если бы не одно дополнительное обстоятельство, о котором доложит вам Чанг.

Снова говорок физика, подчеркнуто невыразительный, бесстрастный:

— С разрешения профессора Гранатова я поделюсь с вами некоторыми предварительными соображениями. Речь идет о деталях, трудноразличимых при телескопическом наблюдении, но явственно проступающих при сравнении последовательных снимков. Мы регистрируем электронные волны уже около четырех биологических суток, сделали скоростную съемку, накопили несколько тысяч кадров, пригодных для изучения с помощью микроскопа. И нами установлено, что в зоне максимального напряжения, которую Юлий Валентинич образно и условно называет золотым колечком, наблюдаются интенсивные изменения — пятна неправильной формы, причем

изменяющие форму периодически. Они становятся шире и приобретают яркую окраску, когда колечко приближается к ядру и к нашему темпоскафу одновременно; пятна блекнут, когда колечко находится в дальних участках орбиты. Заметно, что эти изменения запаздывают примерно на десятую часть периода, то есть как бы на месяц, если считать один оборот электронным годом.

Это запаздывание, а также неправильная форма пятен, разнообразие оттенков, сезонность изменений привели нас к гипотезе о том, что мы имеем здесь дело с проявлением своеобразной внутриэлектронной жизни.

В пользу данной гипотезы говорят земные аналогии. Максимум тепла наше полушарие получает в июне, но июнь — только начало лета, минимум тепла — в декабре, но январь и даже февраль холоднее. Температура отстает от календаря, и жизнь отстает от календаря на Земле.

Кроме того, жизнь предпочитает пограничную среду: стык воздуха и суши, воды и суши, то есть берега, дно, поверхность. Поверхность электрона также является пограничной средой. И наконец, напоминаем, что явления физического порядка чаще имеют правильную форму: шары, плоскости, эллипсы, овалы. Неправильная форма пятен свидетельствует в пользу их биологического происхождения или же говорит о неоднородностях среды. Но неоднородности тоже являются благоприятной средой для генезиса жизни.

Остается вопрос об энергетике. Хотя планетарная модель Бора в общем подтвердилась, атом действительно напоминает солнечную систему с массивным центральным телом и спутниками на орбитах, но на том аналогия исчерпывается. Нет никаких оснований полагать, что ядро, связанное полями с электронами, играет здесь роль солнца, которое могло бы способствовать появлению жизни. По-видимому, ядро не является солнцем и не

освещает электроны. Однако имеется еще одна теоретическая возможность. Пятнообразование не наблюдалось в течение первого биодня нашего пребывания в данном атоме. На второй и третий день оно стало заметным, сегодня — на четвертый биодень — идет с возрастающей интенсивностью. Все это происходит только на ближайших к нам электронах К-уровня. На уровнях L и M, а также и на электронах кислорода никаких пятен не наблюдается. Напрашивается вывод, что именно мы, локализуя близлежащие электроны и постоянно облучая их, подали туда поток энергии, достаточный, чтобы создать изменения небиологического или биологического характера. Следует добавить, что за эти четыре биодня электрон совершил десять миллиардов оборотов вокруг ядра, на нем прошло как бы десять миллиардов лет — срок, вполне достаточный для зарождения и развития сложной и даже разумной жизни.

Такова моя предварительная гипотеза. А теперь слушайте заключение профессора.

Снова гремит из рупора бодрый, при всех обстоятельствах бодрый, голос профессора Гранатова:

— Товарищи, я разделяю и одновременно не разделяю гипотезу моего молодого друга. Не разделяю, потому что считаю его вывод скороспелым... и чересчур простым, как ни странно. Ведь это же самое примитивное, самое первобытное рассуждение: все непонятное объяснять вмешательством живых невидимок. Ветер поднимается — кто-то дует, выпятив щеки. Вулкан извергается — кто-то в жерле разжег костер. Откуда на электроны цветные пятна? Какие-то духи раскрашивают его акварелью...

Нет, я предпочел бы найти там что-то неожиданное, может быть, даже более удивительное, чем жизнь.

Вместе с тем, как было сказано, я разделяю соображения моего молодого друга. Познакомившись с насекомыми, амебами, клетками и генами, я увидел такую

оригинальную, «не по-человечески» устроенную жизнь, что я готов поверить и в электронную. Жизнь живуча невероятно и бесконечно изменчива. Дайте ей материал и приток энергии, она появится обязательно. Жизнь мы встречали на втором, четвертом и шестом уровнях. Нет ничего удивительного, если мы встретим ее и на шестнадцатом, а если не на шестнадцатом, то уж на двадцать шестом несомненно. И без сомнения, где-нибудь есть и разум, где-нибудь мы сумеем побеседовать с миллимикролилипутиками об относительности пространства и времени, о дружбе и любви, отцах и детях, войне и мире, разуме и чувстве и обо всем прочем, что нас волнует. Но если где-нибудь жизнь встретится обязательно, я не вижу оснований, почему бы ей не зародиться на этих двух К-электронах, которые мы без спроса необдуманно облучаем уже десять миллиардов оборотов подряд. Придется проверить, несмотря на риск. И это очень грустно. Чанг в своем упоении открытием не понимает, как это грустно, если мы действительно породили жизнь, ставши непрошеным солнцем.

Если он прав, что делать тогда? Придется светить и дальше.

Гранатов помолчал и добавил со сдержанной печалью:

— Профессор Юстус сказал когда-то: «Что дороже жизни? Две жизни дороже одной». Мне жалко Чанга и Джона, очень жалко Марину — это такое недоразумение в самом начале молодости. Мне и себя жалко: так много начатого, незавершенного. Хотелось завершить начатое, хотелось и просто пожить почетным гражданином-пенсционером на зеленой планетке Земля, с таким вкусным воздухом и водой. Ну что ж, не доведется. Незаменимых нет, когда-то приходится сдавать дела. Гельмут, видимо, ты заменишь меня, ты самый опытный. Помни, что я говорил тебе на скамеечке. В Т-граде назревает кризис, и Атомматерик не выручит его. С горечью признаю, что

Атомматерик отпадает... Временно. В него нельзя вторгаться беспрепятственно, сначала надо подумать о здешних аборигенах, электронных. Значит, надо искать новое. Ищи! Но не единолично. Спрашивай Анджея, говори с Вильяновой, владельцем гениальных рук, с человеком любивым Бхакти и практичным Катаямой. И выслушивай Льва тоже. Он зелен, молод, но у этого молодого человека чутье на неоткрытое. Желаю успеха, друзья. Прощайте... а может, и до свидания. Держитесь. Не сдавайте темп Темпограда!

Ну мог ли Лев покинуть Темпоград в такое время?

Июнь 2099 года

«Прошу продлить мне срок пребывания в Темпограде на одни (1) темпосутки в связи со срочной работой по реорганизации совета после безвременной гибели...»

«Прошу продлить мне срок пребывания в Темпограде на одни (1) темпосутки в связи...»

«Прошу продлить на одни (1) темпосутки...»

«Прошу продлить...»

«Приказываю оформить мне продление...»

«Приказываю оформить...»

«Президенту Академии Времени

Многоуважаемый президент Ван Тромп!

Существующее положение с жестким трехгодичным сроком пребывания в Темпограде мешает нормальному проведению научных работ.

Многие ученые не успевают окончить исследование, приходится откомандировывать их только потому, что истек положенный срок и поручать завершение работ некомпетентным новичкам.

В других случаях, хорошо зная, что возвращение в Темпоград практически исключено, закончив работу, люди дотягивают свой срок без особой нужды, придумывая себе добавочную тематику.

Прошу уравнивать нас — темпонавтов — в правах с астронавтами. В космосе нет стандартных сроков, каж-

дая экспедиция работает сколько требуется по конкретному плану...

В Темпоград каждый ученый прибывает по своему личному желанию и имеет возможность по желанию оставить город в любую минуту. В отличие от космоса отбытие осуществимо практически.

Настаиваю на том, чтобы отменить надуманные ограничения...»

Денек, еще денек, неделька, другая... Но много ли темпоградских недель у человека? Четыре-пять полновесных. А там уже старость, на пенсию пора, силы иссякают, жизнь подходит к концу.

Логика же всякий раз одинаковая. В Большом мире тебя подождут денек-другой. Мама на курорте, за Жужей присматривают медики; с родными ничего не случится за эти два дня. В Темпограде же ты остро необходим. Тут решаются судьбы замыслов и проектов, накладки, запарка, кризис. И никак не обойдется Т-град без референта Льва Январцева, без члена совета Январцева, без ученого секретаря Январцева, без его докладов, его предложений, его гипотез, его расчетов, его опыта, без чутья на очередные и внеочередные неделанные открытия.

Тем более что в Большом мире сию минуту глубокая ночь, Жужа спит все равно, или же раннее утро, незачем будить, или поздний вечер, до утра можно и подождать, или нерабочий день, Академия закрыта, не с кем разговаривать до понедельника.

Или же ливень, гроза: глайсеры не летают. Есть смысл подождать, пока распогодится.

А пока распогодится, возникает еще одно срочное дело, задерживает на часок, другой, третий.

Надо же разрешить острый кризис.

Но, как говорил Гранатов, Темпоград был запроекти-

рован на неизбежные кризисы. Он был задуман и построен, как город скорой научной помощи. Готовые оказать помощь ежеминутно, на всех ярусах должны были ожидать кабинеты, лаборатории и головы. Но, ожидая, простаивали. Простаивание лабораторий невыгодно, простаивание голов недопустимо; мозги надо занять чем-то, иначе их владельцы разбегутся... и будут правы. Чем занимать свободные места и умы? — эта проблема не уходила из Темпограда.

Только в самые первые дни она не чувствовалась. Город долго проектировался, долго строился. Надеясь на него, все науки накапливали списки срочных дел. Не всех жаждущих удалось включить в первую очередь. Институты и ученые спорили, с обидой доказывали, что их темы важнее, напрасно их обошли, предпочли перспективных соперников, большой ущерб будет от такого непродуманного решения.

Счастливицы, получившие билет в Т-град, рьяно взялись за работу... На сколько лет была рассчитана их работа? У большинства — на год-два, у некоторых — на полгода. Следовательно, уже 15 мая, не успев написать возмущенный протест, обиженные получили приглашение в Темпоград — на освободившиеся места. И многие запросили отсрочку. Далеко не каждый может приступить к исследованию сию минуту, даже если оно задумано и продумано. Нужно собрать материалы, нужно собрать вещи, подбить итог прежним делам.

Так что через несколько дней завал срочных дел рассосался. Подготовленные исследования были завершены, неподготовленные нельзя было начать. Город начал пустеть.

Тогда в опустевшие кабинеты пригласили авторов монографий, учебников, романов, поэм, симфоний и опер, монументальных полотен и световых картин, монументальных статуй и все ниспровергающих теорий. В парке у Часов слышались разговоры о статических и динами-

ческих композициях, борьбе линий, форме и содержании, формулах и существе. Изменился дух города, изменился состав президиума. Шел спор: что такое Темпоград — Город-лаборатория или Город-гостиница? Гости были в большинстве.

Лев застал самый конец этого периода. Мрачный поэт, предсказавший его будущее, а также первый муж Жужи были из числа гостей.

Гостиница исчерпала себя. Сколько лет нужно было авторам, чтобы завершить свой труд? Полгода, год-два, три года — самым неторопливым. Следовательно, через два-три дня творцы освободили свои кабинеты. Еще через два дня ушла и вторая смена. Третья не набралась. Оказалось, что на всем свете не так уже много авторов, способных сию же минуту явиться на вокзал Темпограда с ворохом бумаг и замыслом в голове. Большинству надо еще подумать, почитать, поднакопить наблюдения, повременить месяц или два. Но два месяца для Темпограда — это же целая эпоха.

Дискуссия угасла сама собой. Примерно к 22—23 мая в президиуме остались только представители точных наук, твердо убежденные, что Темпоград — Город-лаборатория.

Лев вошел в эпоху лаборатории. Город заполнили математики, физики, химики, физикохимики, химикофизики, биохимики и биофизики. Разговоров о композиции и контрапункте почти не было. У Часов рассуждали о квантах, сингулярностях, релятивизме, аберрации, адсорбции, аккумуляции и активации.

Лев это слышал, отметил, принял как должное. Но он не понял, что и эпоха лаборатории на склоне. Лев не понял, а Гранатов знал и очень беспокоился о надвигающемся кризисе.

Дело в том, что физика, задававшая тон в лабораториях, во все века развивалась рывками. Физика изучает вещество, а вещество, образно говоря, «этажно». Не-

бесные тела, земные, молекулы, атомы, частицы — это и есть «этажи». Рывок следует за открытием очередного этажа.

Телами занимались ученые XVII и XVIII веков. XIX век — эпоха молекулярной, затем и атомной физики. Физика газов, жидкости, теплоты — молекулярные разделы. Глубже атомов наука не шла, некоторые ученые даже считали атомы условной гипотезой. И раздавались наивные голоса о том, что вообще физика завершена, остались некоторые уточнения.

Но на рубеже XX века состоялся прорыв (и рывок) в недра атома. Были открыты ядро, электроны и многие другие частицы, неудачно названные элементарными. Расцвела атомная физика, ядерная, физика частиц. В первой половине века открытия сыпались как из рога изобилия, во второй половине рог иссяк. Частицы считались неделимыми, бесструктурными. Говорилось о неделимых окончательных порциях энергии, пространства, времени, об условности всех физических понятий. И раздавались голоса о том, что вообще физика завершена, основные законы известны, остались некоторые уточнения.

Однако в XXI веке из недр материи ударил новый фонтан сенсаций. Было признано, что все частицы состоят из вакуума, а вакуум — из тонюсеньких фибрилл, невидимых, непостижимых, невообразимо маленьких, ни на что не похожих. Их тоже считали гипотетическими, условными... но условности эти поддавались расчетам и укладывались в формулы. Из вакуум-физики XXI века вырос МЗТ — межзвездный транспорт и МВТ — межвременной. И сам Темпоград был детищем вакуумной физики. Но чтобы идти дальше, требовалось проникнуть внутрь фибрилл, требовалась какая-то иная, еще не родившаяся техника. Пока ее не было, приходилось жонглировать уравнениями, в лучшем случае — ставить косвенные опыты. Продвигаться было некуда, и

многие ученые пали духом: заговорили о том, что фибриллы неделимы, вообще наука о природе завершена, остались некоторые уточнения.

И стали покидать Темпоград. Уточнять можно было и без излишней спешки, у себя дома, в кругу семьи, попивая чай с вареньем на застекленной террасе.

Угроза космической катастрофы, проблема спасения тоитов, задержали бегство ученых. На несколько дней-лет лаборатории были загружены заказами Зонта и Меча. Никто не скучал без дела.

А потом началась постройка темпоскафа. Только в Темпограде могли построить этот сложный корабль за три дня. Большому миру понадобилось бы три года.

Темпоскаф открыл Атомматерик и новую эпоху в истории Темпограда. Местная газета писала: «Мы — Город-вокзал». Подразумевалось, что Темпоград — вокзал для экспедиций в микрокосмос.

Трагедия Гранатова не отпугнула никого. Предусмотренная опасность не опасна. В недра микромира рвались зоологи, ботаники, физиологи, медики, генетики, химики, физики — механики, гидравлики, теплотехники, электрики, атомники и все другие. Все наперебой присылали заявления с подробным описанием исследований и настоячивыми и убедительными просьбами включить их в ближайшую экспедицию. Каждый доказывал, что именно он необходим в экипаже. Темпоград срочно готовился стать Городом-вокзалом.

Ну мог ли Лев покинуть город в такое время?

Два дня Темпоград жил планами и надеждами.

Академия Времени сказала: «Нет!»

Почему отказала? Из-за экономики. Ведь, выигрывая во времени, Темпоград ничего не выигрывал в затрате сил и средств. Каждый темпоградец за сутки делал годовую работу, но при этом, грубо говоря, съедал годовой запас хлеба. Конечно, не еда лимитировала. Темпоград потреблял в 360 раз больше энергии, материалов и часов

труда, чем любой другой научный городок с таким же населением. В быстром времени проживало около ста тысяч, но снабжать надо было 36 миллионов — целое государство научных работников. Да, Темпоград мог бы смонтировать десять темпоскафов в сутки. Но Земля не склонна была отправлять 3600 экспедиций. Заслуживает ли Атомматерик такого внимания? Академия Времени еще не успела обработать поток информации, бьющий из Темпограда, еще не успела обсудить все депеши Гранатова. Наверное, и траурный митинг еще не состоялся.

Академия наметила одну экспедицию на 4 июня, следующую — на 10-е.

Будущие микронавты начали покидать город. Своей очереди они могли дожидаться и в приятном Большом мире. Там дни проходили быстрее.

Лев предложил, чтобы Т-град стал Городом проектов.

Идея естественная: старинная пословица говорит: «Семь раз отмерь, один раз отрежь». Медлительное проектирование стремительного строительства было правилом XXI века. В самом Темпограде пять лет (пять дней Большого мира) проектировали Астрозонт и Астромеч, чтобы изготовить их за две-три недели.

И Темпоград заполнили конструкторы.

В парке заглохли разговоры о квантах и кварках. Теперь в аллеях говорили о допусках и отходах, эффективности и экономичности, об усталом металле, смятии и скалывании, работе на растяжение и на изгиб. Сотни групп налаживали проектирование в Темпограде, и всем нужен был опыт проектировщиков Астрозонта и Астромеча, Льва Январцева, в частности. Но пожалуй, если бы в это время Жужа проявила настойчивость, Лев, может, и сдвинулся бы. Однако Жужа все еще дулась, и вместо Льва уехал Баумгольц. Все-таки при всех своих организаторских талантах наследник Гранатова не мог быть духовным наследником, вдохновителем Темпогра-

да. Гранатов сказал о нем как-то: «Гельмут любит продумывать, но не придумывать». Баумгольцу трудно было лавировать, вникать в новые дела, менять курс. Ему все хотелось установить окончательный порядок. И в соответствии с установленным порядком, минута в минуту, когда ему исполнилось шестьдесят биологических лет, Баумголец ушел на пенсию. Президентом стал Хулио Вильянова (не Анджей же с его безумными идеями в порядке бреда). Темпоград вынужден был выбирать президентов из старожилов. Ведь город уже опережал Большой мир на доброе десятилетие в науке; вновь прибывшему нужно было прежде всего доучиваться. Конечно, Вильянова был не самой лучшей кандидатурой. У него был талант в пальцах, как говорил Гранатов. Но при пальцах нужны были генераторы идей — упомянутый в облаках витающий Анджей, а также и Лев со своими графиками и осями открытого и неоткрытого.

Мог он покинуть Темпоград в такое время?

Тем более что назревал очередной кризис. Проекты завершались, оформлялись и отсылались, авторы их выбывали в неторопливый внешний мир, неторопливо обсуждать, утверждать, завозить материалы и рабочую силу. Проектанты уезжали, новые не прибывали. Не так уж много мастерских могли приступить к проектированию сию минуту. Большинству требовалось собрать материалы, подготовить, обдумать; они просили месяц-другой на сборы. Но месяц-другой для Темпограда — эпоха. Пустовато становилось в квартирах, кабинетах, проектных бюро и в аллеях парка у Часов.

Академия Времени не поспевала подавать задания.

Лев внес предложение. пусть девизом следующей темпоградской эпохи будет: «Скорая помощь медлительной природе».

Старинная мудрость гласит: «Не дергай за волосы, быстрее не вырастут». Во многих случаях XXI веку надо было дергать за волосы. Медлительный естественный

рост тормозил бурные и все ускоряющиеся темпы индустрии. Природа не спешила. С недопустимой медлительностью растворялись или выпадали в осадок соли, лениво росли кристаллы, еще медленнее созревали растения, еще медленнее подрастали животные. В результате новые породы создавались годами, а проверялись десятки лет.

И у Часов смолкли беседы о скалывании, сдвиге и крутящих моментах. Теперь слышалось другое: гены, аллели, кроссинговер, штаммы, клоны, чистые линии. На газонах под усиленным светом прожекторов набирали силу худосочные стебельки; за загородками визжали, мычали и блеяли невероятные гибриды, спроектированные генными инженерами; в абсолютном безмолвии незамутненных растворов вызревали кристаллы безупречной формы и дивной расцветки.

На неделю хватило бурной деятельности. А там и селекционеры начали разъезжаться. Породы они вывели, теперь предстояло проверять их на полях и фермах, размножать в разных странах, приспособливая к местному климату.

На следующей неделе Темпоград стал Городом сложности. Нашлись в разных отраслях и науках такие сложные дела, которые никак не удавалось выполнить вовремя.

К числу их принадлежало предсказание погоды. Еще из прошлого XX века в XXI перешла трудноразрешимая проблема: для точного предсказания завтрашних перемен надо было решать уравнения целый год. Но у Темпограда как раз и был год работы для каждого дня. Здесь можно было успеть разобраться со всем сонмом уравнений.

Снова сменилась тема разговоров. В комнатах, на улицах и на аллеях больше не говорили об аллелях. Всюду слышалось: циклон, антициклон, грозовой фронт, холодный фронт, кумулюсы, альтокумулюсы, бары, изо-

бары... С волнением сообщали, что в Гималаях начал таять снег, Брамипутра выходит из берегов, а Канзасу угрожает засуха.

Чем это кончилось? На беду свою Темпоград пере-выполнил задание. Анджей Ганцевич предложил безумную идею, позволяющую в перспективе не предсказывать, а поправлять, потом и заказывать погоду. Вильянова заявил, что он способен построить опытную станцию для управления климатом. И выбыл в Большой мир, чтобы испытывать систему на подлинном климате. Прогнозы, само собой разумеется, теряли остроту. Темпограду надо было искать новый девиз.

Мог ли в такое время покинуть город президент совета Лев Январцев?

Да, он стал президентом, хотя в городе были и более видные ученые. Но Темпоград вынужден был выбирать старожил. Ведь город опережал мир на десятилетия, каждый вновь прибывший обязан был доучиваться.

Впрочем, против Январцева не было возражений. И стаж солидный, и возраст уже солидный.

Денек, денек и еще денек, неделя ради планеты Той, неделя микрофизическая, неделя проектов, неделя генетическая, неделя геофизическая. Вот и месяц прошел. Льву пятьдесят биологических лет; у него высокий лоб с залысинами, седые завитки в кудрях, нездоровая бледность. Пожалуй, он выглядит даже старше своих био-лет. Темпоград не красит. Ни солнца, ни ветра; тридцать лет без отдыха на природе. Самое время лечиться.

И следующая неделя была медицинской.

Не Лев придумал ее, это предложила Академия Времени.

Идея была проста: пусть Город скорой научной помощи станет просто Городом скорой помощи, даже Городом помощи — медицинской, еще точнее — Городом консультантов. Поселим в нем самых умелых, самых

знающих врачей. Где-то в мире произошло несчастье, человека положили на операционный стол. Местный хирург берется за скальпель... и все это передается на экраны Т-града. Консультант видит работу практика, может его направить. Не слишком часто, чтобы не нервировать, скажем, один раз в четыре минуты. Но четыре минуты земного хирурга — это темпоградские сутки. За рабочий день консультант может неторопливо осмотреть три десятка операционных столов, подумать над каждым. Сеанс одновременной консультации. Три десятка операций под наблюдением светила.

Где еще полезны такие сеансы? И в спорте, и в балете... Всюду, где учеников много, и каждому нужен глаз мастера мирового класса. Но в медицине чаще всего.

Темпоград заполнили медики. Всюду — в коридорах и на улицах — звучала певучая латынь, шли разговоры о хемотерапии, термотерапии. В президиуме рядом со Львом Январцевым сидел медик, и президент после заседаний эгоистически заводил разговор о своем собственном сердце.

— А зачем вас выслушивать? — взволнованно кричал медик. Привыкнув иметь дело с больными, уклоняющимися от лечения, вице-президент усвоил себе манеру наигранной взволнованности. — Зачем выслушивать? Вы преступник. Вы преступно жестоки к самому себе, вы устроили заговор против жизни президента Темпограда Январцева. Сколько лет вы не отдыхали? Пять недель в Т-граде, в этой камере без решетки! Вам пятьдесят четыре биологических, вы выглядите на все шестьдесят. Как я могу лечить человека, который сам себя приговорил к дряхлости? В Москву, на природу, на чистый воздух, вот вам и все лечение.

— Я уже собираюсь, — смущенно улыбался президент. — Устал, честно говоря. Введу вас в курс дела — и домой. Жена у меня на четвертом месяце (четвертый

все еще шел у Жужи). Наследник будет или наследница. Дожить надо хотя бы. Еще денек...

Но прошел денек и другой. И не вице-президент проводил Льва, а Лев остался без заместителя. Ибо и врачи начали покидать Темпоград. В свое время инженеры уезжали с готовыми проектами, а теперь врачи — с готовыми лекарствами. В Темпограде не хватало больных для каждой болезни в отдельности. Вице-президент предложил какой-то препарат для тропической лихорадки. В Темпограде не было тропиков.

— Едем со мной, умоляю, — говорил он, обнимая президента на прощание. — Неужели вам не хочется поглядеть на голубое небо, по-настоящему голубое. Нельзя же откладывать до бесконечности. Чего вы добиваетесь? Чтобы ваш памятник стоял на кладбище Темпограда? Уверяю вас, эта мечта осуществится, и скорее, чем думаете.

— Я уеду, — обещал Лев. — Уеду очень скоро, даю слово. Через денек, даже раньше, через несколько часов. Тут наметилась опасная тенденция, кажется, опять назревает кризис. Вытащу город из кризиса и уеду.

ТЕГРАДИЗАЦИЯ ИЛИ ДЕГРАДАЦИЯ?

28 и 29 июня

Переход от глобального к персональному — так можно бы назвать новую тенденцию, неприятную Льву, которую он даже назвал опасной.

Тенденция эта проявилась уже в медицинской неделе, когда искателей лекарств и методов лечения потеснили консультанты, занятые излечением не болезни, а конкретного больного... персонально.

Затем ее подкрепили студенты и будущие студенты.

В Большом мире был июнь — пора экзаменов, выпускных и приемных. В Академию Времени и на стол президента Т-града сыпались заявления от заботливых родителей и братьев — жителей Темпограда: «Ввиду того, что в данном корпусе пустуют такие-то и такие-то помещения, прошу разрешить мне пригласить на час-два-три... на шесть часов — сына, дочь, сестру, брата, племянника, племянницу... отдохнуть перед экзаменами».

Отдохнуть полдня перед экзаменами означало готовиться лишних полгода.

Президент не хотел решать этот вопрос в плане личных одолжений. Всех на свете студентов город принять не мог. Надо ли давать разрешение проворным родственникам, ставить их в привилегированное положение по сравнению с другими претендентами, давать им лишнее время на подготовку, неорганизованность, в сущности, поощрять?

К удовольствию Льва, Академия ответила отказом. — Нет, в Темпоград не надо пускать отдельных избранных. Но не стоит ли?.. — Ван Тромп сам перешел на вопросительный тон. — Не стоит ли разработать типовой проект небольшого Т-дома, Т-комнаты, Т-будки для любого города, куда мог бы зайти неуспевающий, всякий, кому не хватило месяца, дня, часа?..

Студент забежал перед экзаменом, перелистал конспект.

Докладчик зашел, цифры проверил, прорепетировал...

Редактор отлучился на пять минут, прочел рукопись и сразу — обоснованный отказ. Автор не мучится, не терзается.

Ночной дежурный выспался перед сменой, томиться не будет. Вообще, десять смен подряд — не подвиг. Выспался перед каждой.

Оратор удалился в разгар полемики. Все взвесил, посоветовался, цитаты подобрал, придумал остроумные возражения, сокрушительные доводы... и через пять минут — на трибуне, разит насмерть.

Поэт покинул праздничный стол на минутку, сочинил экспромт, почеркал, поправил, на слух попробовал...

Актер повторил роль перед действием. Или новую выучил, чтобы заболевшего заменить.

Или заболевший сам лег в Т-больницу, отлежался, вылезился за полчаса.

Мир, где никто никого не подводит, всем хватает времени!

Сначала Январцев загорелся. Пожалуй, Ван Тромп предложил правильную линию развития. Техника всегда шла от крупного к малому: сначала башенные часы, потом наручные; сначала паровоз, потом мотоцикл, сначала пушка, потом револьвер... Малое требует более тонкой, более точной работы. Замена темпогорода темпокомнатой ставила очень много увлекательных технических задач.

Президент начал прикидывать. Итак, проект: «Темпы в быт!» Дадим задание таким-то бюро. Конструкторы темпоскафа разбираются в подобных делах. Надо вернуть из Большого мира таких-то и таких-то... Вильянову неплохо бы позвать...

Потом задумался. Малое увлекательно и трудно, но главное ли это направление? Мотоциклы не ликвидировали железных дорог. Техника шла и от крупного к малому, и от крупного к грандиозному: от паровозов XIX века — к автомашинам и мотороллерам, и от паровозов XIX века — к танкерам, перевозящим целое озеро нефти.

Но танкер не отменяет катер. У танкера своя задача, у катера — своя.

Т-будки для опаздывающих студентов, а для чего Т-города?

Январцев должен ответить — президент Темпограда. Должен ответить, прежде чем уйти на отдых.

Повременим с отдыхом денек.

Так рассуждал он: «Темпоград был задуман, как город помощи науке. Но наука — разведка производства. В лабораториях испытывается то, что придет на заводы лет через десять.

Темпоград — разведка науки. Он должен готовить то, что придет в лаборатории лет через десять.

Как угадать, чем займется наука лет через десять?»

У Льва есть подсказка — пресловутые оси Жерома.

Ну конечно же, он должен был подумать об осях.

Об оси малых размеров, например. На втором уровне насекомые, на четвертом — клетки, на двенадцатом — атомные ядра. Экспедиция Гранатова прислала сообщения с двенадцатого...

Что должен делать Темпоград? Готовить экспедиции на 14-ю, 24-ю, 34-ю ступени... Все глубже и глубже, в недра бесконечно малого.

Но ось бесконечно малого одновременно и ось беско-

нечно быстрого. В темпоскафе время ускорялось на 2, 4... 12 порядков. Что даст ускорение на 14, 24, 34 порядка? Может быть, понимание сути времени? Знание! Знание, которое сила!

Ось скоростей. Пешеход — ноль отсчета. Добрый конь увеличил скорость раз в десять — на один порядок, у гоночной автомашины скорость второго порядка, у сверхзвукового самолета — третьего, у спутников — четвертого. Туго шло продвижение по оси скоростей. С трудом вышла техника на шестой порядок — субсветовые скорости. А потом последовал прорыв в надпространство, и были созданы установки МЗТ с девятым, даже десятым порядком.

Но оси Жерома не прямолинейны, они извилисты и за каждым поворотом открывают новые перспективы.

Поворот за скорость света позволяет смотреть в прошлое. С планеты Той видна не сегодняшняя Земля, а наш мир 2039 года. Теоретически. На самом деле Земля не видна даже в телескоп. Не удастся собрать рассеянный свет.

Но ведь Астрозонт мог бы отражать свет от целой планеты, мог бы и собрать весь свет, падающий на планету.

Январцев записывает в план работ:

«Хроноскоп — телескоп, глядящий в прошлое.

Космическая линза — зажигательное стекло планетарного масштаба. Возможность резать и плавить целые планеты».

Ось прошлого связана с осью скоростей.

А ось будущего? С осью сложности, оказывается.

Затмения предсказываются с древних времен с замечательной точностью на сотни лет вперед. Почему? Потому что просты движения небесных тел? Всего две причины: тяготение и инерция. Для инерции уравнение первой степени, для тяготения — второй. Школьная задача.

С атомами посложнее. На оболочке три силы — инерция движения, притяжение атомного ядра и отталкивание между электронами. Проблема трех тел, в общем виде неразрешимая. И возникает неопределенность. Не говоря уже о путанице с самим электроном — не то частица, не то волна.

Можно ли предсказать поведение животного? Основных мотивов три: голод, инстинкт самосохранения и инстинкт размножения. Пожалуй, с тремя мотивами вычислители справятся. Можно подсчитать, когда волк выйдет на охоту. Но ведь неизвестно, что он встретит по дороге:

Сколько мотивов в основе деятельности человека?

Машина Скептик учитывает десять.

Машину на сто мотивов хотел бы спроектировать Лев.

Будет ли она предсказывать поведение человека?

В основном, вероятно, будет. Если не предскажет, поможет разобраться.

Человек — самое сложное, самое совершенное, что есть в известном мире. Самое совершенное, но идеальное ли?

Лев Январцев недоволен своим собственным умом.

Он считает, что его ум медлителен, читает не более двух страниц в минуту. Его ухо слышит не более трехсот слов, память запоминает семь предметов зараз, десятка три новых понятий за сутки. Вообще она перегружена, с каждым годом все неохотнее находит площадь для новых сведений. Лев не способен заниматься тремя делами сразу, с двумя справляется туго и плохо. Четко думает об осях, ясно видит одну сторону дела, о второй вспоминает не сразу, в пяти-шести путается безнадёжно. А мир-то многогранен.

Улучшение мозга вносится в список важнейших дел Темпограда.

Улучшение мозга. Тысячемотивная машина для бу-

душего. Хроноскоп для прошлого. Темпоскаф для бесконечно малого...

И сразу возражение:

Почему завяли дела с темпоскафами? Промышленность не справлялась. Проекты в Темпограде, заводы в Большом мире. В Темпограде голова; руки-ноги снаружи. Беспомощна голова без тела.

Следовательно, нужно перевести в Темпоград и заводы.

Тут гвоздь проблемы!

Некогда, недель семь назад, при основании Темпограда, все твердили: «Девиз города: «По потребности без промедления!» Говорили: «Долог путь от пробы до прилавка, от заказа до доставки». Говорили: «Тянется-тянется цепь: идея — опыты — проекты — завод — массовое производство — доставка». Темпоград сократил только первые звенья — от идеи до проекта включительно. Но дальше все идет в прежнем темпе: строится завод, расставляются станки, обучаются мастера и так далее.

Итак, производство в Темпоград! Но что это означает? Надо разместить в городе заводы, поселить рабочих и инженеров, знающих, квалифицированных. Где обучать их? Снаружи? Медлительными темпами? Не хватит специалистов. Стало быть, и школы надо перевести на быстрое время? В самом деле, зачем учиться, учиться, учиться десять лет, если за десять дней можно пройти всю программу?

Т-города для ученых, Т-города для рабочих. И для школьников Т-города. Тянется одно за другим.

Очередной вопрос: где кормить все это стремительно растущее население? Как обычно, хлебом с полей, рыбой из морей? Но поля на Земле не резиновые, моря не растягивающиеся. Можно повысить урожайность в 360 раз?

Президент отмечает: «Урожайность — задание химикам».

Химики думают, президент размышляет. В Темпограде хватает времени для размышлений. Но нужно, чтобы и Большой мир задумался, чтобы морально готовился к новой своей судьбе. И для неторопливого внешнего мира президент пишет статью «Т-будущее человечества».

Он пишет о том, что практическая деятельность требует темпа, темпа, темпа. Трудиться надо поэтому в темпоградах: там жить, там расти, там учиться, там изготавливать машины и пищу.

А остальная Земля, наконец-то освобожденная от коптящей промышленности и пылящих пашен, станет всемирным парком чистоты и отдыха. Потрудившись вволю, люди будут приезжать в девственные леса, к незамутненным морям, неизуродованным горам. Воплотится извечная мечта горожан о нетронутой природе.

Он пишет, что эти визиты в природу, в прежнее медлительное время совершенно изменят стиль жизни человека. Проработавши три-четыре дня — три-четыре биологических года — в одном из Т-градов, люди будут уходить в отпуск на три-четыре месяца, набираться сил. Но за это время в Т-граде пройдет около ста лет — целая эпоха. Из отпуска люди вернутся в другой век. И воплотится еще одна мечта, та, что выражалась словами: «Одним глазком посмотреть бы на будущее!» Отныне любой гражданин после очередного отпуска войдет в будущее двумя ногами, посмотрит двумя глазами и двумя руками возьмется за дела, которые прежде ему казались сказочными. Каждому достанется жизнь в нескольких эпохах.

«Попутно, — писал президент, — будет решена издревле висящая над нами демографическая проблема. Темпограды невелики, одного гектара на каждый город хватит с лихвой. На зеленой планете они займут совсем

немного места: какие-то доли процента. Если же в весьма отдаленном будущем население умножится в тысячи раз и начнет отбирать территорию у парков, можно будет снова увеличить темп и уменьшить размеры городов, не урезая нисколько зеленые леса и луга. Так что нам никогда не понадобится покидать нашу родную, достаточно просторную планету, менять ее на чуждые и неудобные космические миры.

Мы удивлялись на конференциях, — писал президент далее, — почему в столь древней вселенной мы не встречаем высокоразвитых цивилизаций. Почему нет ни одной, которая опередила Землю хотя бы на тысячу лет, покорила бы и заплонила всю Галактику? Вот и ответ. Высокораствитые цивилизации распространяются не вширь, а вглубь, уходят в микромир, чтобы не распыляться в пространстве и не распылять свою культуру.

Не вширь, а вглубь.

Развиваются на родной планете, развивают свою планету».

Президент написал свою статью часам к четырем вечера 28 июня. Написал и тут же передал в Москву с настоятельной просьбой опубликовать в утренних газетах. Сам не поехал. Понимал, что большому неторопливому миру нужно время, чтобы набрать статью, отпечатать, разослать, прочесть, обдумать, обсудить, ответить. Отклики могли поступить не раньше, чем к вечеру 29 июня, вероятнее, на следующий день. А день — это год работы. За год можно разработать план перехода к всемирной теградициации, хотя бы подготовить исследование. Когда Академия Времени раскачается на обсуждение, будет что обсуждать.

— Денек я могу же побыть здесь, доктор? На день здоровья хватит? — спрашивал президент, провожая своего заместителя. — Наверное, выдержу. А как получу ответ, сейчас же прочь отсюда; прочь, прочь, даю вам честнейшее слово.

— Не верю, — ворчал медик. — Не верю и не одобряю. Санкции не даю.

За работой часы (и биомесяцы) летят быстро. Президент уточнял планы, а в Подмоскovie между тем день сменился тихим вечером, комары полютовали и сели в траву, звезды проклюнулись на неохотно темнеющем небе; потом восток стал сереть, светлеть, розоветь; разрумянились облака, и застоявшиеся станки в типографии начали хлопать плоской своей пастью, прикусывая полосу за полосой.

И неожиданно, долгожданное тоже приходит неожиданно, секретарша положила на стол президенту газету с шапкой на третьей полосе: «А ваше мнение?»

Полоса открывалась статьей Л. Январцева «Вширь или вглубь?». Но были и еще три статьи. Газета проявила оперативность: за ночь организовала три интервью — с крупным инженером-строителем, с крупным экономистом, а также и с литератором — с поэтом Олегом Русановым.

Все трое возражали президенту Темпограда.

Инженер считал, что всемирная теградизация непременно фантастична. Первый Т-град проектировался десять лет, сооружался три года. Чтобы уменьшить все города Земли, потребуются тысячелетия. На такой срок незачем загадывать.

Подобные возражения Январцев предвидел, заготовил и ответ. Технику для миниатюризации должны готовить не только в Большом мире, но прежде всего в Т-городах. Но тысяча темпоградских лет — это всего лишь три земных года. Так что не надо откладывать размышления для будущих поколений. Президент знал, сколько новых идей у него самого появилось за одну только московскую ночь с 28-го на 29 июня.

По мнению экономиста, Т-города не могли решить демографическую проблему. Да, территория городов будет сокращаться, но время-то ускорится. В результате

в данной области, в данной стране темп роста населения не замедлится. Если перенаселение ожидалось через сто лет, оно и придет через сто лет — земных.

И это возражение президент предвидел, обдумал контрвозражение. Да, выигрыша здесь вроде бы нет, но только с точки зрения стороннего наблюдателя, какого-нибудь марсианина. Это для него пройдет сто лет, а в Т-городах пройдет сто веков, а в Т-городах второго порядка — десять тысяч веков. Жители Земли получают сотни и тысячи веков беспрепятственного развития. У них сменяются тысячи и тысячи поколений, прежде чем понадобится искать другой путь развития. Есть время придумать.

«Теградизация или деградация?» — так называлась статья известного нам Олега Русанова.

Начиналась она сочным описанием раннего утра: щебет птишек в полутьме, косые лучи солнца, сверканье янтарных и бирюзовых росинок на листве. К сожалению, невозможно привести целиком это введение, поскольку литературный стиль конца ХХІ века с его многочисленными эсперантизмами и грамматическими упрощениями нам показался бы рубленным, невнятным и просто малограмотным. Приходится переводить, как и всюду в этой книге, на язык ХХ века.

«И вот, представьте себе, — писал поэт, — нашелся человек, который хочет отнять у нас всю эту красоту. Люди, братья, прощайтесь с ночью и утром, с восходами и закатами, со смолистыми борами, плеском морских волн и величием гор. Отныне вас поселят в затхлых клетках под мутным куполом, вы будете дышать безвкусным воздухом, пропущенным через десяток фильтров, купаться в отфильтрованной не очень мокрой воде, питаться безвкусной смесью белково-витаминных ингредиентов. Вы будете сидеть в душных комнатах до полного обалдения пять или десять лет, все лучшие годы, а потом вас выпустят на природу по графику, как полу-

чится — поздней осенью, или в весеннюю распутицу, или в самый мороз, выпустят в дикие дебри утомленных, изнеженных, неприспособленных, чтобы, испугавшись свежего воздуха, вы, простуженные, опрометью бежали добровольно в свои казематы и тут же, как дети, садились за парты, потому что, пока вы мокли и мерзли, прошло двадцать, пятьдесят или сто лет, жизнь ушла вперед, и все ваши знания не стоят ничего. И вы будете лихорадочно переучиваться, опять работать до обалдения, обалдевши, выскакивать на мороз или слякоть, чтобы еще раз потерять здоровье и опыт.

Для чего же такие мученья, люди? Во имя прогресса, оказывается. Но что же такое этот пресловутый прогресс, которому нас заставляют молиться уже три столетия со времен Уатта и Ползунова? Поэт сказал: «Все прогрессы реакционны, если рушится человек». Но человек, оторванный от природы, рушится. Рушится его здоровье, рушится духовное «я», потому что без природы не будет искусства; цветы не расцветают в чахлах комнатах и не расцветают художники. Человек расчеловечивается, если ему оставлено только одно: ученье и переучивание. Да и ученье-то однобокое: техницизированное, дистиллированное.

Признаюсь, в свое время я без всякого интереса встретил сообщение о торжественном открытии Темпограда, не восторгался, читая ликующие депеши о вивисекциях над людьми и временем. Но сейчас я удовлетворен, я очень доволен проделанным опытом. Опыт показал, что психика людей, вырванных из нормальной обстановки, не может оставаться нормальной. Темпоград существует всего полтора месяца и уже породил людоедскую, не боюсь этого определения, людоедскую идею. Арифмометр, созданный для срочных подсчетов, вообразил, что все мы обязаны стать арифмометрами. Угроза высказана вслух, и вывод можно сделать — естественный и единственно разумный: опасный опыт следу-

ет прекратить немедленно, Т-град закрыть завтра же, лучше — сегодня, проекты его уничтожить и в архивах не хранить копии...»

Под всем этим стояло:

«...Оставляя на совести авторов полемическую запальчивость, редакция просит внимательно отнестись...» и т. д.

Президент привстал, приложив руку к сердцу. Красные пятна выступили на его щеках.

— Какая дремучая тупость! Какая безнадежная лень мысли! Я должен ехать туда... завтра... сейчас... сию секунду...

Он сделал шаг-другой к двери. Послышался стук... Что-то тяжелое свалилось на пол.

— Что с вами? Что с вами? Доктора скорее! Президент умирает!

Крик секретарши раздражал. Болела голова и лицо... Президент провел рукой по лицу, увидел свою ладонь, алую от крови... и потолок почему-то над ладонью.

— Не кричите, — прошептал он. — Жив я... пока что...

29 июня

Президент Январцев прибыл в Большой мир 29 июня около семи утра. Роковую газету он получил в пять часов ровно и два часа после этого — темпоградский месяц — вылежал в больнице. Лежал на спине, лежал на правом боку, — на левый не поворачивался, чтобы сердце не утомлять, — тупо смотрел на узоры обоев и думал, думал...

Все об одном: почему мир не понял его?

Именно целый мир, а не один только поэт Русанов, заносчивый мастер словес. Ведь и инженер и экономист, хотя и высказывались в сдержанном тоне, тоже подыскивали возражения. В сущности, и газета косвенно поддерживала оппонентов, поставив их расплывчатые рассуждения на одну доску с обоснованным расчетом президента Январцева, объявив цифры и болтовню равноправными в дискуссии.

Может быть, такова позиция и Академии Времени? Почему Ван Тромп и другие уклонились от выступления? Почему из всей семерки высказался только Русанов? Значит, прочие согласны?

— Потому что они отстали, — говорил себе президент. — Для них основание Темпограда — наипоследнейшее достижение науки, а у нас прошло пятьдесят рабочих лет, эпоха в науке. Они как бы астрономы 1957 года, восхищенные младенческим писком первого искус-

ственного спутника, а мы уже ветераны третьего тысячелетия, у нас фотоальбомы Нептуна и Плутона на полках, для нас и следы людей на пыльных тропинках далеких планет — славное прошлое. Темпоград ушел вперед на полвека, Темпоград — будущее Земли, мы можем и обязаны это объяснить нашим научным предкам.

С таким настроением Лев Январцев и прибыл в Большой мир — прибыл промывать мозги псевдоровесникам.

Обратный путь был не так труден: ни длительной разновременности, ни парилки, ни озноба. Астронавтов и темпонавтов теперь одинаково обматывали золотой лентой. Считай до двадцати, миг... дыхание захватывало, и тут же ленты начинали сматываться, освобождая ноздри, губы и веки. Путешественник открывал глаза... и видел обширный вокзал при Академии Времени.

Знакомый зал с овальным окном во всю стену, за которым виднелся игрушечный город, увенчанный часами со стрелками. Тот же сутуловатый дежурный, похожий на тоита, распоряжался перед окном. Ему помогала та же толстуха, в том же комбинезоне с лямками, спадающими с плеча.

То же, то же, такое же! Тот же коридор с черно-голубым кафелем, складывающимся в узоры и буквы. Правда, надписи иные на обратном пути: «Поздравляем с прибытием в родное время!», «Спасибо за плодотворный труд!», «Спасибо за выполненные обещания!»

За коридором тот же лифт, выбрасывающий людей на ту же плоскую крышу. На ней то же аэротакси с шахматными поясками. Лев прилетел на фисташковом, как сейчас вспоминается. Клактл, вылезая, ударился о крыло, вмятину оставил. Вот как раз фисташковый с вмятиной. Неужели тот самый? Вмятину не выправили. Замерли, застыли!

Потому-то здешние академики и не воспринимают идею Январцева. Не проснулись, в прошлом веке дремлют.

Ничего, президент встряхнет их.

Как все забегали, как засуетились, когда он ворвался в дежурную Академии! «Гость из Темпограда! Сам президент! Немедленно созвать совет! Немедленно вызвать Ван Тромпа! Звоните, летите!» Но все равно Ван Тромп ночевал в Москве, прилететь должен был к девяти, волей-неволей приходилось начинать с ожидания — ждать целых два часа — темпоградский месяц! Возмущенный гость не захотел сидеть в кабинете, вышел прогуляться... на свидание с настоящей рекой. С юности не видал реки.

С Оки сползал утренний туман. Уже таял, только над затонами стояла молочная дымка. На белесом зеркале воды проступали нахохлившиеся силуэты любителей рыбной ловли, как бы неживые, неподвижнее черных кустов. В небе, наливающимся голубизной, нарождались облака, пухлые и розоватые, похожие на взбитые подушки и на торт безе. Президент провожал их глазами, вдыхал сырой некондиционированный речной воздух (удовольствие, недоступное для темпоградца) и думал, что, пожалуй, не стоит так уж экономить территорию, проектируя Т-города. Надо прихватывать полновесные куски природы с хорошим дремучим лесом, с приличным озером и умеренно топким болотом, посаженным бархатистыми камышами. Жалко, что реку не включишь в темпозону: не хватит места для истоков, притоков, устья и площади водосбора. А облака? Имитировать их, что ли? Светом рисовать на слишком однообразном небе Темпограда? Специальных художников приглашать, чтобы сочиняли облачные узоры?

Небо постепенно затягивало, начал накрапывать редкий дождик. Президент с удовольствием подставил лицо этому забытому душу. Со времен юности не было такого развлечения. Он немножко промок, поскольку вышел без плаща, конечно. Но кто же в Темпограде ходит с плащом? Президент промок и чуточку размяк. Не сле-

довало ему размякать перед жесткими разговорами в Академии.

Академия поразила его суетой. Все спешили, в коридорах бежали, громко перекликаясь. «Какая бес-толковая нервозность! — подумал президент. — Так же нельзя ничего обдумать, нельзя чужую мысль понять. Видимость деятельности!» Потом до него до-неслось: «Берегите секунды! Темпограду секунды до-роги!»

Ах вот как, значит, из-за них суетятся так! Лучше бы дело делали.

Приняли его сверхрадушно, даже радостно. Не Ван Тромп, тот вообще не был способен к эмоциям. Но в ка-бинете его оказался лингвист, тот самый, который читал лекции по тоитологии и выделил Льва среди студентов, свел с Клактлом, привез в Космоград. Президент узнал своего учителя сразу — те же кудри с проседью, те же пышные усы. Тогда они казались такими внушительны-ми, теперь — наивно-манерными. Сам лингвист, конечно, не узнал своего бывшего ученика, обратился к нему с чрезвычайной почтительностью, а узнав, пришел в восторг, порывался обнять, но не посмел, все всплески-вал руками, ахал:

— Ах, как быстро время идет в вашем Темпограде! Ах, всего лишь месяц назад!.. Неужели вы тот самый, чернявый, с длинной шеей! Ах, ах!..

Ван Тромп слушал молча, невыразительно поглажи-вая бакенбарды. Он просто не запомнил юного пере-водчика.

— Ах, время, время! Как меняются люди!

Январцев сам прервал эти затянувшиеся воскли-кания:

— Время идет, действительно. Темпограду дороги ми-нуты. Давайте займемся делом, Ван Тромп. Город про-стаивает, точнее, будет простаивать вскоре, уже сейчас работает вполсилы, разменивается на второстепенные де-

ла. С первого дня мы ведем дискуссию, что такое Т-град: Город-гостиница, Город-лаборатория, Город проектов, Город скорой помощи?

— Все понемножку, — сказал Ван Тромп. — Но, видимо, главное — скорая помощь. Мы же связали вас с неотложной медицинской помощью. Город консультантов, Город-консилиум, такое направление вас не устраивает?

— Нет, не устраивает, — отрезал Январцев. — Наука на подхвате, так по-вашему? Подпорка для практики, только и всего? Поймите: мы можем идти в сотни раз быстрее, можем уйти в сотни раз дальше. Город-разведчик, вот что такое Т-град. А вы отзываете разведку, тормозите движение в будущее, нам, разведчикам, предлагаете место в обозном госпитале.

— Разведка не должна отрываться от армии, — возразил Ван Тромп. — Разведка без главных сил обречена на гибель.

— Не должна отрываться? Но если путь расчищен, армия же может ускорить шаг.

— Вопрос в том, может ли ускорить? И надо ли ей ускорять? И даже хочется ли?

— Кому не хочется? Армии или штабу — Академии Времени? Или знаменитому поэту Русанову, которого Академия нашла самым подходящим выразителем настроений сибаритов от науки?

Ван Тромп наконец обиделся:

— Вы сами сказали, что темпоградские минуты дороги. И тратите их на спор с одним штабным сибаритом. Тогда обращайтесь к армии. Но, по-моему, вы уже обратились... через газету.

Январцев не отступал:

— И с армией буду говорить, и со штабом хочу говорить. Неужели вы, ученые, не понимаете, что Темпоград открывает новые горизонты? Мы предлагаем человечеству пересесть с телеги на самолет. Каждый увидит

больше, каждый успеет больше, каждый проживет несколько жизней в разных веках. Стоит потрудиться, чтобы жизнь была содержательнее?

Но и Ван Тромп стоял на своем. Единственно, чего добился Январцев: на послезавтра был создан совет Академии.

— Раньше не получится, — сказал Ван Тромп. — Мы размножим ваши материалы, каждому надо прочесть и обдумать. Без обдумывания будут пустые словопроения.

Январцев не мог не согласиться. В Темпограде принято было думать неторопливо. Думали неторопливо, чтобы Земля могла действовать решительно.

— А вы пока отдыхайте, отдыхайте, — заключил Ван Тромп со снисходительной благожелательностью в голосе. Будучи очень уравновешенным человеком, он на всех взволнованных взирает с участливой жалостью, как взрослый на упавшего и ободравшего коленки ребенка. — Отдохните. Где вы остановились? У нас великолепная гостиница на Оке. Леса вокруг... земляника, грибы. Для белых рановато, но есть маслята и весенние опенки. День, правда, дождливый, но обещают, что распогодится.

— Нет, я в Москву слетаю, к жене. — Он с сомнением посмотрел на ручной видеофон, не без труда вспомнил свой юношеский номер. Переключать? Ладно, обойдется. Время раннее, вероятно, Жужа еще в постели.

Давно был он тут, давно, но все осталось, как прежде, в юности, пять недель тому назад. Он сел в глайсер, нарочно выбрал фисташковый с вмятиной, занял место у окошка, кажется, того самого, где сидел с потрясенными тоитами. Увидел сверху желтое здание, похожее на букву Т, озеро с просвечивающим дном, россыпь коттеджей на берегу, строящийся мост через Оку, все еще недостроенный. Узнал комбинат выращивания мяса, ин-

ститут генной инженерии, радиообсерваторию, полюбовался горой для лыжников, самой большой в мире искусственной горой. 5770 метров, круглое лето снега!

Все на месте, все как прежде.

И правда, Жужа еще не вставала, встретила его в постели. Не потому, что была больна, а потому что берегла себя. Жужа лежала с утра до вечера и прислушивалась к самочувствию: мерила температуру и давление, щупала пульс и живот. Добросовестно и истово Жужа делала общественно полезное дело: растила в себе ребенка, будущего гражданина. И ей очень нравилось, что это важное дело можно делать дома, со вниманием к себе. Она и внимала, и была полна сознания собственной значительности. И это сознание поддерживали в ней мать — теща президента, две тетки — сестры матери и бабушка, не отходившие от постели. Встревоженными голосами они расспрашивали о сне, аппетите и капризах будущей матери, обсуждая, какое кушанье может повредить, а какое не повредит будущему наследнику(це) президента.

С ходу Жужа осыпала Льва упреками. Почему он ее забросил, почему так долго не приходил, почему не пришел сразу, почему она, в ее положении, на четвертом месяце, вынуждена сама, выбиваясь из сил и рискуя здоровьем ребенка, все обеспечивать. И тут же продиктовала список поручений: заказать, достать, привезти, встретиться, передать, узнать, договориться...

Разновременность еще не стала привычной. Хотя Жужа знала, что прошло много дней, но она не была сильна в арифметике и не сразу поняла, что муж ее старик. Сколько же ему лет — пятьдесят, шестьдесят, семьдесят? И опять посыпались упреки: как же он посмел довести себя до старости? Эгоист — растратил все годы на свою излюбленную науку, совсем-совсем не думал о семье. Ни капельки любви, ни крошечки ответственности! У ребенка не будет отца, вместо отца — ветхий де-

душка. А кто будет заботиться о ней сейчас, когда она так нуждается в уходе?

Президент слушал со сложным чувством стыда и раздражения. Любовь к Жуже давно угасла, с годами прошла и обида. Жужа превратилась в умильное воспоминание молодости, окутанное сладкой дымкой. Но сейчас это воспоминание развенчивало себя, да еще и предъявляло претензии. Президент подавил в себе протест, стыдя самого себя за бесчувствие. В конце концов, это его жена, мать будущего ребенка. О ребенке он обязан заботиться, хочет и будет заботиться. Он даже ощутил в себе прилив отцовских чувств. Хорошо бы родился сын — продолжатель дела, хоть и Суссанович, но Январцев. Сыну он с радостью передал бы эстафету идей — темпоскафы, футуроскопы, хроноскопы... все оси, уходящие в туманную бесконечность. А Жужу не переделаешь, какая есть, такая есть. Жалко только, что дети растут так медленно. Взять его в Темпоград? Но это не поможет — сын будет взрослеть, а президент стариться в равных темпах. Нет уж, пусть растет на Земле, как все дети. И президент добросовестно записал все поручения Жужи, необходимые и нелепые, прикидывая в уме, успеет ли он все выполнить в промежутках между деловыми встречами.

Томительное свидание прервал приход районного врача, смуглого молодого человека с эффектной черной бородкой и черными глазами. Жужа сразу преобразилась: кисло-брезгливое выражение сменила на оживленно-заинтересованное. Кинула взгляд на зеркало, поправила волосы, добавила морщинку сдержанного страдания. О присутствии мужа забыла или не считала нужным стесняться. Этот старик не имел никакого значения.

И Январцев ушел со смешанным чувством обиды и облегчения. Конечно, жить с Жужей было бы тягостно, но она и сама не захотела бы. Время сместило отношения. Лев перешел в другое поколение и смотрел теперь

на Жужу как на дочку. Не слишком удачная дочь, пустоватая, но все равно родная. А ребенок всегда ребенок — для бабушки еще дороже, чем для отца.

Эта встреча напомнила президенту о том, что жизнь идет к грустному концу — к пенсионной дряхлости, а следующий разговор вернул его в прошлое, даже не в юность, а в детство.

Выйдя от Жужи, Лев зашел в первую попавшуюся переговорную и вызвал на экран свою мать, все еще отдохнувшую в Чили. И в рамке появилось милое лицо, обрамленное наивными светлыми кудряшками, близорукие голубые глаза со всегдашним выражением растерянного испуга.

— Это ты, Левушка? — И когда же президента Темпограда называли так в последний раз?

— Да, это я, мама Львина, — нарочно он назвал мать детским прозвищем. Так в двухлетнем возрасте осмыслил он имя — Мальвина.

— А почему ты свой экран не включаешь? Ты плохо выглядишь, да? Ты болен, Левушка? Немедленно скажи правду. Я вылетаю сегодня же.

— Нет, я здоров, мама Львина. Не знаю, почему не включается линия. Наверное, твоя сторона барахлит. Я вижу тебя отлично.

Конечно, Лев нарочно не хотел показывать свое лицо, седые космы, старческие морщины. Потом он расскажет... но нельзя же огоршить сразу.

— Левушка, ты хрипишь, наверное, ты все-таки простужен. Я тебя знаю: одеваешься кое-как и питаешься кое-как. Целый день в библиотеке, а потом на ночь наедаешься как удав. Левушка, ты должен приехать ко мне, здесь чудесно. Нет этой изнурительной жары, горы и тут же море. Обещаю готовить твою любимую яичницу три раза в день. Ну, прилетай, уважь старую мать.

— Мама, но у меня же экзамены, — выворачивался президент.

— Ах да, эти противные экзамены. Разве они не кончились уже? Когда у тебя последний?

(В самом деле, когда кончаются студенческие экзамены — в мае или в июне? Президент забыл давно.)

— Как у всех, мама. Экзамены до десятого, потом практика.

— Да-да, экзамены, практика, командировка какая-то таинственная. Между прочим, я знаю, как зовут твою практику. Винетой ее зовут, очень приятный голосок у этой практики. Имей в виду, если мать не ставишь в счет, я пожалеюсь практике, чтобы она следила за твоим рационом. Или сама приеду. До десятого, говоришь?

— Мама, уверяю тебя, не надо тебе приезжать. Здесь стоит жуткая жара, жуткая!

— Но ты обещаешь, что будешь есть три раза в день. Что ты ел на завтрак сегодня? Не помнишь? Не придумал, значит. Вечером я вызову тебя, доложишь, как обедал и ужинал. Эх вы, дети-дети!

И президент Темпограда впрямь почувствовал себя ребенком, неразумным и непослушным сыночком. Молодость прошла, не страшно. Есть мама, приласкает, утешит, исцелит поцелуем.

Во все эпохи, все на свете путешественники мечтали о возвращении в родимый дом, как бы в детские годы. Домой возвращались многие, но время подводило их. Вместо родителей — спасителей и защитников, их встречали слезливые старички, вместо нежной невесты-красавицы — иссохшая старая дева или бабушка, облепленная внуками. А фантастические субсветовые полеты вообще выбрасывали путников в чуждое будущее, обрекали их на роль несмышленишей в непонятной цивилизации потомков, живых справочников для археологов. Т-град вывернул наизнанку эту трагедию. Странник из быстротекущего времени мог вернуться в прошлое, мог вернуться в детство... не ребенком, увы!

Все равно отрадно. В зеркало не смотришься же ежеминутно, не все время думаешь о себе... а юность тоже перед глазами. Вот движущаяся дорожка на липовой аллее перед студенческим городком. Те же длинноволосые юнцы вскачь несутся по лестнице. Те же самые, в лицо узнаешь многих. Под липами на скамейках прилежные девушки с конспектами. Менее прилежные топчутся на танцевальной площадке под звуки все еще модного даррел-брыка. Вот эта — с третьего курса — капитан волейболисток. А та — рыжекудрая — справляла свадьбу с вьетнамцем. Сколько лет прошло с тех пор? Ах да, два месяца всего.

Тетя Катя — комендант корпуса — заботливая опекунаша непутевых студентов, свирепая рачительница трехразового питания и восьмичасового сна, провожает его настороженным взглядом — кто таков? Староват для студента! В шкафчике на шестом этаже президент снимает ключ, который он повесил в юности — 23 мая этого же года. Проталкивается сквозь ватагу горластых бывших сверстников, впитывая реплики («Опять завалил! Ну нет у меня способностей к структуралистике», «У всех, брат, нет способностей, такой предмет. Извилинами надо пошевеливать»). Ключом прикасается к номеру, дверь открывается бесшумно и с готовностью. И вот она, ушедшая молодость, музей юных лет Л. Январцева.

Стол, заваленный черновиками. Египетские иероглифы, тоитские иероглифы, иероглифы майя. Ну да, он же собирался стать лингвистом когда-то. Горка конденсаторов и сопротивлений, блоки печатных схем: детали для воспроизведения тоитских звуков. Именно этот аппарат привел его в Темпоград. Над столом расписание сессии. Ай-ай, прозевал все экзамены гуляка Январцев, не иначе, отчислят беднягу за неуспеваемость! Над расписанием афоризмы и наставления самому себе: «Цени время!» (Поздно, все свое время растратил в Т-граде!),

«Будь целеустремленным!» (Как считать, был он целеустремленным?), «Ни дня без зарядки!» (Только книжный червяк, пренебрегающий спортом, мог сочинить такой лозунг.) А над всем этим самодельный рисунок: очень курносая, оранжевая девушка со щелочкой смеющегося глаза. В профиль изображена. Не слишком силен был Лев в рисовании, только в профиль получалось сходство.

Как давно было, как недавно!

А что это за график с растопыренными линиями? Да это же оси Жерома, схема маршрутов науки, хроника ее достижений. Ну-ка, что там отметил безусый юноша Январцев? На оси элементов № 197. Смешно? Темпоград далеко ушел вперед. На оси темпов — второй порядок. Да у Гранатова был двенадцатый. И на оси энергии продвижение, и на оси плотности продвижение, и на оси сложности продвижение. Отстал, товарищ студент! Исправить, что ли? Или пусть останется музей, как был... с оранжевым профилем на стенке.

Послышался стук. В дверь просунулась горбоносая физиономия. Сосед, как бишь его? Индеец пуэбло, американскими наречиями занимался. Чактал — вот как его зовут.

— Печален, — сказал Чактал. — Я слышу шаги, думаю, есть Лев. Вы есть родственник? Вы будете видеть Лев?

— Буду, — сказал Январцев честно. — Увижу, даже сегодня.

— Передайте привет, — сказал индеец. — Небольшая почта для Лев есть.

И протянул пакет, завернутый в бумагу.

— Спасибо, Январцев прочтет сегодня же, — сказал Январцев.

Даже про себя он не усмехнулся. Какая тут усмешка? Слезы горькие! Ближайший сосед не узнал его.

Без особого интереса развернул пакет. Книги, кни-

ги: все учебники по лингвистике, не помнит, кому одалживал. Конверт, надписанный круглым почерком. Одно слово: «Льву». Внутри записка:

«Львище! Наверное, я опять виновата, хотя не знаю в чем. Не надо быть таким букой надутым, смени на милость свой львиный гнев. Почему ты уехал, даже не сказал, когда вернешься. Мама не знает, где ты, а тут носятся слухи, что ты был в командировке, даже будто бы в Темпограде. Но оттуда же возвращаются через два-три дня. Все равно, я люблю тебя, хотя ты такой обидчивый и злощий. И жду тебя ежедневно в 10 вечера на нашей скамейке».

— Ждешь? — спросил президент вслух и с сомнением посмотрел на самодельный портретик.

Оранжевощекая загадочно щурила глаз, глядя мимо Льва в угол.

«Надо рассказать девушке, — сказал сам себе президент. — Зачем же ей дожидаться напрасно? Какой у нее номер? Забыл?» Забыл номер любимой! Впрочем, такое лучше объяснять лично.

И снова с сомнением посмотрел на портретик.

«Лично! Чтобы она твои морщины разглядела? Напиши, друг, на бумаге все получается так логично».

Но что-то щемило в груди или в переносице, чего-то жалко было до слез. Чактал растрогал, что ли? У него, горбоносого, впереди вся жизнь, а президент свою прожил. И так захотелось хоть разок, хоть на полчаса-ка вообразить себя молодым, прибежать к сиреневым кустам с букетом сирени, разыскать в зелени то же белое платье с голубым кушаком. Зачем? Он же изменил ей давным-давно, женился на другой.

— Ну хорошо, — сдался президент. — Иди, если тебе так хочется, но чур, дурака не валяй. Если нет ее на скамейке, значит, не ждет и не смей стучать в окошко! Тогда пошлешь рассудительное письмо: так, мол, и так — Лев свое прожил, юноши Льва нет в природе.

Поглаживая под пиджаком сердце, то ли взволнованное, то ли больное, спешил старик в свою юность.

Некогда в юности цвели яблони, поселок был весь в пене, сладковатый аромат заливал сады. Сейчас бушевала тополиная вьюга, каждый порыв ветра вздувал белые смерчи, по всем канавам и подворотням катались ватные валики.

Протирая глаза, шагал президент по тропинкам молодости. Вот районный парк. Аллеи, посыпанные натуральным песком, не подкрашенным шлаком, как в Темпограде. Трехсотлетний дуб, обнесенный заборчиком для сохранности. Кусты сирени. И белое пятно в зелени. Вина! Ожидающая!

Почему сердцебиение у тебя, товарищ президент? Успокойся, ждут не тебя, твой плюсквамперфект — давно прошедшее время. Твоя доля: горько-сладкое воспоминание. Продолжения не было по твоей вине. Виноват сам, и исправлять поздно. Остался долг вежливости. Подойди и скажи откровенно...

«И скажу. Только дух переведу. Запыхался».

— Извините, девушка, я не помешаю вам, если приеду ненадолго?

Быстрый взгляд. Насторожилась, оценила, успокоилась. В летах, вежливый, напрашиваться на знакомство не будет. И отвернулась.

Сидя на дальнем конце скамейки, президент краем глаза рассматривал знакомо-незнакомый профиль. Иными глазами смотрел: сквозь призму житейского опыта, из перспективы возраста. Такое свеженькое личико, бархатные щеки, носик, немного вздернутый — дитя еще, прелестный ребенок. И ротик чуть приоткрытый, такой простодушный, такой добрый. Самоотверженная доброта — так аттестовал бы сейчас он девушку. А глазенки грустные, и веки чуть припухшие. Плакала! Из-за него, чурбана, плакала. А он сомневался еще, не понимал, какой клад ему достался. Обижался, дулся самолюбиво. А Винета жила суматошно от доброты, потому что всем бросалась на помощь очертя голову. Зачем медлил, почему колебался? Ну отлучился бы из Т-града на денек для свадьбы. На худой конец по радио посватался бы, выписал бы Винету... И прожил бы всю жизнь со славным человеком. Не превратил бы свою квартиру в келью, в картотеку ученых трудов.

— Вы что вздыхаете? Вам плохо?

Вот и бросилась на помощь.

— Ничего, девушка. Так, мысли.

— Но я вижу, вы за сердце держитесь. У вас боли, этим не надо пренебрегать. Вы к какому лекарству привыкли? Я принесу, у меня дома аптечка. Можете доверять мне, я будущий врач, учусь на кафедре Штеккера. Наверное, вы знаете эту фамилию, выше нет никого в гериатрии.

Вот положение: любимая девушка тебя спасает. Не ты ее, она тебя.

— Боли! — проворчал президент. — Конечно, и боли есть, но я привык. У стариков всегда что-нибудь болит. Не стоит их лечить, время тратить.

— Вы напрасно отчаиваетесь. Наука делает сейчас чудеса. Мой шеф считает, что можно продлить жизнь до ста лет всем поголовно.

— Что толку растягивать увядание? Все равно человек немощный, ущербный. Вот вы, девушка, вы же не влюбитесь в старика.

— Вероятно, влюбиться не смогу, — сказала Винета честно. — Но я учусь у стариков. У меня есть друзья преклонного возраста — очень интересные люди. Их с удовольствием слушаешь.

— Лечить интересно. Букет болезней.

— Да, и лечить интересно. И очень приятно, если умному, опытному, умелому человеку ты возвращаешь работоспособность. Мои пациенты, а у меня уже есть пациенты, рассказывают мне о своих делах. И я горжусь, словно я сама принимала участие. Вы тоже расскажете... потом, когда перестанете держаться за сердце.

Так, в разговорах о больном сердце, и прошел вечер — свидание президента с юностью. И, прощаясь, Винета потребовала, чтобы собеседник ее пришел на следующий вечер, пришел и обязательно принес анализы. Она сведет его со Штеккером, выше нет никого в гериатрии. Пусть обещает, пусть даст слово, пусть не уваливает от лечения. К организму надо относиться внимательно, с уважением.

И упорхнула. А президент еще долго сидел, вздыхая и улыбаясь, сначала блаженно и умиленно, потом с грустной иронией: «Приходите на свидание с анализами! Анекдот! Нет, завтра скажу ей всю правду».

С того вечера началась странная, тройная жизнь Льва Январцева. Три позиции, три настроения: утреннее, дневное, вечернее.

Утром он был президентом Темпограда. В 7.00 ему доставляли сводку событий за сутки, за темпоградский год. Бегло просмотрев таблицы, президент убеждался, что идея Ван Тромпа, увы, утверждается. Продолжается процесс превращения Т-града в Город-консилиум, клиники — в поликлинику, научных институтов — в учеб-

ные. Президент считал, что все это — стрельба из пушек по воробьям.

И, распалившись, разобидевшись за униженную пушку, он летел (на глайсере) в Академию Времени, врывался в кабинеты яростный, убеждал возмущенно и язвительно, что неторопливость неуместна, даже преступна. Если есть возможность мчаться, нельзя плестись шажком. Надо мчаться, надо поспевать за авангардом, надо мир приравнивать к темпам быстрого времени, а не вожжи натягивать, придерживать взлеты мысли.

— Дайте же нам обсудить ваши предложения, — зывал Ван Тромп.

— Обсуждайте в Т-граде! — кричал Январцев. — Там есть время для размышлений. Давайте перенесем туда Академию Времени. Не хотите? Давайте хотя бы сессию проведем для начала.

— Но сессию надо подготовить, — возражал Ван Тромп. — Собрать материалы, доклады написать.

Неторопливость собеседника, его ленивый говор с растянутыми гласными приводили Январцева в бешенство:

— Да что готовить, что готовить, собственно говоря? Материалы у нас разработаны. Возражения? Неужели вы всерьез собираетесь обсуждать статью этого поэта, любителя бить стекла на собственной террасе?

— Нет, конечно, мы против крайностей. Но он не одинок. Вот вчера пришло письмо от некоего Шаурина, тоже литератор, но прозаик. Он предлагает законсервировать Темпоград, как только мы доведем до конца работы на планете Той, и открывать город в чрезвычайных обстоятельствах, всякий раз после всемирного референдума.

— Вот именно, блестящая идея! Чрезвычайные обстоятельства и всемирный референдум! Для ускорения дела, что ли? Начинается эпидемия, и тут же всемир-

ный референдум, надо ли срочно искать лекарство. А вы сами не могли объяснить этому Шаурину, что Темпоград строился не из-за космической катастрофы. Строился, чтобы все всё получали по потребности без отсрочки, не ждали обещанного три года. Но если ваш прозаик предпочитает ждать...

К середине дня, израсходовав запал, усталый и разочарованный, президент возвращался в Москву. Днем он был уже не ученым, не государственным человеком, а семейным, не то мужем, не то отцом, не то опекуном болезненной, недовольной, требовательной и очень капризной женщины. Жужа упрекала его и отчитывала, а он терпел и молчал, считая, что обязан терпеть все прихоти матери его будущего ребенка.

Но потом приходил летний вечер... и следовала экскурсия в страну воспоминаний. Лучшее из них сидело в том же саду, в том же белом платье с голубым поясом, милое, свежее, цветущее. И не было рядом зеркала, чтобы напоминать президенту о его возрасте. Он же был Львом Январцевым, он и чувствовал себя Львом, смотрел на девушку, в которую был влюблен Лев, и сердце билось, как в юности, кровь струилась живее, лицо горело, даже голова кружилась слегка. Пусть воображаемое счастье, но все-таки счастье, пусть временное, но возвращение в молодость, пусть бесперспективное, но все-таки продолжение первой любви.

И хотя президент приходил под предлогом лечения, но разговоры о самочувствии пресекал. Не хотелось подчеркивать немощи рядом с цветущей. Он предпочитал рассказывать о приключениях мысли, о победах над тайнами времени и тайнами мозга, о подготовленной, пока еще не осуществленной атаке на зловредную взрывчатую звезду, обо всех своих любимых осях, устремленных в бесконечность. Но о Темпограде президент не упоминал. Нарочно откладывал признание, тянул удовольствие встреч.

— Вам не скучно от всей этой учености? — спросил он как-то.

— Нет, вы очень хорошо рассказываете. У вас удивительно ясный ум. Все освещено, все расставлено, все взаимосвязано. У меня в голове хаос был, а вы как-то разложили все по полочкам. Такое умение нечасто встречаешь, наверное, оно прирожденное. У меня был друг, — добавила она, чуть краснея. — Он студент, совсем еще мальчик с вашей точки зрения. Но тоже умеет все прояснять. Не так хорошо, как вы, но похоже.

— Вы любили его, этого друга? — не без труда выговорил президент. — Простите за нескромность, но постороннему легче признаться.

— И сейчас люблю, — сказала Винета просто. — Даже больше люблю, с тех пор, как мы расстались. Пока рядом был, как-то не ценила. Я ужасно неорганизованная, хватаюсь за одно, другое, третье, ничего не успеваю, пропускаю самое важное. Я и встречи с ним пропускала, а он человек самолюбивый, с большим внутренним достоинством. В общем, как-то бессмысленно потерялись. Но я жду... и все думаю о нем. Все больше уважаю его... и люблю. Вот и сейчас: сижу с вами, а думаю о нем. Вы не обиделись?

— Ничуть, с какой стати? — сказал президент, горько улыбаясь. Конечно, ему было обидно. Но смешно же ревновать к самому себе. Или тот, девятнадцатилетний Лев, не он на самом деле?

И опять он не сказал правды Винете. Совсем было собрался, а в последний момент подумал: «Надо ли вмешиваться в естественный ход жизни? Время все со- трет постепенно и безболезненно».

На следующий день, это было во вторник, 2 июля, президент выступал по телевидению. Сразу же, в первый час по прибытии, он потребовал организовать это

выступление, чтобы через головы неповоротливых сотрудников Ван Тромпа обратиться ко всем людям Земли, всем сразу объяснить, что бессмысленно и преступно плестись босиком по дороге, закинув котомку через плечо, когда на старте стоит ракета, готовая рвануться в будущее.

Передачу вел Ван Тромп, и перед началом он подпортил настроение президенту. Перед самым выступлением спросил:

— Есть деловое предложение. Приближаются решающие дни на планете Той. В свое время вы проектировали Астромеч, вы незаменимый мастер, наши скороспелые специалисты не могут сравниться с вами по опыту, могут наделать непоправимые ошибки. Вы не согласились бы на небольшое космическое путешествие, всего на две недели? МЗТ сейчас работает безотказно...

Январцев вспыхнул:

— Ни в коем случае. Я понимаю, вы хотите избавиться от меня, заслать в космос на две недели и похоронить мой проект. Две недели для Темпограда — это целый период, там уже сложатся традиции мелкотемья, их не выкорчуешь.

— Но ваш проект так и так будет обсуждаться долго — не две недели и не два месяца, — возразил Ван Тромп.

Возмущаться было некогда, начиналась передача. Январцев взял себя в руки, настроился...

Говорил он образно, логично и страстно. Еще в Темпограде заготовил эту речь. Все же удовлетворения не было. Не было потому, что все эти дни он слышал только возражения, те же возражения высказывались и на телевидении. И еще очень мешала присущая телевидению театральная игра в непринужденность. Люди будто бы обмениваются мнениями под вылупленными глазами прожекторов, под стрекот аппаратов, поглядывая на жесты режиссера, который больше всего волнуется,

что такой-то выступает целых две минуты, а такой-то возражает целых три. И выступающие старались держаться в рамках отведенного времени, лица их выражали напряжение и старательность. Президент привык к яростным спорам в Темпограде, ему очень не хватало искренних эмоций.

Была, впрочем, и неожиданность, даже неприятная, пожалуй. Ван Тромп тоже задал непредусмотренный вопрос.

— Я с бо-ольшим инте-ересом отношусь к ва-ашему предложению, — начал он со своей обычной тягучей медлительностью. — Оно привлекает научной смелостью. Смелость всегда вызывает восхищение. Смелость, как говорится, города берет. Правда, я не слышал, чтобы смелость возводила города. Для строителя важнее разум, точный расчет... предусмотрительность. Нужно видеть не только первый шаг, но и второй, третий... и все дальнейшие. И вот что мне не совсем ясно сегодня. Темпоград был задуман как город скорой помощи науке... обеспечивающей производство. Теперь вы предлагаете перевести заводы в быстрое время. Но кто же будет снимать трудности той быстрой промышленности? Не придется ли для нее создать еще один темпоград в сверхбыстром времени? И не потребует ли тот сверхтемпоград перевода заводов в свое сверхбыстрое время? И не потребуются ли для той сверхпромышленности сверхсверхбыстрейший темпоград? И так далее, до бесконечности. Где вы видите предел для этой гонки с секундами? Вероятно, это продумано у вас.

«Подслащенная, но пилюля, — подумал Январцев. — Значит, Ван Тромп недоброжелатель. Ему захотелось смутить меня на глазах у телезрителей. Заготовил неожиданный вопрос, полагая, что я не сумею ответить. Ну что ж, он-то думает о проблеме четвертый день, а я — четвертый год. Обязан был предусмотреть любые возражения».

— Это неизбежное противоречие движения, — сказал он. — Только неподвижность не создает трудностей, но неподвижность — это смерть. На Земле и в космосе была подобная проблема. В свое время, создав ремесло, люди создали и города, чтобы жить возле своих мастерских. Но производство загрязняет воздух, вредит здоровью. Ради своего здоровья в XX веке горожане начали выносить заводы за пределы жилых районов, потом за пределы городов, за пределы зеленых зон и жилых областей, в пустыни, горы, тайгу. Но кому-то надо было работать в пустынях, горах, тайге, и возле производства вновь возникали города, шли дебаты об очищении атмосферы в этих городах. В конце концов промышленность и энергетика стали портить всю атмосферу Земли, пришлось выносить заводы в космос, на Луну, на планеты. Но кому-то надо было работать на Луне и планетах, а людям нужны человеческие условия, пришлось создавать атмосферу на Луне. Создали атмосферу, и встал вопрос о том, что промышленность портит эту атмосферу. Дебатируется вопрос о переносе вредного производства на Меркурий. И так далее, до бесконечности. Где предел? Движению нет предела. И отказаться от движения нельзя, потому что неподвижность — это смерть. Не можем мы вернуться к охоте на оленей в первобытных лесах. Нет уже первобытных лесов, и оленей не хватит для двадцати миллиардов едоков.

Теградизация — подобие завоевания космоса, другой вариант продвижения за пределы старого мира. Там — покорение пространства, у нас — покорение времени. Покорение пространства — нелегкий и медлительный процесс, требующий много сил, времени и труда, умственного и физического. Покорение времени экономит пространство и время, но тоже требует много труда, не так много физического, но много умственных усилий. До сих пор человечество предпочитало умственные усилия.

А стоять на месте не хотело никогда.

Развивать мысль было некогда. Время (телевизионное) кончалось. Резервные минуты съел Ван Тромп. Ни разъяснить, ни добавить.

Поскольку передача повторялась тут же по второй программе, президент поспешил в близлежащий парк, чтобы посмотреть, как реагируют телезрители.

Но тихо было в старинном Останкинском парке. Не чувствовалось всенародного волнения по поводу телеградизации Земли.

В аллеях, пестрых от теней липовых листьев, пенсионеры в соломенных шляпах увлеченно играли в старинные шашки. Победитель, торжествуя, выстраивал башню над запертой, попавшей в безвыходное положение.

В сонном тинистом пруду, сидя в лодке, самозабвенно целовались юноша, стриженный под машинку, и девушка с длинными распущенными волосами.

Мужчина средних лет с пузатым портфелем уверял свою спутницу:

— У них на Венере местнические тенденции. Им говоришь о вселенских интересах, а они прикидывают, есть ли польза Венере. Пришлось вправить мозги...

Он несколько преувеличивал свое возмущение и распорядительность, а спутница слушала его с преувеличенным вниманием. Ее интересовала не Венера, а собеседник. Энергичен, уверен в себе, не слишком ли самоуверен? Самовлюбленность — признак ограниченности.

Две молодые мамы катили младенцев в колясочках, оживленно осуждая какую-то Нонну. Никакого вкуса! Как она не понимает, что фиолетовое ее уродует.

Младенцы гулькали и пускали пузыри.

Утки копались в иле. Гузка кверху, лапки прижаты к пузу, а голова на дне. Уток изучал карапуз лет четырех. Тоже старался голову нагнуть, ручки прижимал к

бокам. «Коля, осторожно, не упади!» — кричала ему мать.

Дошкольники играли в войну, устраивая засады за кустами. Один наставил на президента палку, сказал грозно: «Пуф-пуф, я тоит, я взял тебя в плен». И тут же осведомился: «Дедушка, а тоиты берут в плен наших?»

Студент торопливо листал толстый конспект и глядел на небо, шевеля губами.

Прошли двое мужчин: «И будет барахлить, — сказал один. — Ты поставь батареи ЛС-24».

— И я ташу, ташу, подтянул к самому борту. Вот такая рыбина, не кефаль — акула, кит целый. Уже морда над водой. Хлоп, перекусила леску — и на дно. Ну чего ради сорвалась, дура? Все равно пропадет с крючком в губе.

Раскинув руки на спинке скамейки, блаженно улыбался солнцу тучный старик. Просто дремал.

Не без труда Январцев нашел комнату отдыха с телевизорами. На одном из них увидел себя. Слушателей было не так много. Когда он подсел, его не узнали или не обратили внимания на сходство.

Передача уже заканчивалась.

— Спорно, но наводит на размышления, — сказал президент (смотрящий, а не выступающий), надеясь вызвать отклики.

Отозвался только один из зрителей, пожилой крепыш с очень загорелым, как бы дубленным, лицом:

— Вроде бы все правильно, — сказал он, — но не по душе мне. Я, знаете ли, лесотехник, с природой имею дело. Участок большой, надо бы с вертолета осматривать, но я, откровенно говоря, предпочитаю ходить пешком. Когда иду, все вижу: вот тебе дубы со своими кронищами, березки — нежные, девочки среди деревьев, красавицы нарядные. Розовые они на закате, голубенькие в сумерки, в тени дубов пестрые. Осина трепещется —

пугливое дерево, под ними грибы-пузачи, земляника. Разве я все это разгляжу пролетая? А этот ваш президент темпоградский, все за рукав меня тянет: «Давай, давай, бегом, бегом!» Да не увижу я ничего на бегу, не пойму ничего на бегу. Пусть молодые на стадионе бегают, у них силы в избытке. Я не хочу бежать, не тащи меня за рукав. Не хочу!

Что можно возразить?

— А я видела вас сегодня на экране, — сказала Винета, здороваясь. — Что же вы скрывали, кто вы есть на самом деле?

Лев вздрогнул, закусил губу. Вот и наступил момент признания. Иллюзия юности, прощай!

Но, оказывается, Винета не расслышала его фамилию, только на звание обратила внимание — «президент Темпограда». Приговоренный к разлуке получил отсрочку.

— Впрочем, я понимаю вас, — продолжала она. — Наверное, очень знаменитому хочется быть просто человеком иногда. У меня была подруга, не обижайтесь за сравнение, чемпионка по прыжкам в высоту, Аня Фокина, не слыхали, вероятно. Она никогда не называла свою фамилию, знакомясь, ненавидела восторги: «Ах-ах, вы самая прыгучая девушка в мире! Ах-ах, почему же вы такая прыгучая?» Вероятно, и вам надоело быть президентом, захотелось просто так посидеть на скамейке, поболтать с глупенькой девчонкой. Вы меня простите, что я со своими советами лезла, я же не знала, с кем разговариваю.

Президент задумчиво улыбнулся.

— Я хочу спросить у вас совета, — продолжала Винета, поднимая глаза, поднимая, а не опуская. — Мой шеф восхищен вашей речью. Он говорит, что вы совершенно правы: надо рваться вперед, а не плестись

шажком в пыли. На Земле 25 процентов стариков и стареющих, четверть людей, у которых лучший возраст позади. «Что же получается? — говорит шеф. — Временем мы управляем, а собственный возраст неуправляем. Пора кончать, — говорит он, — с крохоборством гериатрии. Старость надо не подлечивать, а отменять, молодость возвращать надо, тогда люди будут по-настоящему довольны медициной». И он считает, что проблему омоложения можно решить лет за двадцать, если приняться вплотную. Двадцать лет — это три недели ваших, темпоградских. Он решил ехать в Т-град немедленно. И меня зовет. Вы как посоветуете?

К удивлению Винеты и к своему собственному, президент высыпал кучу возражений. Он сказал, что ей, цветущей, юной, прелестной, не надо губить себя в Т-граде. Да, Темпоград город разведки, город-авангард, город будущего, но в разведке нужны бойцы от науки, крепкие, выносливые мужчины, уже пожившие, испытывшие немало, готовые рискнуть и жизнь отдать, если понадобится. Ей же, девушке, нужно еще пожить сначала.

— Вы поймите, это город кабинетчиков, — убеждал он, волнуясь, — это город без лета, без зимы, без гор и морей. Жизнь там однобока и ущербна. Труд, засасывающий как трясина. Не оглянись, молодость прошла; не оглянись, жизнь позади. Поживите вдоволь на вольной Земле, найдите свое счастье.

— А я так поняла, что вы всех зовете в Т-град, — протянула Винета с недоумением.

Президент сам был в недоумении. Что же получается? Весь мир он зовет в темпограды, за исключением любимой. Значит, в глубине души не такой уж заманчивой считает теградизацию.

Он попытался оправдать свою позицию, но, кажется, запутался еще больше.

Винета выслушала терпеливо, стараясь запомнить каждое слово, как и полагается студентке, слушающей

объяснения профессора. Даже выдержала паузу, ожидая, не добавит ли он что-нибудь.

— Тут еще личное, — сказала она, перебирая складки юбки. — Дело в том, что мой друг, я говорила вам о нем, уехал в Т-град, так мне сказали в его деканате. Вы не встречали такого? Лев Январцев. Он студент-лингвист, тоитскими языками занимался, между прочим.

Кажется, пора признаваться, ничего не поделаешь. Или смолчать, уповая на все стирающее время.

Президент в затруднении почесал переносицу мизинцем.

И увидел расширенные потрясенные глаза девушки. Винета узнала знакомый жест.

— Это вы? Это вы, Лева?

Президент кивнул, виновато опуская голову.

Секунду-другую Винета смотрела на него с ужасом, потом, всхлипнув, бросилась прочь. Остановилась, кинула с плачем:

— Не ходите за мной. Я не знаю, что я скажу. Я ничего не понимаю. Потом, после...

4 июля 2099 года. 9.07—9.27

Президента Январцева закатывали в золото.

Вытянувшись, висел он на тугих струях воздушной перины, пока миниатюрные, не больше жука, ползуны, монотонно гудя, обматывали звонкой, красноватой, прозрачной на свету ленточкой узловатые ноги, осторожно переваливая через вздутые вены.

— В мое время МЗТ называли транспортом молодых, — вздохнул астродиспетчер. — А ныне в любом возрасте летят на звезды, пожалуйста. Не так давно я профессора Юстуса провожал, теперь вас.

— Юстуса я помню хорошо, — отозвался президент. — Он сыграл когда-то большую роль в моей жизни. Где он сейчас? Жив?

— Жив, конечно. Юстус на Луне в «Легкости». Знаете этот образцовый санаторий в Море Дождей? Не бывали? Обязательно побывайте после возвращения. Для усталого сердца лучше не придумаешь. А у вас, насколько я помню по карточке, с сердцем нелады.

— Да, с сердцем нелады, сердце не на месте, — вздохнул президент. И после паузы добавил порывисто: — Сколько у меня времени? Минут пятнадцать есть еще, прежде чем эта штука залепит рот? Есть? Тогда добудьте диктограф, пожалуйста, я продиктую письмо... личное.

Диспетчер протянул ему микрофон и деликатно отодвинулся,

«Дорогая моя девочка!

Прости меня, Винета, но я не могу называть тебя иначе. Думаю о тебе, как о милой девочке Винете, славной гостье из радужной юности.

Я наговариваю это письмо, сидя на астродроме. До старта еще четверть часа, сейчас меня обматывают золотой тесемкой. Процедура длительная; ноги, руки обмотаны, но рот свободен, слова произносить пока могу. Пользуюсь, чтобы поговорить с тобой еще раз.

Да, я улетаю к звездам, на ту самую планету Той, которая когда-то подружила нас, а потом разлучила. О способах предотвращения катастрофы я тебе рассказывал: Астрозонт и Астромеч. Сколько у нас было споров: Зонт или Меч, Меч или Зонт? Решили: то и другое. Если Меч не сработает, Зонт надежно укроет планету. Жертв не будет, так или иначе. Но если Меч не сработает, погибнет группа Меча: четыре ракеты с четырьмя экипажами, в том числе и некий Лев Январцев. Расчеты надежны, опыты проводились в поясе астероидов, но всегда есть некоторый процент неожиданных случайностей. Так что не исключено, что это письмо последнее в моей жизни.

Последнее! Произнес это внушительное слово и поразился. Нет, не испугался. Чего дрожать? Пожил достаточно, знаю, на что иду. Но последнее слово должно быть очень весомым. Это как бы итог жизни. И я спросил себя: «А каковы итоги моей жизни? Что я понял, прожив на свете более полусотни биолет? Что могу сказать полезного тем, кто прожил меньше, в частности, тебе, моя хорошая, если на разговоры осталось...»

— Сколько у меня осталось, товарищи? Десять минут еще?

«И вот что я понял, вот что прочувствовал, Винета: все сложно — природа сложна, сложны техника и экономика, человек сложен невероятно.

Даже ты, милая девушка, с уважением запоминаю-

щая каждое мое слово, пожимаешь плечами: «Все сложно! Подумаешь, открытие! Да кто же этого не знает?»

Знают, девочка, все знают, но забывают, упускают из виду. Дело в том, что, зная о сложности мира, мы мыслим прямолинейно, как бы отрезками, касательными к истине. Истина, увы, бесконечна и бесконечно сложна, она не вмещается в человеческий череп. Экономя время и нервные клетки, мы мыслим упрощенно и искажаем. Мы жаждем простоты и любим повторять простые и броские афоризмы: «Человек — это звучит гордо», «Человек — самое кровожадное из животных», «Человек — мера всех вещей», «Человек человеку волк», «Человек — венец творения...»

Да ничего подобного — не волк и не венец. Человек — это человек. Да кто же из нас бывает хорош всегда и для всех?

Вот я был женат. Кажется, говорил об этом мелко, не хотелось распространяться. С раздражением думаю о жене, надо контролировать себя, подавлять нехорошие чувства, а это утомительно. Почему же возникло раздражение? Сейчас понимаю так: жили вместе два нормальных человека — мужчина и женщина. Для Жужи, моей жены — нормальной женщины — самое-самое главное в жизни — любовь, семья и ребенок. Она и требовала, чтобы я все подчинил интересам ребенка. Для меня — нормального мужчины — самое-самое главное — дело. У разных мужчин дело имеет разный смысл. У некоторых дом и семья — главное дело. С такими женщинами легче жить. Но у других, «непутевых», дело — это разные забавы, наука в том числе. Для меня же наиважнейшее — поиски открытий. Вот и возникла проблема, уравнение с двумя неизвестными. Дано «а» и «b» — интересы жены, интересы мужа. В чью пользу решать уравнение? Я понимаю, ты, Винета, поступила бы своими интересами. Но ведь ты сильная, ты всегда кидаешься на помощь. Моя жена не

была сильным человеком, она требовала, чтобы я помогал. Вот и я не проявил себя сильным, не поступился своим делом... Но надо ли было поступаться? Если все будет жертвовать делом, кто будет делать дело тогда?

Уравнение с двумя неизвестными!

Может, нужно было искать компромисс, некое приемлемое соотношение сговорчивости, скажем $0,5a + 0,5b$, или же: $0,6a + 0,4b$ — формула семейного счастья. Урезанное, конечно, счастье, обе стороны ущемлены, разочарованы...

Полурешение. Надо, чтобы обе были довольны.

Возможно, виноват я, не сумел обеспечить оптимум — 100 процентов для «а» и 100 процентов для «b». Но Темпоград затруднял решение, не мог я и уехать и остаться.

Вот и еще одно уравнение с двумя неизвестными, не до конца известными: А и В, Урби и Орби: Город и Мир.

Дано: А — Темпоград, город научной разведки, способный найти новую дорогу и указать ее миру.

И имеется В — Мир, который не желает принять новые темпы, говорит, что они ему не нужны.

Можно и Нужно! Древнейшая проблема — историческая, доисторическая, даже биологическая.

У зверя Можно — это организм, Нужно — среда. Можно — наследственность по Менделю, Нужно — отбор по Дарвину.

У человека Можно — это техника, Нужно — экономика, кроме того, и психология — строй жизни, привычки. Во всей истории прослеживается игра Можно и Нужно. Когда отставало Можно, люди голодали, когда Можно опережало, новшества осуждали.

Классический пример: паровую машину можно было сделать и в античной Греции на основе механизмов Герона, но она не нужна была; рабы справлялись со всеми делами, вручную раздували мехи, вручную ковали щиты и мечи, вручную на гребных галерах доставляли эти товары варварам.

— Неужели, — думаю я, — и Темпоград — разновидность Героновых сифонов? Ведь его же создала неотложнейшая нужда: заявки на новые проекты, новые заводы, новые породы, новые учебники, новые лекарства, нежелание и невозможность ждать три года обещанного. Темпоград все выполнил с лихвой, он и был запроектирован с резервом, чтобы быть наготове всегда. И что же делать теперь: так и держать мощности и умы наготове и в бездействии? Но мощности и умы в бездействии ржавеют.

Может быть, темп снизить? Но тогда мы в трудный момент не сумеем, не успеем.

Ликвидировать? Но Темпоград необходим. Может больше пользы приносить, вот в чем суть.

Нет однозначного решения. Нет у этого уравнения простых действительных корней.

Правда, и об этом напоминает история, ненужное сегодня становится остро необходимым завтра. Паровая игрушка древних эллинов совершила промышленную революцию в XVIII веке. Ракета — праздничная забава китайских императоров — вынесла человечество в космос. Америка, заброшенная викингами и забытая, оказалась важнейшим открытием XV века. Атомматерик тоже понадобится людям когда-нибудь. Мир еще вернется к обсуждению теградизации.

Когда будет Нужно.

Золотая обмотка дошла уже до подбородка, пора заканчивать речи. Последнее слово тебе, Винета. Дорогая моя девочка, я думаю, мы были бы очень счастливы вместе. Во всяком случае, я был бы счастлив, если бы не свалил дурака. И я очень хочу, ужасно хочу, чтобы ты не упустила свое. Пусть будет для тебя своевременная молодая любовь, и материнство, и надежный спутник на всю жизнь! Никогда не думал, что можно так страстно желать любви не своей невесте, неизвестно чьей. Может, это и есть настоящая любовь?

Не упускай своего счастья, девочка... Но не упусти и моего. Мне досталось почетное место рядом с самыми передовыми разведчиками предварительной разведки человечества. На самом остром клина штурмующих я мог стоять с биноклем, направленным на горизонт. Я видел будущее, я прожил гордую жизнь, девочка, и жалею об одном: коротковата была эта гордая жизнь, и Темпоград не помог нисколько. В быстром времени для других успеваешь больше, а свои годы тратишь сполна. Но если бы мне дали вторую жизнь, такую же короткую, я снова в 19 лет просился бы в Темпоград.

Может, и тебе стоит последовать моему примеру. Не сейчас, конечно, после сорока, когда дети подрастут, перестанут нуждаться в маме Винете...»

— Лев Мальвинич! Лев Мальвинич!

— А, что? Кончатся пора! Еще несколько слов...

— Лев Мальвинич, вам письмо. Прочсть или отложить до возвращения?

— Ну, прочтите. Или лучше покажите. Поднесите к глазам!

«Уважаемый президент!

(Иначе не могу вас называть, не получается.)

Когда вы получите это письмо, я уже буду в Т-граде. Шеф решил ехать срочно, и он берет меня с собой. Он прав: нельзя допускать, чтобы каждый старик на Земле не мог бы стать молодым, когда захочется. И нельзя допускать, чтобы люди, потратившие молодость для других, не могли бы ее вернуть. Шеф считает, что лет за двадцать можно решить эту проблему. Значит, для вас я вернусь через три недели. Если шеф прав, может быть, мы попробуем начать жизнь заново. Если не прав, наши годы сравниются, будет, что вспомнить обоим. Три недели — не так долго. Я ждала месяца...»

13—16 июля

И стала тьма.

Окутала всю планету Той, океаны и материки, шалаши и дворцы. Всюду стало черно, как в запертом чулане, как в сыром погребе, как в самой глубокой шахте. Черным лаком заплыли города, горы и воды. Даже воздух, казалось, превратился в смоляной студень, густой и плотный, хоть руками его разгребай.

Тьма наступила не сразу, не в единый миг, не божественным произволом, как ожидали тоиты. Земные «волшебники» разворачивали свой Зонт постепенно, как бы натягивали ночь на небо. Ведь так называемый Зонт был слоем уплотненного вакуума, отражающего и атомы и лучи, «зеркализованным» называли его физики. Зеркализацию же производили ракеты, летя попарно с ракетной скоростью — десятки километров в секунду. Почему ракеты, такой устаревший транспорт, применялись в ХХI веке, давно освоившим МЗТ? Потому что разрушать можно и мимолетом, а сооружение требует неторопливой обстоятельности. Поле пашут трактором, пахать ракетой невозможно. Межпланетное поле надо было вспахивать ракетами, тут МЗТ был бы неуместен. Миг — и пролетел всю планетную систему насквозь, ничего и разобрать не успел.

Итак, ракеты Зонта летели попарно, зеркализуя пространство, и, отражаясь от зеркала, лучи двух солнц пере-

стали доходить до планеты Той. Снизу это выглядело так, будто некто невидимый распорол дневное небо по шву и скатал голубизну в рулон. Еще минут двадцать половина неба пылала, багровея, бурей, сужаясь, затем на горизонте сомкнулась темно-бурая щель, и мир погрузился в черноту. И с жалобными стопами тоиты повалились на спину, протягивая вверх растопыренные ладони. У них принято было молиться, лежа на спине, как бы на обеих лопатках под коленкой победоносного бога. Даже владыка Низа откинулся на спинку трона и протянул к потолку ладони, отослав предварительно приближенных, чтобы никто не видел его в такой унижительной позе.

К сожалению, не обошлось без жертв. Кого-то тьма застала в море, кого-то в пустыне, кто-то умер от страха и отчаяния. Так и не удалось предупредить всех тоитов поголовно и не всех предупрежденных удалось убедить. И вдруг тьма! Светопреставление!

Даже владыка Низа, уж он-то знал раньше всех, сам рассылал гонцов с вестью о тьме, и то не очень верил. Полежав минуты две с растопыренными ладонями, чтобы ублаготворить небожителей, распорядился повелительно:

— Уста богов ко мне!

Верховный жрец понимал, зачем его вызывают, захватил с собой Клактла.

— Не страшись, посвященный, скажи слово в слово, что говорят тебе тонконогие, долго ли продлится ночь над Рекой?

Пребывание в Темпограде не прошло бесследно для Клактла. Почтения к верховному поубавилось у него, даже склоняясь перед властелином Низа, он произносил лишние слова:

— Позавчера, божественный, я спрашивал переводчика по имени Левтл. Уста богов, всеслышащий и всевидящий, выбрал для меня этого переводчика за его

юность, но сейчас он совсем старик, за месяц состарился. Убийственно вредный воздух в городах чужеземцев. Левтл дал слово, что свет вернется через три дня... если все будет благополучно. Если же не будет благополучно... тьму продлят на много-много дней. Тогда чужеземцы сами принесут свет во все дома и муки вдоволь, так они обещали. Но Левтл сказал: неудача, как самый плохой бросок в кости; все остальные броски — удача.

Верховный жрец поднял ладони к небу:

— Жалкие смертные суетятся, сами ничего не ведают, игрой в кости называют волю богов. Молись, Властелин, и я буду молиться, чтобы боги явили милость. Тонконогие ничем не помогут, они только притворяются могучими.

Группа Астромеч вылетела заблаговременно, прежде, чем над планетой Той раскинулся Астрозонт.

Вылетела на четырех ракетах, по четыре человека на каждой: командир, пилот, инженер и радист, он же электрик, фельдшер и повар. Как обычно, в космосе у каждого было по несколько профессий. На ракете № 1 командиром был Лев Январцев, а пилотом — Свен, спутник Юстуса и начальник вокзала МЗТ все эти беспокойные недели. Но очень уж ему надоел вокзал, Свен наприсился в космический полет.

Ракеты были ядерные, «тихоходные», развивали скорость не более тысячи километров в секунду. Но «тихоходки» эти без труда настигли опасное солнце В, падающее на доброе А со скоростью около ста двадцати километров в секунду. Злое падало на А, как орел на зайца, а ракета настигала его, как стрела настигает орла. Впрочем, это сравнение только для схемы. Перед глазами у президента было нечто потрясающее: пылающий дом, пылающая гора, пылающее небо. Для впечатления нужен масштаб. Гора, планета, солнце одинаково миниатюрны на книжной странице. Океан велик не на карте,

он велик для того, кто плывет по нему день за днем. Ракета президента часами плыла мимо огненного океана.

Протуберанцы были внушительнее всего. Даже на нашем земном очень спокойном солнце эти пламенные вихри взлетают иной раз на миллион километров, на высоту диаметра солнца. Представьте себе на экваторе вулкан, столб огня от которого виден с обоих полюсов и еще на половину неба. Здесь же протуберанцы превосходили диаметры солнц — и доброго и злого — раз в пять. Не шары виднелись на экранах, а этакие круглые вазоны с огненными букетами. Сначала букеты были фотографически неподвижны, но по мере приближения начали пошевеливаться, перебирать лепесточками, алыми ниточками, вспыхивать, меркнуть, ветвиться. И постепенно потеряли сходство с букетами, превратились в щупальца. Два огненных спрута протягивали их друг к другу, стремясь сплестись, весь космос зажечь.

— Как будто обняться тянутся, — сказал юный радист, радостно улыбаясь.

— Пальцы скрючили, вот-вот в горло вцепятся. — Инженер воспринимал мрачнее.

— А мы им пальчики пообрежем, — усмехнулся президент.

Он был в прекрасном настроении с момента вылета, даже раньше того — с прибытия на Той. И даже не из-за письма Винеты. Винету он предпочел бы отговорить от немедленного переселения в Темпоград. Винету он жалел: так старые солдаты жалели безусых новобранцев: «Мы-то свое отжили, а зачем дитя под пули?» Но на планете Той президент оказался в обществе одних только «старых солдат».

Были здесь и близкие друзья: Вильянова — конструктор с талантливыми пальцами, и Анджей — генератор идей в порядке бреда. Земля охотно командировала темпоградцев на Той, ведь они проектировали Меч и Зонт, возились с каждой деталью годами, не три неде-

ли, как изготовители и испытатели. Да и не только темпоградцы были «старыми солдатами». В каждом астронавте президент чувствовал родственную душу. Звездопроходчики были для него как бы соперниками в беге, но тоже бегунами в будущее. Темпоградцы покоряли время, астронавты — пространство; те и другие — покорители. Все было сходно, и все несходно. Все разговоры превращались в сравнение: «А у нас, а у вас...»

— У нас в Темпограде на старте была чистейшая баня: плюс 60, 80, 100 градусов — сколько выдержишь. И выдержишь, потому что спешка.

— У вас перегрев, а у нас перегрузка. На взлете и посадке вес больше в шесть, восемь, десять раз, сколько выдержишь. И выдержишь, потому что иначе не долетишь. А нетренированное сознание теряет.

— Правда, МВТ сейчас все это отменил. Опалит, кольнет... и там.

— И у нас МЗТ отменил перегрузки. Но ведь техника, она портится. Вот случай был на Эпсилоне. Землетрясение... и опрокинулся вокзал. Три года строили ракету, пять лет добирались до соседней звезды.

— И у нас годы не в счет. Конечно, Темпоград — город благоустроенный, но все-таки город. Ни лесов, ни полей, ни озера порядочного. Деваться некуда в свободный час. Размялся на садовой дорожке — и за стол. Хочешь дело сделать, выдержишь.

— У вас хоть город, а у нас корабль: две каюты, рубка и коридор. Выведут на орбиту — и сиди. Деваться некуда в свободный час. Размялся на тренажере — и к телескопу. Наблюдения, фото, записи. Программу надо же выполнять. Никто тебя не тянул, сам просился.

— Конечно, у нас можно уйти в любой момент. Но беглецы — редкость. Свои три года используешь до последней минуты.

— А с орбиты и уйти нельзя. Прибыл, сиди, жене посылай радиопоцелуи.

Нет, они не жаловались на судьбу друг другу, они гордились пережитыми трудностями — бывшие мальчишки, воспитанные на мечте о трудно добываемых подарках. Мужчина должен принести самое трудное. Подарки из космоса доставались тяжко. Темпоградцы доказывали, что и подарки из быстрого времени не так легки.

Наверное, все-таки легче немного. Город не корабль, и покинуть его можно в любую минуту.

В общем, они сговаривались: астронавты и темпонавты. И президент охотно взял на свою ракету капитаном немногословного Свена, разглядел в нем искателя невиданных трудностей. И инженер, и молоденький радист вписались в экипаж, все они были добытчиками подарков.

«Не одинок я. Есть рвущиеся за горизонт, — думал Январцев. — С таким народом мы раскачаем вантромповцев».

Но все это были мысли подспудные, они только создавали фон — приподнятое настроение. Главные думы сегодня были о Зонте и Мече.

Идея Зонта понятна и для XX века. Создавался напряженный зеркализированный слой вакуума вокруг планеты Той. Напряженные слои существуют и возле каждого атома. Именно поэтому твердые тела отражают или рассеивают лучи.

Идея Меча несколько новее, пожалуй, в наше время ее не все признали бы. Заключалась она в том, чтобы разрезать вакуум. Поскольку тяготение передается через пространство (через физический вакуум), предполагалось, что притяжение будет парализовано, и два солнца разойдутся, не сближаясь до опасного уровня.

Заслуга Темпограда в том и заключалась, что он выковал меч, рассекающий пространство.

А заслуга молодого Льва в том, что он задал вопрос: а нельзя ли сделать такой меч?

Теперь предстояло пустить его в ход.

Четыре ракеты, четыре космические козявки, против огненного дракона, лавины, вулкана, против пылающего неба!.. Ничего больше неба мы не можем себе представить.

Приборы показали, что Меч вступил в действие. Даже и без приборов это почувствовалось. Ракета как бы наткнулась на вязкую массу, вздрогнула и пошла медленнее. Сразу же в ней появился и вес. Сопротивление вакуума, падение скорости — все было предвидено, все говорило, что работа идет. К сожалению, сами космонавты не могли видеть разрез. Только наблюдатели со стороны могли бы заметить искажение созвездий.

Отчасти поэтому президент предложил направить ракету на протуберанец. «Обрежем язычок, будет заметно», — сказал он.

Да, это было внушительно, когда ракета вошла в пламя. Рев, вой, свист, верещанье, гул, грохот! Словно разъяренные быки ломаются в запертые ворота. В первый момент астронавты были потрясены, даже напуганы. Ведь они привыкли к безмолвию. Когда двигатели выключены, кажется, что ракета вообще неподвижна: поплавок в спящем звездном море. Но тут космос заговорил, загремел, загрохотал, забарабанил на разные голоса. Все знали, что облицовка надежна, испытывалась при температуре вольтовой дуги, а все-таки не по себе. И все вздохнули с облегчением, когда протуберанец остался позади. Злое солнце перестало скандалить и браниться.

Как браниться, когда тебе язык режут?

Солнце В смолкло и отстало. Протуберанцы тоже отстали. Январцев распорядился выключить двигатели, чтобы направить перископы в тыл. Интересно было посмотреть, как упирается в разрез укороченный протуберанец.

Но что это?

Огненные языки были и остались. И ближайший, и все остальные благополучно пересекают борозду.

Почему пересекают? Разрез не удался?

— Были испытания на протуберанцах? — спросил Свен у инженера.

Оказывается, не было. Меч испытывали на астероидах и резали никчемные луны Сатурна. Но к нашему Солнцу близко не подходили, к хромосфере и протуберанцам не притрагивались. Нельзя было нарушать поле тяготения нашего главного светила; орбита Земли изменилась бы, год нарушился бы в лучшем случае.

— Почему же пламя пробивается? Может быть, разреза нет вообще?

Свен молча показал на табло, где самопиसेц вычертил план борозды.

— Сейчас Анджей войдет в зону. Посмотрим, что у него получится.

Но и вторая ракета, где командиром был Анджей Ганцевич, а также и третья (Хулио Вильяновы), и четвертая не смогли задержать торжествующее пламя.

Посоветовавшись по радио, командиры четырех ракет решили повернуть назад и снова пройти между двумя солнцами.

Повернуть! Это на земных шоссе получается просто: притормозил, крутанул баранку — и поезжай назад! Ракеты маневрируют по-ракетному: сначала сбрасывают ход до нуля, а потом набирают скорость в обратном направлении. И торможение и ускорение лимитируются выносливостью людей, а выносливость требует умеренности. Для нормального веса нужно прибавлять или снимать не более десяти метров в секунду. Для учетверенного — сорок метров в секунду. Обычно перегрузка дается на несколько минут.

Два часа учетверенного веса выдержали Январцев и его спутники. Два часа затрудненного дыхания, набрякших век, ноющей спины, два часа с чугунной головой,

когда даже мысли не ворочаются, отяжелевшие вчетверо.

Наконец скорость снята, наконец дан задний ход. Ракета позволила небесному горну приблизиться, догнать себя, обогнать, пропустила мимо, подрезая протуберанцы под корень. Никакого результата! Живучие языки термоядерного костра, проходя сквозь разрез, издевательски приплясывали и перед носом, и за кормой. Даже, казалось, еще веселее приплясывали.

Командиры ракет снова связались по радио. Но что можно было предложить?

— Будем резать и резать, — сказал президент. — Едва ли приборы врут на всех ракетах. Какие-то шрамы мы оставляем в пространстве. Возможно, если не вторая, то третья, шестая борозды дадут эффект.

А Ганцевич сказал:

— Что там мелочиться? Давайте я нырну в фотосферу. Отхвачу кусок солнца, вот тяготение и уменьшится.

— Но это же очень опасно, Анджей, — сказал ему президент.

— Что ж? Все равно мы погибнем, если будет взрыв новой.

Президент медлил только одну секунду:

— Хорошо, старик, я иду на таран. А вы держите прежний курс и наблюдайте. Включайте правые дюзы, Свен. Доворачивайте в фотосферу.

Свен поднял голову:

— Я должен предупредить, учитель, что ракета не рассчитана на таран. Мы выдержим в фотосфере не более двадцати минут.

— Вот и ведите так, чтобы вынырнуть из фотосферы через двадцать минут.

— Я обязан предупредить вас, командир.

— А я всегда удивлялся, — сказал президент жестко, — как это, твердо помня параграфы, люди упускают из виду суть. Мы же все превратимся в пар, если не

сумеем разминировать эту проклятую космическую бомбу.

Сказал и пожалел. Свен наклонил голову одобрительно, он всегда стоял за риск. Но инженер и радист переглянулись бледнея, у последнего плаксиво изогнулся рот.

— Моя мама больше всего боится мучений, — сказал он извиняющимся тоном. — Всегда спрашивает, легко ли умирали ее знакомые.

— А моя теща будет очень довольна, — сказал Свен наигранно бодрым голосом. — Она уверяла, что я плохо кончу.

«Молодец этот Свен», — подумал президент. И еще подумал, что его теща тоже будет довольна. А Жужа? Жужа поплачет, искренне горюя, что ей достался такой невнимательный муж. Но заботливая мама убедит Жужу, что в ее положении вредно плакать. А Винета?

Но вслух президент сказал совсем другое:

— Вам хорошо, товарищи, а у меня назревает трагедия. Я заказал роботу блины перед отъездом и забыл поставить ограничитель. Представляете: кухня завалена блинами, на полках блины, в коридорах блины, из окон на улицу сыплются блины... А робот настроен на мой голос, его никто не выключит. Он и меня не всегда слушается. Так и будет печь блины до скончания веков. Придется мне прийти с того света. Никто не слышал: на том свете дают краткосрочные отпуска?

О верная теща и неизменные блины! Во все века выручали вы истощившихся остряков. Блины, роботы, тот свет... и уныние сбито. Вот уже и инженер тщится придумать что-то. И радист добавляет срывающимся, все еще полным слез голосом:

— А тот свет есть, вы уверены, учитель? Давайте условимся, как прибудем туда, срочно даем радиограмму: «Лучше нету того света...»

— Я предпочел бы явиться, — мрачно объявил инже-

нер. — Явиться прямо на заседание Академии. «Кто вы?» — «Я привидение. Прошу провести испытание на сжатие и скалывание».

— Привидение надо испытывать на прозрачность. Судя по литературным источникам, они подобны туману. Стало быть, аэрогель или аэрозоль.

— Аэрозоли! Как отравы для комаров.

— Ужас! Становишься родней инсектициду. Немудрено, что никто не является с того света. Стесняются.

Теща, блины, роботы, тот свет, привидения!.. Умеет человек настроиться, умеет и заразить настроением. Одни шли в бой, бледнея от ужаса, другие — с руганью, третьи — с песней. А Томас Мор, кладя голову на плаху, сказал палачу: «Тебе придется потрудиться, мой друг, у меня толстая шея».

— Ладно, пошутили, теперь давайте координаты, — сказал президент Свену. — Постараемся прицелиться поточнее.

Пилот прошелся по клавишам вычислительной машины, словно пианист, пробуящий звук перед концертом. На табло выскочили цифры: координаты Лямбды А, Лямбды В, ракеты, взаимные скорости...

— Подождите, — остановил его президент. — Почему скорость Лямбды В — 120? Должна быть 127—128.

Пилот еще раз сыграл тот же пассаж.

— Сто двадцать!

— А ну-ка составьте голографик.

Данные были введены в специальную приставку. Слева от машины засветился прозрачный куб — пространственный график орбит. В нем появились цветные ниточки — зеленые зигзаги ракет, черные шрамы разрывов Астромеча, плавная линия естественной орбиты Лямбды В — безупречный кеплеровский эллипс, а также и фактически наблюдаемый путь.

— Касательная! — воскликнул радист.

— Да, дорогой мой, касательная.

— Учитель, ура!

— Проверим, мальчик, проверим. Ликование после.

Нужны ли тут пояснения? Под влиянием сил притяжения взрывчатое солнце В двигалось по эллипсу, приближаясь к спокойному солнцу А, и, приближаясь, входило в опасную зону. Если оно перешло с эллипса на касательную, на прямую линию, значит, силы тяготения парализованы: в опасную зону В не войдет, взрыва никакого не будет. Звезды разойдутся через некоторое время, В удалится снова в дальние просторы. Все это космонавты поняли по цифре «сто двадцать». Сто двадцать, а не сто двадцать семь — значит, скорость не растёт, притяжение не действует. А пространственный график подтвердил догадку.

— Почему же протуберанцы пробиваются через разрез? — недоумевал Январцев.

— Ах, учитель, какая разница? Ну, проскакивают через разрез отдельные атомы — три процента или пять процентов, а для нас все равно огненный язык.

— А может быть, тоннельный эффект?

— Тоннельный? Но ведь это открытие, учитель.

Конечно, они, специалисты, понимали друг друга с полуслова, а нам с вами требуются всюду пояснения. Дело в том, что в мире атомов, подойдя к непреодолимому барьеру, частица иной раз вдруг оказывается по ту сторону стенки. Так, если вы прислонитесь к фанере и кто-нибудь стукнет по ней молотком с другой стороны, вам будет больно, хотя фанера останется целой. В ХХI веке считали, что при тоннельном эффекте за барьером оказывается не частица, а ее копия.

— Значит, мы видим копии протуберанцев, учитель?

— Да, товарищи, видим копии. И это очень важно. Выходит, что на вакуум-борозде можно копировать вещество. Атомы здесь, атомы там. Кристаллы здесь, кристаллы там.

— Хлеб здесь, хлеб там. Человек здесь, человек там?

— До этого еще далеко, очень далеко. Отложим фантазии. Сейчас нам надо догонять Лямбду В, делать третью серию разрезов.

Примерно через час после этого усталое лицо президента Январцева появилось на экране вокзала МЗТ, где размещался штаб борьбы с катастрофой.

— Товарищи, докладываю, бедствия не будет. Солнца расходятся. Какое принять решение: оставить В в этой системе или удалить окончательно?

— Удаляйте, если есть возможность.

— Тогда передайте всем властителям и толкователям воли богов, что их злой демон изгнан навеки.

И опасное солнце было изгнано, навсегда ушло в пустые просторы Галактики, неведомо куда. И пока нельзя было сказать, где оно взорвется, взорвется ли вообще когда-нибудь. Ведь новые звезды, по мнению земных астрономов, обязательно входят в двойные системы, одинокие развиваются как-то иначе, без повторных истерических катастроф.

Зонт для страховки продержали еще два дня, а потом была подана команда: «Да будет свет!»

И стал свет над планетой Той.

Выглядело это своеобразно, в каждой стране по-разному, а на родине Клактла, как восход в зените. Сначала в черном желе над головой появилась щель посветлее, как бы тучи разошлись — небывалые тучи с прямолинейными краями. Щель раздвинулась, в ней проглянули звезды, все больше и больше звезд, потом края ее порозовели, и вдруг сверху брызнули лучи обоих солнц сразу... второе еще не ушло далеко. И небо поголубело, трава зазеленела, море стало синим, лиловатым у горизонта: все как полагается, все как обычно. Таковы финалы несостоявшихся катастроф, отбитых нападений, предотвращенных бедствий. Бездна усилий, тревог, волнений, ...и все остается по-прежнему.

2099 год. Конец июля по земному календарю

Охотник танцевал перед черепами рогатых.

Он танцевал усердно; тело его блестело от пота и жирного сока травы кхан, руки были обвиты пахучими острыми листьями, то и дело он подносил их к костяным носам зверей. Кричал: «Нюхай! Сладко! Сладко!»

Он верил, что, прельстившись этим дымом, души и черепа съеденных рогатых позволят съесть и своих собратьев.

Всю ночь после танца охотник копал яму на тропе у водопоя, мостил ее тонкими жердями и маскировал все той же пахучей травой кхан. Подгонял себя, привычно пересиливая усталость. Надо было успеть до рассвета. На рассвете рогатые пойдут на водопой и, учуяв траву кхан, потеряют соображение и осторожность. Могут прыгнуть в яму, могут погнаться и за охотниками, чьи тела тоже пахнут травой кхан, вонзить под ребра острые рога.

Быстрее! Быстрее!

Ночь коротка, с вечера ее срезает странное второе солнце. Откуда оно явилось? Зачем душило землю неслыханной жарой? Напакостило, сожгло траву, рогатые отощали, стада их поредели. Редко удастся наполнить живот их сладким мясом. Но теперь уходит непрощеное, так говорят старики. Будет охота, как бывало.

Проворней! Проворней! Уже потрескивают ветки, подрагивает почва. Рогатые идут по тропе.

Ох, как урчит в брюхе!

* * *

Звезды, звезды на черном небе! Сколько их? Больше, чем чешуек на теле пастуха, больше, чем рогатых в его стаде.

Пастух развалился на кошке, прислушивается.

Нет, тихо все. Чужие боятся племени, зубатые сыты летом. Сыты жадные глотки. Нажрались падали. Сухое выпало лето, много рогачей пало от бескормицы.

Много пало, осталось достаточно. Так что и пастух сыт. Вдоволь сладкого мяса. Тут оно, под рукой. Хватай любого теленка, вали, режь, пей горячую кровь.

Сыт пастух, от сытости бродят мысли. Не для мужины эта разнеживающая лень. Муж рожден для битвы. То ли дело скакать с копьём наперевес, диким воем пугать жалких травоедов. Травоеды трусливы и мягкотелы, зато женщины их нежны и желты как масло. Эх, схватить бы такую желтенькую, перекинуть через хребет скакуна, на руках внести в кожаный шатер. Тело млеет, когда думаешь о таком.

Теперь уж недолго ждать. Вождь вернулся из страны травоедов, все там высмотрел, день и ночь заседает со старейшинами в шатре. Скоро! Скоро!

* * *

Крутись-крутись, мой жернов, перетирай все зерна...
Всю жизнь крутила. Мужчина — стрела, женщина — маятник. Туда-сюда, туда-сюда. Руки заняты, голова свободна, потому что все надо продумать заранее. Долго жди, быстро отвечай!

Но что обдумывать старухе?

Какая ни на есть, жизнь прошла. Всякое бывало —

яплохое и хорошее. Бывало холодно, бывало и солнышко, даже два солнца сразу, и до такого дожила. И тьма непросветная, собралась в гроб ложиться. Но боги смилостивились, вернули два солнца на небо. Спасибо, хоть при свете помирать придется, не во тьме кромешной.

Одна на свете заботушка: меньшая дочь не пристроена. Боги, избавьте ее от голода, лихоманки, от змеев речных, от горластых всадников степных. Не пожалее жертвы богу полей, и богу змей, и богу войны... и богу свадеб, конечно. Хорошая дочка, красавица из красавиц, желтее масла, гребень хохлом, чешуйка к чешуйке как на подбор. Такая не только для солдата хороша, и для сотника, и для тысячника, лишь бы глаз кинул.

— Ты бы сходила по воду, дочка. Ноги у меня гудят. Я уж посижу, за тебя молоть-молоть буду.

— К роднику, мама?

Наверное, Он там сегодня!

* * *

Хаиссауа — это высшая красота.

А высшее искусство — извлечь тайную красоту из камня.

В сокровищнице Властелина выбрал он камни, краснеющие в воде, и камни синеющие, и камни молочно-белые и горячие черные камни, гладкие и блестящие, как будто мокрые всегда.

Из синеющих камней выложил он небо, из белых — Доброе солнце, из красных — Злое, из черных — уходящую тьму, а из пестрых разноцветных — крылатых пришельцев, отдергивающих черный полог.

Сам Властелин смотрел на стену, сказал: «Я щедро награжу тебя».

Разве в награде суть? Красота останется навеки на дворцовой стене, красота, которую мастер сумел разглядеть.

И сам Толкователь, Уста богов, смотрел работу. И сказал:

— Видящий камни насквозь, глаза твои зорки, но душа слепа. Крылатые дьяволы затуманили ее. На самом деле они не прогнали, а призвали тьму. Избавили же нас от тьмы боги по молитве нашего Властелина. И ты покажи истинную истину. Вот тут пускай стоит Властелин с ладонями, воздетыми горе, а тут бог с головой четырехрога пускай отдергивает полог тьмы... а тут крошечные дьяволы в ужасе падают в преисподнюю.

Художник перевел дух и склонился в почтительной позе.

— Слышать — значит слушаться.

Пронесло! Не отстранили, не прогнали. Существенное оставили: черный камень, белый камень, красный камень. Пестрые камешки можно и переклеить, композиция не изменится. Прибавить две большие фигуры? Ну что ж, мастер сумеет их встроить, сохранив равновесие цвета, не испортив замысел.

— Моя душа слепа, — сказал он покорно, — но уши открыты для твоих слов, Уста богов.

* * *

— Союзники будут потрясены, — сказал Властелин, глядя на цветные камни. — Сразу увидят, что я самый богатый и самый могучий. Увидят и пришлют свои полки.

Его войско уже выступило. Поход начат. Судьба решается.

Это жрец — Уста богов — дал такой совет. Дряхлый владыка Верха подавлен тьмой. Он подавлен, а нам открыто, когда придет свет — через три дня ровно. Как только придет солнце, выступим. Внезапный удар — половина победы.

Сам Властелин сомневался. Он сказал:

— Не повременить ли? Хорошо бы и нам иметь крылья как у дьяволов. Могучее оружие — три четверти победы. Ударим на воздушных колесницах. Если собрать всех мастеров со всей Реки, может, все вместе припомнят, как составлена воздушная колесница. Если не сумеют сделать, попросим, купим, выменяем, украдем, отнимем у тонконогих.

Но жрец сказал:

— Тонконогие коварны. Они дадут крылья и тебе, и владыке Верха. Тонконогие — подстрекатели черни. Они все обещают даром: муку, плащи и крылья. Даром! Безбожно и безнравственно! Если мука даром, кто же пойдет воевать за тебя, кто же будет тебе служить? Все даром, и ты ничтожнейший из рабов.

— Сделанное сделано, — сказал Властелин. — Войско выступает сегодня.

Не хотел он быть ничтожнейшим из рабов.

* * *

«У мира Землатл свое солнце, горячее, как и наше. То солнце считают они центром своего мира, а Землатл ходит вокруг него, как четырехрог на привязи.

И еще восемь миров ходят вокруг того солнца. А видны те миры, как наши планеты на небе.

И они утверждают, что Тоитл тоже планета и ходит вокруг своего солнца, как четырехрог на аркане.

Так они говорят.

И чтобы каждый мог проверить их слова, они придумали прибор.

Тот прибор — труба, а в нее вставлены прозрачные камни, как горный хрусталь, но не плоские, а похожие на устрицу...

И через тот прозрачный камень малое кажется великим и можно рассмотреть во всех...»

— Уста богов требуют младшего посвященного в свой покой.

Клаккл неторопливо свернул свитки. После Темпограда у него поубавилось почтения к Толкователю. Пожалуй, он, младший, видел побольше, слышал побольше, разбирается лучше...

Но строптивость сейчас ни к месту, не пришло время:

— У ног твоих лижу пыль, величайший из Толкователей.

— Исполняешь ли мое веление? С тщанием пишешь ли все, что слышал в стране дьяволов?

— Пишу, величайший, как ты повелел.

— Никому не говоришь о том, что видел в стране дьяволов?

— Никому ни слова, величайший.

— И не говори. Все, что ты видел, — мираж. На самом деле дьяволы бессильны, только глаза отводить умеют нестойким в вере. И ты никому не показываешь писаное?

— Не показываю, величайший. Все приношу тебе. Вот сегодняшний свиток.

— Хорошо, я доволен тобой, иди. Не сюда, в ту дверь иди. Продолжай писать.

— У ног твоих лижу пыль, величайший.

Почему его уводят другим ходом? У верховного жреца не спросишь. Может быть, знатных гостей ждет, а может быть, просто так, важность напускает.

Сыровато в подземных проходах. Приятная прохлада, но ступени скользкие. Не грохнуться бы...

— А-аа-ахх-хр-ррр!

Петля на горле. Душат.

— А... пусти... хррр! За что?

Лицо налилось кровью. Рука ерзает по петле.

За что?

В голове вопрос, а слова не выходят из горла. И воздух не входит. Мутится...

Всплеск. Тяжелое падает в воду.

— Вот и вся недолга, — говорит один из палачей самодовольно. — Чисто сделано. Остальное приберут змеи. Как, по-твоему, заслужили мы жбан хмельного? — И он облизывается заранее.

— Не болтай, — говорит его подручный. — Кто болтает, тот воду хлебает.

И думает про себя: «Этот Клактл что-то разузнал у тонконогих. Теперь и я знаю, что он знал лишнее. Не нахлебаться бы и мне воды. Смываться надо, пока жив».

* * *

Выживают догадливые. В эту самую минуту верховный жрец кидает в огонь свиток Клакхла.

— Безбожно и безнравственно, — ворчит он. — Клактл замолчал, всех друзей его уберу потихоньку, потом уберу и убирающих, так чтобы не осталось ни следа. А главное — не пускать на Реку ни одного тонконового! И чернь забудет. Грязные ноги и мозолистые спины, а головы пустые.

И, презрительно поджимая губы, он смотрит через узкое окно на Реку, на барки и плоты, на базарную толчею у пристани.

* * *

Базар — по-южному пестрый и крикливый, щедрый и неопрятный.

Яркие пирамиды аппетитных фруктов, кучи гниющих объедков, свежая трепыхающаяся рыба, мухи над попадающими тушами, змеи, подвешенные за голову, от них отрезают локоть или пол-локтя мяса, горшки, ножи, и копыя, бусы, серьги и кольца, лепешки, плащи, хмельное пиво, амулеты. Зазывают, гонят, торгуются, льстят, бьют воришек, упрашивают, ругаются...

У ограды возле кучи мусора слепец. Может, и при-

творяется, но принято, что на базаре поют слепые. Пощипывая когтями струны из сушеных кишок, он клохчет доверительной скороговоркой:

— Схиу-схитл, тлаххаххатл. Шиворот-навыворот, все наоборот.

Мы шлепаем по грязной земле, голову несем наверху.

А они головой вниз шагают по небу, тонкие ноги погружают в чистые облака.

Мы, задрав голову, с завистью следим за птицами.

А они нацепили крылья и смотрят на нас с высоты.

Мы лижем пыль у ног властителя, принося дары за то, что он распоряжается.

А у них народ распоряжается, а дети властителей обжигают горшки.

Мы затягиваем пояс потуже, потому что нет у нас гроша на сухую лепешку.

А они идут в лавку без денег, берут, что на полках лежит, говорят «спасибо» и уходят.

Мы низко кланяемся жрецам, чтобы прочли за нас иероглифы молитвы.

А у них все детишки читают... как вырастить два колоса вместо одного.

Мы воспеваем могучих героев, ловко отрубающих руки и ноги, сердца пронзающих метким копьем.

А они руки и ноги приращивают, вставляют новые сердца старикам и новые глаза слепцам.

Схиу-схитл, тлаххаххатл. Все наоборот! У нас — у них, у них — у нас, у нас — у них, у нас... Что наоборот? Где наоборот? Где шиворот-навыворот? Где как полагается?

ЭПИЛОГ

Всё! Конеч.

Кончена история о несостоявшейся космической катастрофе и все успевающим городе Темпограде, сумевшем обезвредить взрывчатое солнце.

— Но позвольте, — недоумевают некоторые. — Позвольте, надо же разобраться. Линии не завершены, судьбы не выяснены.

Чьи судьбы? Какие линии?

— Линия планеты Той, например. Тьма там победила или свет? Удалось ли задержать прогресс всяким толкователям воли богов, или истина прорвалась сквозь ледники невежества?

Но вы же сами понимаете, что ледники тают долго. Конечно, земляне традиционно склонялись к невмешательству, но тоиты не могли же не видеть, что можно жить иначе, лучше, сытнее, безопаснее, дольше, интереснее. Видели, раскачивались, боролись. Но это многовековая история, такая же долгая, как земная.

И линия Темпограда вас интересует? Вы спрашиваете, кто победил: нетерпеливые или неторопливые?

Это тоже долгая история. Будет спор, затихающий и возобновляющийся, многомесячный, многолетний, с победами и поражениями, спор между Можно и Нужно, Пора и Рано. Событиям двух месяцев пришлось посвятить целую книгу. Сколько же книг надо написать для всей хроники Темпограда?

Но о судьбе героев можно сказать хотя бы? Как Винета? Нашла она эликсир молодости? Нашла личное счастье?

Товарищи, но Винете же всего девятнадцать лет, она только что отправилась в Темпоград, и надолго. Штеккер — ее шеф — считал, что проблему придется решать лет двадцать биологических. Между прочим, сам он немолод, неизвестно, проживет ли он два десятка лет. В таком случае, вероятно, именно Винете придется доводить до конца его планы. Сумеет ли она, хватит ли у нее сил, таланта и выдержки? Выходит, что и у Винеты впереди долгая история, не менее длинная и насыщенная событиями, чем у Льва. Вообще, разве можно свести к трем строчкам в эпилоге историю борьбы за вечную юность, древнейшую мечту человечества? И даже, если эту мечту осуществят в Темпограде, сведутся ли все последствия к одному торжественному абзацу? Представьте себе мир, где люди перестали умирать, вместо этого омолаживаются.

Ну а Лев, главный герой? Он на склоне лет; его биография близится к концу. О судьбе Льва можно бы написать. Можно бы. Но не хочется придумывать. А материалов нет у меня. Выше я говорил мельком, что книги из будущего нам доставляют изредка по межвековому абонементу. Но привозят их не по нашему выбору, вручают под расписку и отбирают, как только просмотришь. Вот мне посчастливилось посмотреть биографию Льва Январцева, писанную его учителем Б. Силиным. По-видимому, писалась она при жизни Льва, последняя глава была о полете на планету Той, а послесловие я уже излагал:

«Все мы временные пассажиры в Поезде Времени, — писал биограф. — Где-то на промежуточном полустанке мать вносит нас в вагон, завернув в пеленки; несколько десятков лет спустя, тоже на случайном полустанке, другие выносят нас из поезда вперед ногами, засыпав

бесполезными цветами. Вносят всех, выносят всех, но в пути люди ведут себя по-разному. Одни дремлют всю дорогу на верхней полке, лишь бы время прошло. Другие жуют и жуют, разложив на столике домашнюю снедь. Третьи выскакивают на каждой станции, несутся на вокзал, сбивая всех с ног, с гордостью приносят ведра с яблоками или местные сувениры. Четвертых интересуют только соседи — они заводят знакомства, флиртуют, откровенничают, выслушивают откровенности. Пятые вообще не замечают ничего, сидят, уткнувшись в свои бумаги. Январцев же принадлежал к шестым, стоящим у окошка. Стоящих у окошка увлекает самый процесс продвижения, им все хочется заглянуть за горизонт, их волнует ожидание перемен. И иногда дорога вознаграждает их. За однообразными лесами открываются лесные просторы, за однообразными степями — города, море, горы... А за горами... Уж за горами прячется что-то особенное».

Что будет дальше? — спрашиваете вы.

А вам что пришлось по душе: темпы Темпограда, межзвездный транспорт, межвременной, микронавтика или же планы Винеты, быть может?

Мечтатели могут вообразить, писатели — изобразить, а все остальные читатели, загоревшись, засучить рукава...

Тянет вас засучить рукава?

Тогда от вас и зависит продолжение.

ОГЛАВЛЕНИЕ

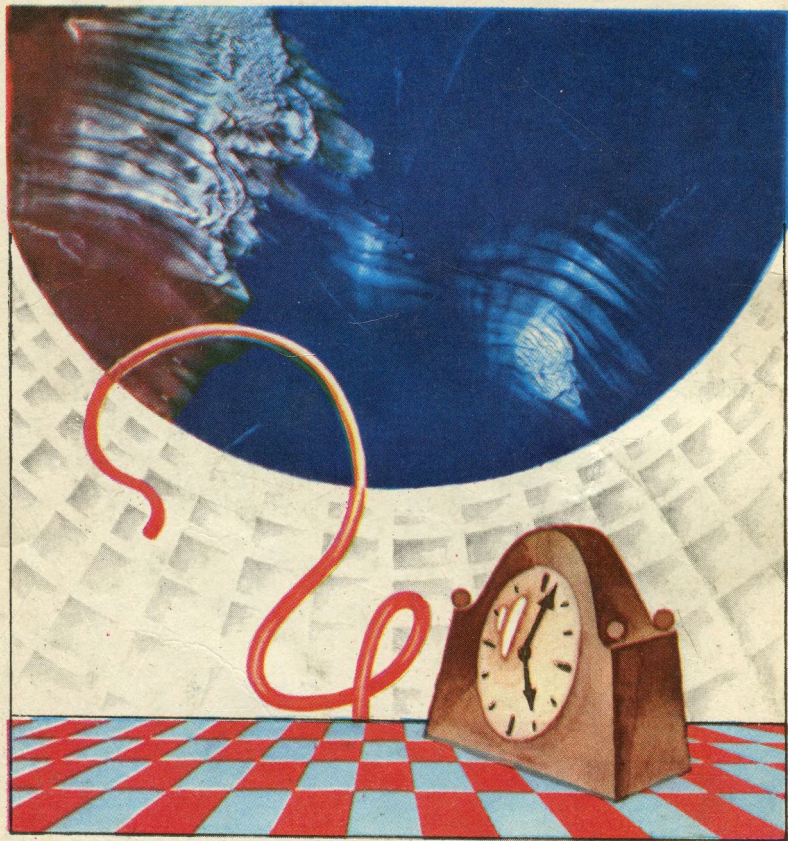
Глава 1. Непростительная оплошность	5
Глава 2. Этнографическая	15
Глава 3. Тяжкий труд бездействия	26
Глава 4. Детство героя	39
Добавление к главе 4	49
Глава 5. Винета	53
Глава 6. Из-за любви и подозрительности	65
Глава 7. Только Темпоград	75
Глава 8. Нужно, юноша!	88
Глава 9. Однопространственная одновременность	103
Глава 10. На орбите быстрого времени	111
Глава 11. Не один путь	118
Глава 12. Всего один час	133
Глава 13. Охотник	143
Глава 14. От среды до понедельника	151
Глава 15. Жужа	163
Глава 16. Темпоскаф	169
Глава 17. Микронавты	179
Глава 18. В дебрях атомов	193
Глава 19. Денек и еще денек	206
Глава 20. Теградизация или деградация?	218
Глава 21. В нормальном времени	230
Глава 22. Свидание с юностью	243
Глава 23. Письма	258
Глава 24. Взорвется или не взорвется?	264
Глава 25. Похожая на вторую	277
Эпилог	285

Сканирование - Беспалов
DjVu-кодирование - Беспалов

90 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

ГЕОРГИЙ ГУРЕВИЧ

ТЕМПОГРАД

ТЕМПОГРАД • ГЕОРГИЙ ГУРЕВИЧ